

К. Черкасов.

МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ

КОНСТАНТИН ЧЕРКАССОВ

М Е Ж   Д В У Х   О Г Н Е Й

Исторический роман

Книга IV

Часть третья
Часть четвертая

Издание автора
Все права сохранены за автором

Типография Г.А.Павлова
Данденонг Виктория Австралия

Обложка работы художника
С.А.Зезина

1990

KONSTANTIN CHERCASSOV

B E T W E E N   T W O   F L A M E S

Historical novel

Book IV

Part third

Part fourth

Published by the author
All rights reserved by the author

Printed by G.A.Pavlov
Dandenong, Victoria, Australia

Bookcover by S.A.Sesin

1990

В чешском селе Шухомасты, где остановился штаб Первой дивизии, у селян - чехов и у русских солдат царило особенно приподнятое, веселое настроение. Заметно было оживленное движение. К штабу дивизии все время подъезжали и уезжали чешские офицеры. Делегаты чешского штаба восстания подолгу, по часу, два и больше, вели переговоры с генералом Буняченко.

- Вот в этом доме находится штаб Первой дивизии, господин сотник.

Марк пожал руку подпоручика, поблагодарил и его солдат, пожал им руки и, спрыгнув с бронемшины, вошел в помещение штаба.

По коридору навстречу ему весело, с хитрецей улыбаясь, на ципочках шел генерал Буняченко. Приложив палец к губам, он знаком прервал доклад Рудакова.

- Знаю, знаю! Мне только что звонил Андрей Андреевич, - шопотом заговорил он. - Она здесь в моем кабинете. Ждет "неизвестного" ей офицера!

Буняченко открыл дверь и легонько подтолкнул взволнованного и растерянного в нерешительности остановившегося на пороге Марка.

Светлана встала, слегка наклонив голову. С холодным удивлением посмотрела на вошедшего офицера. Черные шнурочками брови были строго сомкнуты.

Марк снял папаху, посмотрел ей в глаза, улыбнулся. Светлана бросилась к нему. Генерал Буняченко, прикрыв плотно дверь, тихо удалился.

Ее белые, нежные руки обвили его шею.

- Это ты, Марк! Это ты! - шопотом проносила она, целуя и целуя его обветренное ветрами лицо, потресканные, опаленные солнцем губы.

Растегнув мундир, воткнувшись лицом в его мускулистую грудь, прикрывая ресницами глаза, жадно вдыхала запах его пота и тихо плакала.

- Ну, что же ты плачешь, Света? Вот я перед тобой - жив и здоров. Только, вот видишь, вместо капитанки у меня папаха. Вместо морского казачий мундир. Это все наше - русское.

Он нежно гладил ее белесую головку, сжимал в руках ее косы, прижимал их к своему лицу и, вдыхая их запах, закрыв глаза, видел покрытую полевыми цветами донскую степь. А там - дальше курганы, курганы, а за опаленными солнцем курганами, всю необъятную Русь. Он усадил ее на диван, смотрел в ее синие глаза. Слегка вздрагивающим непослушным пальцем ласково гладил ее черные шнурочками брови.

- Как ты узнал где я? Как ты нашел меня, Марк? - тихо спросила она.

- Я уже стал иногда окончательно терять надежду найти тебя когда-либо в этом ужасном человеческом водовороте, Света. Но я всегда помнил твои слова: "Ищи меня", помнишь тогда на вокзале, в Москве, когда мы расстались?

- Помню! Все помню!

- Но я не знал где тебя искать. Попросил дедушку, чтобы он молился за тебя. Вот он и вымолил тебя! И вот что произошло...

Ты, наверное, слышала, что к Андрею Андреевичу приезжала наша казачья делегация?

- Да, я об этом слышала и даже видела казаков - делегатов.

- Ну, так вот, на смотри!

Он протянул ей фото.

- Это я? Да, это я! Доктор Морозов! Мелица! Откуда взялся этот снимок? Как попал к тебе?

Марк рассказал историю с фото.

- Вот как! А я и не видела, ничуть не подозревала, что меня кто-то фотографирует. Какое счастье, Марк! Ты только подумай, мой дорогой! Я так устала! Я так устала от этой, такой мучительной, долгой разлуки.

Она опять уткнулась головой в его грудь, закрыв глаза, облегченно глубоко дыша, отдыхала. И вдруг встрепенувшись, резко закинув назад голову, посмотрела ему в глаза. Синие глаза сияли радостно. Розовые сочные губы, обнажая ровные белые зубы, сияли улыбкой. На белых, румяных щечках красовались все те же милые ямочки. Черные шнурочками брови не были строго сдвинуты, а пушистые черные ресницы завершали красоту ее лица. Перед ним была теперь опять та самая его Светлана. Та самая единственная во всем свете синеглазая семнадцатилетняя девушка, которая в "тот" день пленила навсегда его сердце. Та самая девушка, которая "тогда", на "той" скамье в городском саду, в родном городе, первая нежно поцеловала его в щеку. Та самая девушка, которая ради беззаветной любви однажды отдала ему се-

бя всю навсегда. Он рывком привлек ее к себе. Охваченный порывом страсти, целовал ее губы, милые ямочки на щечках.

Немного успокоившись, овладев собой, они стали рассказывать пройденные порознь ими пути, дорожки.

- Я тебя искала на той стороне, Марк. Сколько писем я послала! Ответа не было. Я думала, что тебя, быть может, перебросили с Балтийского в Черноморский флот к твоему отцу. Приходили мысли разные. Я хлопотала, искала, но все тщетно было. Страна вся горела в огне. Враг победоносно топтал нашу землю, наши падали сраженные огнем врага. Марк, знаешь.

Светлана приблизила к нему лицо и, как бы страшась, что их кто-то услышит, почти шопотом сказала:

- Маму мою репрессировали.

- Что ты говоришь! За что?

- Спрашиваешь - за что. Разве для тебя это новинка? Разве ты не знаешь за что людей там пропускают через мясорубку? Я часто плачу, Марк... Ты знаешь характер моей мамы. Она и чекистам не смолчит. А они бьют, мучают. Вспомни, как твой отец выглядел, когда вырвался из рук этих садистов. Ты знаешь, мама моя идеалистка. Она никогда не могла выпутаться из марксистского лабиринта - вот и результат - "враг народа". Идеалисты советской власти на пути стоят, да и сама идея коммунистической системы как раз и является главной причиной разорения и обнищания государства, а потом уже Сталин и кто с ним. Я это хорошо поняла.

- Знаю, знаю эту "программу", дорогая моя. Ты права - система и является главной причиной экономического банкротства страны. А, что твой папа?

- От папы я и получила ужасную вест о маме за один день до того, как наша дивизия была разбита немцами и я попала в плен. За папу я не беспокоюсь. Он не партийный работник, он специалист, весьма им нужен. Думаю, что он где-то строит корабли для советского флота. Его они все время перебрасывают в разные места.

- Да, моя милая, отец твой им нужен, а теперь осо-бен-но, - растягивая слова и рассматривая кабинет генерала Буняченко, сказал Марк.

А потом, наклонив голову, исподлобья глянув на нее, спросил:

- Знаешь, Света, что каждую минуту между нами и немцами может начаться война?

- Конечно, знаю. Весь наш медперсонал уже готов к действиям, а дивизия только ждет приказа генерала Буняченко.

Марк встал, подошел к разложенной на столе карте.

- Не легко будет одной дивизии справиться с эс-эсовскими войсками, - рассматривая сделанные пометки на карте генералом Буняченко, в раздумьи проговорил Марк.

- Да, если они еще и успеют приготовиться к отпору. Эх, казачий корпус сюда бы подать, мы бы им всы-па-ли, - добавил он и, выпрямившись, в раздумьи прошелся по комнате.

- Пойдем! Мы забыли с тобой, где мы находимся, дорогой мой! Это кабинет комдива. Пошли! Пошли! А ведь Сергей Кузмич так мило поступил с нами, - открывая дверь и пропуская Марка, проговорила Светлана. - Он такой, я бы сказала, прямой, иногда грубый, но в душе он очень и очень благородный человек. Марк, мы его все любим по-солдатски. Андрей Андреевич не ошибся назначив его командиром Первой русской дивизии. В нашей дивизии солдаты - ребята будьте уверочки - славный ребята! Есть и скуластые с татарскими глазами. Знаешь, поскреби русского - найдешь татарина.

- Это не так, но, конечно, имеются у нас ребята и девчата с кровью народов Азии, так сказать, полукровки. Россия растворила в себе потомков Чингиз-хана. Вспомни-ка Александра Блока, вспомни его "Скифы", но имей в виду - Запад не любит Россию национальную, могущества которой они боятся. Для них выгодней, чтобы Россия оставалась советской красной с колхозной системой, которая держит страну бедной, экономически зависимой от западных стран.

- Да, это, конечно, так, но в данное время Западу грозит во много раз больше не Россия, как таковая, а коммунистическая смертельная зараза. Лидеры Запада несомненно это понимают и они хотя бы ради спасения своих личных шкур вынуждены признать и пойти на честный союз с Россией национальной. В противном случае большевики всех этих мистеров - твистеров миллионеров повесят так скоро, как только

доберутся до них. Скажешь не так, что ли? Мы верим, что правители западных демократий откажутся от их, пускай временной, вынужденной дружбы с коммунистами и признают своими союзниками нас - власовцев.

Марк скептически улыбнулся и ничего не ответил.

- Куда ты меня ведешь, Света?

- Хочу познакомить тебя с медперсоналом нашим, а потом пойдем ко мне на квартиру. Мой начальник милейший человек. Один из крупнейших хирургов Москвы. Я его знала, когда еще училась в институте. В начале был главным хирургом профессор Зорин - еврей. Его генерал Буняченко вытянул из лагеря военнопленных с риском, быть может, для своей жизни, проявил христианскую мораль. Но вот недавно гестаповцы утянули его у нас. А теперь профессор Иванов Николай Иванович, коренной житель Москвы - руссак до мозга костей. Специалист - хирург большего пошиба. Меня поучивает и весьма старательно - хороший такой дядя. Я для него родная дочь. Своих детей у него нет.

- Интересно. Москвич, говоришь?

- Да, "кацап" чистокровный. Он лечил в Москве самых главных сталинских заправил, но вот немецкие войска подошли к Москве, и партийные делегаты ходу дали, позабыв о нужном им докторе. Николай Иванович был мобилизован и вскоре попал к немцам в плен. Опасается, что сталинское гестапо украдет его у нас, ибо он очень нужен им и, быть может, даже самому Сталину.

- Вот как! Познакомь меня с ним.

- Конечно, конечно. Пошли!

Светлана привела Марка в расположение медчасти штаба дивизии. Окружившие их врачи, медсестры с явным интересом рассматривали казачьего офицера и спешили познакомиться. Профессора Иванова не было, он срочно выехал во Второй полк.

По дороге к себе на квартиру Светлана спешила, рассказывая о своей задушевной подруге Наде и ее муже капитане Озерове.

- Не дождалась Надюшка Сашу, выхлопотала себе отпуск и сама поехала к нему в Казачий Стан. Обещала сообщить, как только доберется к мужу. И вот, ни слова.

- Официальным представителем Власова в настоящее время является полковник Бочаров. О капитане Озерове я слышал раньше, но не пришлось с ним встретиться. Возможно он с женой находится на обратном пути.

- Дай Бог, чтобы они поскорей вернулись. Я так хочу, чтобы тебя увидела моя дорогая Надюшка. Только она одна знает все о нас с тобой. Я ей все уши прожужжала своими рассказами. Все! Даже самое секретное, - прижимаясь к Марку, любовно заглядывая ему в глаза, поведала Светлана.

- Ну и тарахтуха ты, Светка, стала! Как пулемет сыплешь, вот неугомонная! - взяв ее за косы проговорил Марк.

Остановившись, привлек ее к себе и звонко поцеловал в подставленные розовые губы. Светлана весело и беспечно, что с ней уже давно, давно не случалось, расхохоталась, даже слезы смеха показались на ее глазах.

- Правду говоришь, Марк, тарыхчу во-
всю.

- Слышу, слышу, тарыхти дальше, -
шутил Марк, сжимая ее руку.

Светлана, вдруг сделавшись серьезной,
взяв его одной рукой за портупею, а дру-
гой поправляя аксельбанты, смотря на него
снизу вверх, медленно, серьезно и как-то
загадочно сказала:

- Знаешь, Марк, я многому научилась
от Нади, многому такому, такому, чему и
тебе необходимо научиться, хотя я знаю
ты...

- Чему это? Что, Надя научный работ-
ник какой, что ли?

- Нет, она доктор, только не хирург,
но она больше всякого научного работника,
больше несравнимо!

- Вот как! Интересно.

- Расскажу об этом потом, - помолчав,
поразмыслив, решительно сказала Светлана,
и, подхватив опять под руку Марка, вновь
"затараторила". Смеялась и шутила, однако,
строго ритмично, по-военному, шагала в
ногу.

Ошеломленная неожиданным визитом, хо-
зяйка дома, где остановилась Светлана,
молодая с виду совсем девочка чешка, сло-
мя голову моталась по кухне. Что-то вари-
ла, жарила и одновременно накрывала на
стол. Серебряные ложки, ножи, вилки и
фарфоровая посуда, которая появлялась на
столе только в особых случаях, закрасова-
лась на столе.

Светлана помогала хозяйке накрывать
на стол, поглядывала с довольной улыбкой
на Марка.

- Видишь, какая у меня милая хозяйка!
Она обняла и поцеловала хозяйку в зардевшуюся щечку.

- О, дорогой доктор, я совсем забыла. Смотрите, подгорело все! - хватая и передвигая кастрюли на печи, забеспокоилась хозяйка.

Светлана рассмеялась и сказала хозяйке, что она напрасно суетится и волнуется, что кавалер ее не гордый человек, что он больше всего любит кушать картошку и капусту соленую, русский борщ хлебает деревянной ложкой из деревянной миски, что серебряные вилки, ложки, ножи и особенно фарфоровую посуду он, как раз, недолюбливает.

Хозяйка в недоумении растерянно посмотрела на Марка. Светлана покатывалась со смеху.

- Неправда, хозяйка! Она выдумывает. Доктор Владимирова петербургская аристократка, вот и смеется надо мной, - простаком-казакон, - заговорил деланно обиженно и сердито, поглядывая на смеющуюся Светлану, Марк.

- А действительно, какая красивая посуда! - придвигая к себе тарелку и с интересом рассматривая на ней замысловатые рисунки, уже серьезно проговорил он.

Ободренная хозяйка поспешила рассказать, как ее друзья преподнесли ей в подарок эту драгоценную для нее посуду в день ее свадьбы. За едой она, поддерживая веселый оживленный разговор, несколько раз ругнула Гитлера и сказала, что власовцы так долго напрасно надеялись на то,

что этот изверг и его сотрапы дадут возможность Русскому Освободительному Движению бороться в интересах России.

Так же, как однажды Надя посмотрела на хозяйку - немку, Марк внимательно и с заметным удивлением посмотрел на хозяйку чешку, но ничего не сказал. Светлана перехватила его взгляд. Уже в комнате Светланы, ощущая приятное чувство в уставшем теле, лежа на удобном и красивом из красного дерева, диване, Марк, между прочим, сказал:

- Эта молодая простая крестьянка чешка удивительно умна, Света.

- Это то, что мне однажды сказала Надюшка об одной простой немке, у которой я тогда стояла на квартире, Марк. Я тогда не была совсем с таким доводами согласна и имела какую-то долю надежды на немецкий генералитет. Но вот теперь я вижу надежды многих, не только мои, были напрасны. Германский генералитет так и не смог, несмотря на все его старания, убрать Гитлера.

- Гитлеровцы всегдв нас обманывали и теперь окончательно предали. Факт налицо. Нам теперь ничего другого не остается делать, как только открыто объявить им войну, ибо мы не имеем больше времени играть с ними в "кошки-мышки".

- Да ты сними сапоги и ложись поудобней. Давай-ка я стяну их.

Стягивая второй сапог, Светлана нечаянно оцарапала палец о зубчатое колесико шпоры. Вскрикнув, заложила палец в рот и по-детски шутливо зачмокала губами.

"Ничуть не изменилась, моя крошка. Такая же наивная девчушка, как порой была раньше", - подумал про себе он, а вслух сказал шутливо:

- О-о-о, доктор, доктор до чего же вы неосторожны!

Она с капризной гримасой на лице, толкнула его коленом и, открыв дверь в смежную комнату, подошла к столу, вынула пузырек с иодом и стала прижигать царапину на пальце.

Через открытую дверь Марк рассматривал ее спальню. Вдруг его взгляд упал на угол с иконами. Присмотревшись, он вскочил и быстро подошел к иконам.

- Да это же православные иконы, Света, - с удивлением проговорил он, и тут же поспешно перекрестился.

- Да, православные.

- Что, хозяйка твоя православная?

- Нет, католичка. Это мои иконы, Марк.

Светлана смотрела спокойно, строго.

Он обнял ее за плечи, пылливо и внимательно читая выражения ее глаз. В глазах светилось то, чего раньше не было, и что именно он понял. Светлана была в одной кофточке. На белой груди вырисовывалась золотая цепочка. Он осторожно потянул цепочку вверх. Через окно упал луч солнца на нагельный золотой крестик. Он склонил голову и с благоговением поцеловал крестик.

- Когда это случилось, Света?

Так, не сходя с места, они долго стояли. Светлана поведала все подробно и ясно.

Обнявшись, они вышли из ее спальни и

сели на диван. Он целовал ее обжженный иодом палец. Молчали. Он знал, что она не позволит ему, как это было раньше, обла- деть ее телом, да и сам этого не желал. Как бы угадывая его мысли, она, заглядывая ему в глаза, тихо сказала:

- Слушай, Марк! Мы должны с тобой не- медленно обвенчаться.

- Когда? Где? Бой нас завтра ждет, Света!

- В том то и дело, дорогой мой, не завтра. Сегодня! Теперь! Сейчас!

- А можно?

- Конечно, можно. Отца Александра, нет, он отбыл во Вторую дивизию, но есть дру- гой священник, - одевая мундир, чеканила она. - Я сейчас пойду и все устрою. Ты пока отдыхай. Я пошла.

Он смотрел на нее, и хотелось верить ему, что это не сон, что это все явно, что это все на самом деле. Она, она ско- ро, совсем скоро будет его законная жена. Мечты оказываются сбываются. Боже, какое счастье!

Она пошла, скрипя сапожками. Слышался шаг военной, выработанной походки.

Он лежал в раздумии. Прошло больше ча- са, а она все еще не вернулась. Встал, на- дел сапоги. Ходил по комнате. Улыбался. Пожимал удивленно плечами.

За окном слышалось движение новых под- ходящих частей дивизии. Отстранив зана- весь, Марк навольно, крайне пораженный видимым, тарашил глаза. Мимо дома, цокая копытами, проходила казачья сотня. Впе- реди на сером в яблоках рослом англоара-

бе сидел его крестный отец, полковник Колосов. Схватив папаху, Марк пулей вылетел на улицу.

- Крестный! Крестный, Андрей Тимофеевич! - кричал он изо всех сил, но гул моторов проходивших бронемашин заглушал его голос. Казаки задних рядов, увидев бегущего офицера, передавали по цепи комсотни. Колосов остановил сотню и выжидаючи смотрел на бегущего к нему офицера.

- Марк!

Молодецки спрыгнув с коня, Колосов обнял бросившегося к нему крестника.

- Как ты сюда попал?

- Я разыскиваю генерала Кононова. Был в штабе германского командования. Меня сопроводили к Власову, - порывисто дыша, быстро говорил Марк. - Случайно разыскал свою девушку.

- Светлану?

- Да, Светлану. Она теперь доктор. Служит при штабе Первой дивизии. Светлана затеяла свадьбу, а в любой момент может... Знаете, наверное?

- Да, знаем, мой сын, этого не миновать.

- А вы, казаки, как попали сюда?

- Мы посланы были в личный конвой к Власову, а Андрей Андреевич нас переправил в личный конвой генерала Буняченко.

- Вот оно что. Что, все кубанцы? - оглядывая сотню в черкессках, спросил Марк.

- Нет, мешанина. Есть кубанцы и донцы, и терцы. Все ухаки ребята. Сам Походный атаман, генерал Доманов отбирал.

- Ну, ну, вижу.

- Ну, хорошо, сын мой, ты беги устраивай свою женитьбу, а я должен доложить о прибытии и расквартировать сотню.

- Добро, крестный, побежал я.

Прошло еще полчаса и в комнату вся раскрасневшаяся, возбужденно-счастливая, вошла Светлана.

- Фу, устала. Бегала, как на всесоюзных состязаниях, - проговорила она с одышкой садясь на диван.

- Ну, и как?

- Все устроила, как нельзя лучше. Сергей Кузьмич нас по-отцовски благословляет. Мой начальник профессор Иванов прибыл. Когда я ему сказала, он рот открыл от удивления, а потом схватил меня на руки и давай таскать по кабинету. Рад очень! Больше всех рад батюшка. Он меня сразу же благословил. Ровно в шесть часов вечера венчание. Сейчас мои медсестры и все чехи - селяне ищут по всему селу для нас обручальные кольца. Наверняка найдут и принесут. Стол готовят на квартире Николая Ивановича. Хозяин чешский полковник. В доме есть большой зал. Хозяин и его жена суетятся. Николай Петрович, это начальник штаба дивизии, подполковник Николаев, встретил меня на улице, поздравил, расцеловал и извинился, что не может присутствовать на свадьбе. Командование дивизии очень занято, но, да это и понятно. Вот кажется все рассказала. Фу, Маркушка, правда устала я.

Она уткнулась головой, как это часто раньше всегда делала, в его грудь и закрыла глаза.

- Моя же ты умница, моя же ты Светочка, моя синеглазая девочка. Устала говорить? Что разве нет пороха в пороховницах? Что, разве гнутся уже казаки? Не верю! А ну-ка вставай!

Он поднял ее с дивана, взял за руку, повернул к себе спиной. Раз... два и...и. Оба рассмеялись. Светлана сделала мягкий толчек и, выжимая "силовую", плавно, в то время, как он равномерно, привычно умело, опускал свое тело книзу, ложась спиной на пол, вышла на стойку "спичку".

- Выключи локти!

- Правый выключил, а левый не могу - ранен был, не слушается. Ты держи баланс, Света!

- Держу, держу!

- И...и...и раз, два!

Зажимая между ног военную из толстого сукна юбку, Светлана, сложив тело, скользнув между его рук, мягко спрыгнула на пол. Секунда - две на корточках... Выпрямить тело с наклоном вперед... Мягкое потягивание вперед тела партнера... И партнеры стоят рядом. Руки обоих сомкнуты у партнерши на брюшном прессе... Чисто исполненный акроботический номер...

Громкие аплодисменты. На пороге толпа людей: медсестры и чешки - селянки.

- Простите! Мы постучали. Дверь была приоткрыта, и вот акробатический номер заставил нас открыть дверь и посмотреть все выступление, - застенчиво улыбаясь, проговорила одна из медсестер.

Все улыбались. Поздравляли молодых. Одна чешка открыла большую в зеленом бар-

хате коробку.

- Вот кольца, выбирайте по размеру. Это наш местный ювелир прислал. Пожалуйста, прошу!

Смущенные и польщенные молодые подобрали кольца по размеру. Предложенные деньги чешки хором отклонили, сказав, что это подарок от их селян.

- Это вам русским от нас чехов, - сказала, блестя глазами, одна молодая чешка.

Светлана поцеловала ее в щеку, а Марк поцеловал ей руку, сказав при этом, что у русских только дамам целуют руки, но что он не может удержаться, чтобы не поцеловать руку милому другу, хотя и не знает дама она или девушка. Чешка понимающе закивала головой и, задорно улыбнувшись и приподнявшись на пальцах, громко поцеловала Марка прямо в губы. Все восторженно захлопали в ладоши. Марк, подхватив чешку, закружился с ней по комнате и опустив на пол, ответил поцелуем в губы. Когда милые визитеры ушли, Светлана, оглядев жениха, сказала:

- Снимай-ка мундир - поглажу!

- Пожалуй, давно гладился.

- Я вижу. Сейчас попрошу у хозяйки утюг.

Приведя себя в порядок, молодые вышли на улицу, направляясь к местной сельской церкви, где их уже ждал военный священник. Весть о необычайной свадьбе облетела все село. Со всех сторон на них были устремлены тысячи глаз. Но они никого и ничего не замечали и не слышали. Держась за руки, шли, заглядывая друг другу в глаза, и

как в самые юные их годы, в годы встреч в родном городе, бежали наперегонки, шутили и беззаботно, весело смеялись...

Х Х Х

Генерал Буняченко, слушая доклад Колосова, приветливо улыбался, одобрительно кивал головой.

- Прекрасно, прекрасно, полковник.

Его взгляд скользнул по, украшенной белым Георгиевским Крестом, груди Колосова и задержался на Золотом Оружии.

- Как вам удалось сохранить эту прелесть? Ведь это от его Величества Государя. Не правда ли?

- Так точно, Ваше превосходительство, от Его Величества императора Всероссийского Николая Александровича, за первую мировую. Сохранила земля донская. Зарыто было, пока пришло время вернуться на свое место.

Колосов положил руку на золотой эфес шашки.

- Прелестно, прелестно! Можете идти, полковник. Сегодня ваша сотня будет зачислена на все виды довольства. Я дам соответствующие распоряжения. Отдыхайте пока с дороги.

Генерал Буняченко приветливо оглядывал храброго полковника. Колосов щелкнул шпорами, готовясь удалиться.

- Да, одну минуточку, полковник, - спохватился Буняченко, - у нас в дивизии необычайный случай сегодня. Прибыл адью-

тант генерала Кононова, сотник Рудаков. Встретился со своей невестой и молодые затеяли немедленную свадьбу. Я бы хотел просить вас устроить молодым, ну так сказать, "казацье чествование", что ли, если так можно выразиться. Я не знаю, как это у вас, казаков по традициям вашим полагается. Молодые, особенно генерал Кононов будут вам всем очень благодарны. Понимаете?

- Ваше превосходительство, господин генерал, сотник Рудаков мой крестник. Я его уже видел, все знаю и устрою чествование молодым в таком действительно необычайном случае.

- Ах, вот как! Чудесно! Чудесно, полковник. Желаю успеха и счастья молодым!

Колосов пожал протянутую генеральскую руку, щелкнул шпорами, отдав честь, круто повернувшись, зашагал к выходу и быстро, молодецкато сбежал с приступок крыльца к поджидавшей его сотне...

Х Х Х

У небольшой военно-походной церкви собралась масса селян - чехов. Солдаты и офицеры дивизии спешили не упустить случая увидеть необычайное событие в жизни их дивизии - свадьба на марше.

У церковных врат жених не стоял, поджидая невесту. Невеста, сопровождаемая подружками на подъезжала к церкви, не выходила из авто и не подавала руку взволнованно поджидающему ее жениху. Нет! Они шли тесно прижавшись и приветливо благодарно

смотрели на бурно приветствующую их массу людей. В воздухе "пахло порохом" и каждый знал, что каждую минуту к пушкам может быть поднесен "запал", молнией вспыхнет "сухой порох". Поэтому люди, отлично понимая в какой обстановке молодые решили венчаться, с еще большей искренней симпатией и восторгом, сочувствием и любовью встречали их.

- Быть может оружие нужно снять, Марк?

- Я не знаю.

- Я тоже не знаю. Лучше сними.

Он снял и сунул в руки стоявшему у церкви чеху - пистолет и шашку. Молодые вошли в церковь. Совсем юный чех, смущенно улыбаясь, поглядывал вокруг, крутил, не зная, что делать, в руках оружие.

- Надень пока на себя, - посоветовал ему русский солдат.

- Давай, давай, не стесняйся, - подтвердил власовский офицер.

Все русские и чехи одобрительно закивали головами.

- За услугу тебя в казаки припишут.

Да, да, у казаков так полагается, - полусмешно, полусерьезно, поглядывая на все еще в нерешительности стоявшего чеха, пошутил пожилой русский солдат.

- Давай-ка я тебе помогу разобраться.

Вот так, портупею через правое плечо.

Шашка, стало быть, завсегда с левой находится, а пистолет с правой. Понял, молодец? То-то! Тебе то лет сколько?

- Восемнадцать.

- Как раз в пору тебе солдатом быть, - шутил русский солдат, дружески хлопая по

плечу чешского юношу.

У многих стоявших чехов оружия еще было скрыто под одеждой. Многие довольно нащупывали в карманах рукоятки пистолетов, гранаты, обоймы, переданные им секретно власовскими солдатами.

После окончания службы, священник попросил молодых расписаться на свидетельстве о браке. Расписавшись, Марк следил за рукой Светланы. Она, взяв перо, привычно вывела С, на секунду задержала руку, а потом решительно и уверенно подписала - Рудакова.

Любовно оглядывая молодых, священник поздравил с законным браком.

Х Х Х

Рысью подведя сотню к церкви, Колосов подал рукой знак. Подобно быстро текущей реке, наткнувшейся на гранитный утес, сотня, плавно разделившись на два рукава, образовав "коридор", спешила и, выравнявшись, замерла в положении "смирно".

Сверкало на солнце оружие. Серебрились на солнце гозыри. Алели красные верхи кубанок.

Многочисленная толпа селян - чехов, окружив плотным, густым кольцом казачью сотню, удивленно и явно восторженно любовалась неожиданным и эффектно выглядывшим явлением. Слышалась возбужденная радостная, хотя и не совсем понятная русским славянская речь чехов.

Но вот, перед казачьей сотней молодые. Все взоры казаков обращены на них. От неожиданности они замерли, не смея двинуться с места, смотрели на казачью сотню. В наступившей тишине лишь слышно была, как катают зубами удила кони. И вдруг в воцарившейся тишине звякнула обнаженная шашка. Один из казаков взял на "караул". Сразу же, как распутившийся веер, догоняя одна другую, засверкали стопятыдесят обнаженных шашек - вся сотня взяла на "караул". Привившемся военным навыком, молодые, отвечая на приветствие, моментально взяли под козырек. Колосов, бросив повод своему вестовому казаку, подошел к молодым.

- Вот видите, дети, - тихо заговорил он, - не войсковой устав, но искренняя любовь к своему родному заставила казаков совершить не положенный в данном случае акт чести!

Он распростер руки и, как малые дети к отцу, бросились в его объятия молодая чета.

- Как Войскового атамана приветствуем мы молодых, - проговорил один казак.

- Пожалуй, что так, - отозвался другой.

Светлана, целуя старого казака, роняла счастливые слезы. Обступившие чехи, засыпали ее цветами, протягивая все больше и больше букеты цветов. Она уже не могла обхватить их руками. Цветы падали ей под ноги. Она не успевала отвечать на поздравления и сыплющиеся со всех сторон поцелуи совсем не знакомых ей чешских женщин, девушек, детей и подростков.

- Благодарю, крестный, - тихо проговорил Марк, крепко сжимая своими мускулистыми руками Колосова, глубоко тронутый оказанным почетом.

К нему, с трудом пробившись через густую толпу, подошел чех, возвращая оружие. Марк, вынув из кобуры пистолет, протянул чеху.

- Возьми, пригодится, - приглушенно проговорил он, заговорчески подмигнув глазом.

Юноша быстро сунул пистолет в карман.

Один казак подвел к молодым рыжего, с белой звездочкой красавца коня.

- А ну-ка, господин сотник, давайте-ка с вашей казачкой на моего коня. К дому подбросим вас. Прошу! Конь справный.

Здоровенный казачина весело, задорно улыбался.

Положив руку на луку казачьего седла, Марк привычно легко бросил свое мускулистое тело в седло. Поняв замысел, двое других казаков, соскочив с коней, подхватили Светлану на руки и подали мужу. Колосов улыбался, понимая кивал головой казакам.

За молодыми двинулась в строгом порядке, в конном строю казачья сотня. Толпой повалила вся многочисленная масса чехов - селян, русских солдат и офицеров. Конь горячился, кособачил и, прося повод, вскидывал головой.

- Держись за гриву, Света, сбросит. Это тебе не турник и не брусья, а живой конь! - держа одной рукой жену, а другой сдерживая коня, шутил Марк.

- Цветы у меня в руках, нечем держать-ся.

Светлана не хотела выпускать из рук цветы и, клонясь вся к низу, пыталась хотя бы головой дотянуться и опереться о конскую шею.

- Юбка у меня узкая, а то бы я верхом села. Ты смотри тоже, казак, а то этакой конек нас обоих сбросит.

Светлана счастливо и беззаботно смеялась. Ярко горели ее синие глаза, дрожали черные пушистые ресницы, сходились и расходились черные шнурочками брови. Длинные цвета спелой ржи в такт танцующему коню танцевали в воздухе косы.

Х Х Х

На квартире профессора Иванова шум и суета. Хозяива дома, медсестры, чешские женщины и девушки спешно расставляли посуду. Стол нагружен разнообразными закусками, чешскими национальными блюдами. Красуются бутылки русской водки - подарок от командующего дивизией. Профессор Иванов уверенно распоряжается украшением свадебного стола, рассчитанного на тридцать пять человек приглашенных гостей. И вдруг, диво - к дому двигается несметная масса гостей. Куда их сажать? Что предпринять? Растерялся профессор, но чехи сразу решили этот вопрос. Они, как муравьи, закопошились, забегали во все стороны - сносили столы, стулья, скамейки,

скатерти, посуду и все прочие со всего села. Расставляли столы во дворе дома прямо на улице. Мужчины чехи катили бочки с брагой, пивом, вином. Женщины несли стаканы, чашки, котелки, кастрюли и все, из чего можно было пить и есть.

Ободренный находчивостью и гостеприимством чехов, молодые приглашали гостей и просили их садиться, где кому понравится. В доме с молодой четой разместились, как намечалось, медперсонал дивизии и офицеры Колосова. Окна и двери распахнуты настежь, и хотя издали мельком, но все могут видеть молодых.

Начались поздравительные речи с наилучшими пожеланиями молодым. Профессор Иванов зачитал поздравление от командующего дивизией генерала Буняченко. Затем от имени чехов, вызывая у русских самые лучшие чувства к чехам, произнес продуманно и умело теплую речь чешский полковник, одетый в штатский костюм. Несколько других поздравительных речей и... после первых выпитых стаканов, началось - горькое. Молодые целовались. Гул возбужденных голосов, громкие возгласы, стук стаканов. Не пришлось долго ждать любителям русских песен. Во всех концах необыкновенной "походной свадьбы" начали раздаваться голоса первых песенников. Одни начинали - "Эх ухнем", другие - "Эх Кубань, ты наша Родина". А в самом конце двора заводили - "Скажи-ка, дядя". Чехи, стараясь произносить слова по-русски, смешивали все в кучу и голоса певцов то плескались кверху, то неожиданно обрывались, скаты-

ваясь вниз, теряясь в общем гуле многочисленных гостей. И вдруг, покрывая гул, кто-то густым, сильным басом запел "Марш добровольцев".

"Мы идем зелеными полями
На восходе утренних лучей.
Мы идем на бой с большевиками
За свободу Родины своей!"

Притихнув, выжидая припева, все разом подхватили песню:

"Марш вперед железными рядами.
В бой за Родину, за наш народ.
Только вера двигает горами,
Только смелость города берет!"

И опять густой, сильный бас заводил:

"Мы идем вдоль тлеющих пожаров
В годы бедствий, страха и войны.
Приходи и ты к нам в полк, товарищ,
Если любишь Родину, как мы!"

И опять четко выводя, все грянули припев.
Едва припев оборвался, гудел бас:

"Мы идем. Нам тяжкий путь не страшен.
Не страшна жестокая война.
Крепко верим мы в победу нашу
И в твою, любимая страна!"

Чехи, не желая коверковать русские слова, чутко прислушивались. Молчали. Но на их лицах сияло понимание и искреннее, неподкупное сочувствие. Зажигаясь верой в правое дело, за которое боролись их русские друзья, за которое и они сами, поняв ситуацию, приготовились, ожидая сигнала, броситься в неравный бой одновременно против Гитлера и против Сталина.

Лишь только оборвались последние слова русского марша, как чехи грянули -

Наздар! Наздар! Наздар русским друзьям - борцам за свободу!

Русские немедленно ответили громким троекратным русским "Ура!" чешскому народу.

На смену песням залился трелями баян. Откуда-то появившийся баянист с погонями сержанта рвал, растягивал баян до отказа.

- Дайте места! Места! Места дайте! Выходи на середину! На середину, девочки, - повелительно голосил кто-то.

- Слушай, гармонист, ты им "Коробочку" сыпь!

- Правильно! Давай "Коробейники"! Давай! "Эх, полна-полна моя коробушка"! Давай! Режь!

Заерзали, скрепя по полу, столы, стулья. Все, прислонясь к стенкам, спешили дать место, приготавливающимся танцевать, девушкам. Одна за одной, одна красивее другой высыпали и грациозно поплыли по кругу, помахивая платочками, медсестры.

- Ух! Ах! Ух! Ах! Давай, давай, девочки, шевелись!

Все хлопали в такт руками, притоптывали ногами, поддавали жару.

- Сыпь! Сыпь им, гармонист, нажимай на педали!

Музыка, танцы, ликующие выкрики в горнице. А в соседней небольшой комнатушке, прикрыв дверь, власовские солдаты раздают чехам принесенные в ящиках гранаты, карабины, патроны. Чехи берут, прячут под одежду, выходят. Поочередно заходят следующие.

- Берите, берите скорее, друзья, да

смотрите того, не подкачайте. Зараз время враз поспело! Понятно?

Чехи благодарили, улыбались, утвердительно кивали головами.

- А вы не того? Не из красных случайно? - спрашивали иногда русские солдаты подходящих чехов.

- Нет! Мы партизаны - националисты! Чехи - коммунисты не с нами. Они не чешские партизаны! Они советские партизаны! Они холуи Сталина! Предатели Чехословакии! Враги наши! - обижено хором голосили чехи и показывали под отворотами одежды флажки чешской национальной расцветки.

- Bravo, ребята! Мы теперь этим нацистам и коммунистам того - накостыляем! Высыпем им, как полагается! Это им по заслугам их! Понятно?

Чехи смеялись, дружно кивали головами и крепко пожимали руки русским солдатам.

Стихийно начатый сам собой заговор русских и чехов продолжался повсюду, где проходили части Первой дивизии Русской Освободительной армии. Заговор ширился, приближался к вспышке и, хотя заговор происходил всего лишь между русскими и чехами, но возбужденным, воодушевленным, поверившим в успех затеваемого нового акта борьбы, русским солдатам казалось, что уже ручьи всех народов слились в одно могучие русло, которое бурно катится, и которое никто не в силах остановить.

Громкие аплодисменты провожали уходящих, покотившихся плавным течением реки, девушек - медсестер.

К баянисту подошел высокий, широкопле-

чий, худощаво-стройный, как спичка, с тонкой талией, в белой с золотящимися гозырями черкеске и длинным кинжалом, хорунжий.

- Лезгинку играешь, земляк?

- Это какую, грузинскую?

- А какую знаешь, валяй грузинскую!

- Можно!

Баянист наскоро пробежал пальцами по густым рядам клавишей баяна. Громкий аккорд. Короткая пауза, и медленно - плавно полилась кавказская мелодия.

Хорунжий обнажил кинжал, вложил, зажимая зубами, в рот, протянул руки. Как по команде, двое других офицеров бросили ему свои кинжалы. Поймав налету кинжалы, танцор присоединил их к своему. Тонкое, красивое, с типичным кавказским обликом, интеллигентное лицо танцора дополняло его всего - сына кавказских гор.

Это был командир первого взвода конвойной сотни, хорунжий Иван Дьяков - кубанский казак - линеец, в жилах которого текла большая доля крови кавказских народов.... Балерина танцует на "пальчиках", но у нее на ногах пуанты. В носках пуант подложены своего рода "подушечки", в которые упираются пальцы балерины. Но, танцор лезгинер исполняет свой танец в ноговицах - сафьяновые сапожки с мягкими подошвами без всяких "подушечек". Он танцует, как говорится, на "кохтях", что сразу вызывает восхищение у зрителей.

Так и красавец - хорунжий, едва касаясь пола, идя по кругу с кинжалами в зубах, на "кохтях", сразу же очаровал всех легкими, чистыми и исключительно характер-

ными кавказками движениями.

Все восхищенно, не издавая ни звука, следили за танцором, и когда он начал делать движения изображающие горца отбивающегося от атакующего его орла, публика не выдержала и начала громко аплодировать. Из-за спин гостей на танцора смотрела своими большими, черными, немигающими глазами "глазастая девченка".

Милица не могла оторвать взгляда, следя и невольно любуясь красавцем - танцором. Первый раз в своей юной жизни она смотрела так на мужчину, сама не замечая и не сознавая, что заставляет ее, не знающую соперников плясунью, любоваться фактически не самим танцем, а его исполнителем.

Дьяков, двигаясь на "кохтях", остановился в центре и ловким движением головы бросил первый кинжал. Перевернувшись несколько раз в воздухе, кинжал вонзился в деревянный пол. За первым последовали два других кинжала. Сделав последних несколько движений, лезгинер застыл на секунду на месте, а затем прыжок вверх, два воздушных тура и танцор упал на колени. Низкий поклон гостям.

Восторженный крик, гром аплодисментов. Лезгинер отошел в сторону.

На несколько время водворилась относительная тишина. Затем послышался взволновано - возбужденный разговор медсестер и вдруг все девушки хором заголосили:

- Милица! Милица! Давайте сюда Милицу!

Русские девушки - медсестры, осознав, что их русский танец с платочками умален

и как бы побежден кавказким танцем казака лезгинера, возгорелись желанием победить его лихость и искусство русским. Они суе-
тятся искали, громко звали Милицу, но "гла-
застая девченка" пряталась за спинами го-
стей.

Светлана заметила мелькнувшие за спи-
нами гостей косички общей любимицы пля-
суньи. Зная, что она всегда скромничает
и прячется, а то и жеманится, приказатель-
ным тоном позвала:

- Милица! А ну! - и указала глазами
на середину горницы.

Милица сделала несчастную на лице
гримасу.

- О, доктор, не могу сейчас! - запаль-
чиво и зло вырвалось у нее.

Но синие, ставшие совсем темными, гла-
за начальницы повелительно, с укором смот-
рели на плясунью.

- Милица! Милица, да вот она! Бери ее,
девчата! А ну, красавица, докажи! Тяпни
по нашему, по-русски! - подстрекали пля-
сунью русские солдаты.

"Глазастая девченка", подталкиваемая
медсестрами и солдатами, выбежала из тол-
пы и подошла к баянисту.

- Барыню, пожалуйста, - тихо попроси-
ла она и, опустив головку, замерла.

"А-та-та-та, ти-та-та-та, повел мело-
дию плавно баянист, поглядывая на Милицу
и подмаргивая, как с потолка упавшим и
ставшим рядом с ним с балалайкой и гита-
рой солдатам. Выждав такт, плясунья, вски-
нув головкой, бросив озорной, лучистый
взгляд, слегка притоптывая, медленно,

плавно пошла по кругу.

"Барыня, сударыня" пел баян. У плясуньи, четко и лихо притопывающей изящными ножками в такт мелодии плясали под кофточкой маленькие, остренькие, упругие девичьи груди. Баянист затих - короткий перерыв. Рванув баян, он повел частую, сыплющую градом мелодию. И пошла... И пошла плясунья, ускоряя и ускоряя темп. Медленные, плавные движения остались позади, заменились резкими, бурными, захватскими до бессознания отчаянными! И закружилось все вокруг вихрем, как русская снежная буря - пурга. Сыпучая и густая она била, секла больно и сладко взыгравшие лица зрителей. Теперь уже вся переполненная горница чешского домика наполнилась русским непостижимо непонятным ни Западу, ни Востоку, ни Северу, ни Югу - никому, кто не родился на Руси, духом! Все кружилось! Все плясало! И видели в движениях пляшущей русской девушки, русские солдаты перед собой, потому что знали, чувствовали в душах своих, потому что жаждали видеть: -

Россию белоснежную,
Воинствующую и тишайшую,
Вспыльчивую и смиренную,
Грозную и милосердную,
Миром не познанную,
Никем не разгаданную,
Их Родину - Матушку Русь!

Ф.И.Тютчев - "В Россию можно
только верить".

Плясунья, закинув головку, пошла бешеным темпом - "шестнадцатка" - пируэт на месте 16 раз. Синяя плисированная юбка граненным раскрытым зонтом кружится. Обнажены ее стройные, упругие ножки. И вдруг взлет вверх всего тела... и плясунья "упала" на "шпагат". Низкий до пола поклон. Косички, взлетев, упали на пол. Секунда, другая и она, вскинув головку, обожгла зрителей антрацитом черных, блестящих глаз, и одарила прелестной улыбкой, блеснув белым оскалом исключительно красивых зубов. Она бросила заносчиво - вызывающий победоносный взгляд на, не спускавшего с нее глаз, лезгинера, и тут же смиренно, стеснительно улыбнулась. А затем по-детски задорно - игриво скривила курносый, весь в веснушках носик и вдруг невольно неожиданно для себя самой, показала ему язык, дескать, знай наших.

Под грохнувший хохот и аплодисменты хорунжий - лезгинер подскочил к Милице, подхватил ее на руки, закружился по горнице, целуя ее пунцовые щечки, весь в веснушках курносый заносчивый носик.

- Победила ты меня, красавица! Капитулирую! А знаешь ты, кукла прелестная, что у меня доченька такая, как ты, есть? Просто двойняшки вы с ней! Вот и косички такие, как у тебя. И глазастая такая, как ты. Да, и плясунья чуть не с пеленок, - заглядывая с отцовской лаской в черные глаза Милицы, няньча ее, как малое дитя, заговорил хорунжий.

И слегка, шутливо шлепнул ее по "мягкому месту", опустив и поставив ее на но-

ги, отошел к столам, беря находу, подаваемый ему, стакан с вином.

"У него дочь такая, как я! А я? Что со мной? Неужели влюбилась? О, ужас!" - снова прячась за спинами гостей и бросая украдкой полные отчаянные взгляды на красавца - хорунжего, думала Милица.

Он же, ничего не подозревая, попивал из стакана вино и оживленно говоря, покручивал свои тонкие, холенные черные усики. Блестя белым оскалом зубов, беззаботно и весело улыбался.

- Ну, как плясунья наша? - заглядывая мужу в глаза, спросила Светлана.

- Молодец, девчушка! Вижу у нее школу в исполнении движений, - одобрительно отозвался Марк, поглядывая на музыкантов и прислушиваясь к новой мелодии.

- Правильно, она училась в детстве в балете, а потом пере...

Светлана оборвала речь, обратила взгляд на громко говоривших, резко жестикулирующих руками, подошедших к музыкантам целой группой, казаков.

- Нет! Не то. Это Наурская. Ты казачка нам давай, казачка!

Музыканты пробовали начинать играть разные русские мелодии, но казаки отрицательно качали головами, досадливо поглядывали на музыкантов, и лишь только, наконец, полилась мелодия - "Скину кужуля", одного казака, как ветром сдуло. Сбрасывая находу и бросая в руки гостям пояс с кинжалом, черкеску, он пошел в присядку, отчаянно лупя руками по хромовым голенищам сапог.

- Гей! Давай, хлопцы! "Рижь шибчи!" - кричал он музыкантам.

- Этот потомок запорожцев. Слышишь, "як завыртае"? - усмехнулся Марк, глянув на Светлану.

- "Хохлачит" здорово. Лихой кубанец. - согласилась Светлана, не отрывая взгляда от расходившегося вовсю танцора.

За первым бросились в присядку остальные казаки. И... заходила ходором горница. И казалось, трещит и вот-вот разломится и распадется на куски весь аккуратный, чистенький чешский домик от гула и грохота бешеной, самой отчаянной, самой бесшабашно - залихватской пляски, которая с исстари зовется на Руси "казачком"!

Светлана, следя за танцем, поглядывала на мужа.

- Не терпится?

- Нет. Не могу!

- Ну, давай!

- Подай-ка мою шашку, станица!

Колосовский хорунжий, смекнув в чем дело, вынув из ножен шашку, подал Марку.

- Придержи стул, Света, - передавая шашку Светлане, попросил Марк.

- Знаю. Бутылки смотри не зацепи!

Выбрав момент, Марк, прыгнув через стол на середину горницы, с ходу пошел "щупаком"... Ух! Ух! Ух! еще пуще прежнего загудело кругом.

Светлана стояла с шашкой, выжидая момента. Вдруг она, ощущая вес шашки, глядя на острые, как бритва, доли ее, растерянно перевела взгляд с шашки на танцующего мужа. Сколько раз приходилось ей бро-

сать ему шашку на всевозможных концертах, студенческих вечеринок. Но то была театральная, легкая, безопасная. А тут вот в руках у нее тяжелая боевая, смертоносная казачья шашка! Вот он уже пошел по кругу "боченочком" - пирует на полу на четвереньках. Вот он уже опять, но теперь навстречу ей идет "щупачком". Теперь момент, когда она должна бросать ему шашку. А она стояла, скованная страхом, и не бросала шашку.

- Давай, Света! - зло сверкнув глазами, повелительно крикнул Марк.

Обернув шашку тупой стороной, лихорадочно дрожа, выбрав центр тяжести, она бросила ему шашку и закрыла глаза...

Гром аплодисментов и ликующие крики потрясли весь дом. Светлана открыла глаза.

Он на лету поймал шашку зубами, шел "щупачком" по кругу. Выйдя на середину, ловким, резким движением головы, бросил шашку кверху. Перевернувшись несколько раз в воздухе шашку, вновь поймал зубами. И опять, не давая зрителям опомниться, бросил и поймал зубами шашку. До иступления ликующие крики и аплодисменты.

Но вдруг, за спиной восхищенно наблюдавшего плясунов профессора Иванова раздался резкий треск телефона. Профессор, окинув взглядом всех, сразу как-то инстинктивно почувствовавших тревогу, затихших людей, поднял трубку.

- Так точно! Слушаюсь! Господа, приказ комадира дивизии - всем по местам!

Х   Х   Х

Прижимаясь телом к мужу, Светлана, приподнявшись, упираясь левой рукой в подушку, правой нежно, едва касаясь, гладила взбившийся густой чуб крепко спавшего мужа. Рассматривала на его теле рубцы от ранений - на шее, на руках. Прикидывала в уме каково было ранение. Рассматривала каждую черточку на его лице. Переносилась медленно к первым дням их встреч. И опять, нежно разглаживая чуб, размышляла над возникающими, толпившимися, волнующими мыслями.

Он, как бы почувствовав ее волнение, проснулся.

- Крепко я спал, Света.

- Крепко.

- Который час?

- Пятый. Осталось полтора часа времени. За нами приедет мой шофер. Я ему вчера сказала, чтобы разбудил нас. Тебя подбросим к штабу. Ты не беспокойся. Ты с конвойной будешь?

- Да, конечно. Крестный сказал, что мне уже коня выделили. Сотня будет при генерале все время.

- Да, это понятно. Слушай, Марк, где Лара?

- Я же тебе говорил, в Казачьем Стане с мамой. Дедушка их туда спровадил. Алексей в Корпусе.

- Я забыла. Как-то все смешалось в голове у меня. Лара замужем?

- Замужем.

- Дети?

- Дочь.

- Слушай, Марк, а если у нас будут?

- Подай, Господи! Казаки нужны нам.

- Да, нужны. Но послушай меня, муженек мой. Ты не забывай в какой ситуации мы находимся. Куда мне идти? Куда податься? Где тебя искать?

Она замолчала и опять стала ласково гладить его чуб. Прижималась лицом к его широкой, просторной груди. Он молчал, раздумывал.

- Слушай, Света, - заговорил он, приподнимаясь и беря ее руки в свои. - Слушай, Света, меня внимательно. Должен тебе сказать, жenuленька моя, что положение у нас всех не только трудное, но и почти совершенно безвыходное.

- Ты думаешь?

- Знаю.

- То есть как?

- А вот как! Англо-американский и советский фронты сближаются теперь уже не по дням, а буквально каждый час. Штаб наших армий в настоящее время находится в Австрии, где-то вблизи городов Инсбрука, Зальцбурга. При штабе находится только Вторая наша дивизия, запасная бригада, да офицерская школа. Третья дивизия несформирована, генерал Шаповалов, я не знаю где находится. Где-то вблизи штаба находятся одна галицкая дивизия. В Зальцбурге стоит Отдельный Русский Корпус генерала Туркула, но он все еще в стадии формирования и даже, кажется, на вооружен. Казачий корпус ведет тяжелые бои в Югославии. Русский Эмигрантский корпус то же самое - отбивается от наседающих советских и титовских войск. Армия Походного

атамана генерала Доманова в Италии - охраняет Казачий Стан - наши семьи. Пятый запасной казачий полк, семьдесят два других русских национальных батальона - все еще под немецким командованием и находятся во Франции и других участках западного германского фронта. Грузинские и другие кавказские части застряли где-то, чуть ли не в Голландии, не знаю где. И, наконец, все другие полки и батальоны добровольцев, число которых не только Власов, но даже само Верховное германское командование не знает, все еще служат разбросанными в рядах немецкой действующей армии. Наши воздушные силы под командованием генерала Мальцева исчисляются всего-навсего в четыре тысячи человек - одна эскадрилья истребителей, эскадрилья легких бомбардировщиков, две других эскадрильи, полк противовоздушной обороны. Батальон парашютистов стоит в Neuern, школа пилотов в Eger, но знаю, что в противовоздушной немецкой артиллерии служит масса наших людей. Количество их огромно, но опять-таки, тоже никому не известное, так как немецкие командиры скрывают от своего Верховного командования своих добровольцев. Боятся получить приказ отправить добровольцев к Власову, а они им самим просто необходимы, ибо их нечем заменить. Нет у Германии больше своих солдат - костями легли они на просторах нашей России.

Итак, в общей сложности у нас есть миллион, воинов, пускай меньше. Но, чтобы все наши силы собрать у штаба наших армий, построить в боевой порядок и приготовиться

к удару нужно на это время, а времени у нас больше нет! Ваша дивизия теперь уже имеет приказ Власова выступить на стороне чехов. Если даже этого не случилось бы и дивизия достигла бы штаба армий, то и в этом случае положение не изменилось бы, ибо для наверняка успешного удара нужны не две три дивизии, а весь миллион наших воинов. Вот оно что!

- Ну, так как же быть? Какое ты думаешь наше командование в конце-концов примет решение?

- Я думаю, что Андрей Андреевич уже все решил.

- Что именно?

- Сделать только то, что мы еще в состоянии сделать.

- Именно?

- Спасти от уничтожения гитлеровцами столицу, где был провозглашен Манифест Освободительного Движения! Спасти от уничтожения Прагу. Это наше последняя жертва человечеству. Ничего большего мы не в состоянии больше сделать! Генерал Буняченко, я вижу, как и вы все, вся дивизия верите в солидарность с нами англо-американцев и даже надеетесь на их помощь в борьбе с коммунизмом. Я не знаю верит ли Власов в это. Думаю нет. Ходят слухи, якобы англо-американцы насильно выдают наших людей Сталину. Конечно, это только лишь слухи, а там увидим.

- Увидим, говоришь? А что же нам теперь делать?

- Как что? Тебе доктору - оказывать помощь раненым нашим воинам. Мне - офице-

ру сражаться. Это и все.

- Знаю. Не об этом спрашиваю. Это ясно. Что делать мне, если мы потеряемся опять? Если нас выдадут янгло-американцы? Если я в лапах у Сталина окажусь? Если я дочь или сына рожу? Вот о чем спрашиваю!

Поразмыслив, он ответил:

- Попадемся в лапы Советам. Ну, что же. Тебе, я думаю, дадут лет десять. Если выживешь, если отпустят, езжай к Маше на Дон. Она тебя любит и наверняка во всем поможет. Советы ее не тронут, надеюсь. Димитрий знаешь?

- Знаю. Комиссар, фанатик несчастный. А впрочем, он хороший человек.

- Правильно, и даже очень хороший, в этом не сомневайся. А если Бог пошлет нам девку или казака, вези на Дон! Это тебе мое повеление, жена моя! Я, а теперь и ты, оба мы ответственны перед Доном - батюшкой за детей его. России, как и прежде, казаки нужны. А казаки на Дону водятся. Россия все переживет - и коммунизм, и всех своих врагов. Поняла, жена моя!

- Поняла, казак мой лихой! Как же мне и не понять?

- Спаси Христос, Света! - помолчав добавил он. - Если меня не расстреляют, если выживу, если отпустят - буду искать тебя у Маши. Помни, Света, и ободряйся. Враги могут только убить тела наши, а души наши в руках Божьих!

- По милости Божьей познала я эту истину, муж мой!

- Славь Бога!

- Славлю Его за все! Ляг, поспим

еще немного. Ты крепко спал, а я так -
чуть-чуть вздремнула только. Мысли...
мысли в голове толпятся. Ах!

Светлана опять положила на грудь
мужа голову и, как-то сразу успокоившись,
крепко уснула.

Не прошло и часа, за окном загудел
приближающийся гул мотора, затем несколь-
ко отрывистых автомобильных сигналов -
приехал Петя Прошкин...

Х   Х   Х

Кононов не застал Власова в Ставке. Узнав, что он спешно отбыл в Первую дивизию, которая в это время уже находилась в Чехославакии, Кононов к исходу дня 3-го мая прибыл в Прагу.

Любезно приняв казачьего генерала, комендант Праги, генерал Тусан, сказал, что, как ему известно, Первая дивизия находится, где-то вблизи Праги, но точного местонахождения дивизии он не знает. Генерал Тусан информировал Кононова о происходящих во всей стране и в самой столице событиях. Гарнизон Праги был начеку, ожидая каждую минуту вспышки восстания чехов.

Утром 4-го мая, Кононов решил поехать и разыскать Власова. Генерал Тусан предложил ему взвод охраны из своего гарнизона. Выехав за город, Кононов заметил в пригородах движение чешских повстанцев. Он сообразил, что ему с немецкой охраной к Власову не пробиться и вернул охрану. (Автор присутствовал, когда И.Н.Кононов рассказывал об этом событии).

Едва машина с Кононовым миновала пригороды Праги, вспыхнуло восстание, как будто в тлеющий костер кто-то "шарахнул" бочку бензина. Спешно брошенные на подавление восстания эсэсовские части, охватили кольцом восставший город. И вот, как в свои лучшие победоносные времена, вновь заработала немецкая военная машина.

Как на параде шли эсэсовцы, сокрушая и уничтожая отряды восставших чешских

националистов - героев. Радио повстанцев тчетно взывало о помощи к советским войскам маршала Конева, стоявшего всего в 30 километрах от Праги.

Происходило как раз то, чего хотел Сталин - его враги эсэсовцы уничтожали других его врагов - чешских патриотов - националистов, а сама Чехословакия уже давно была предана и отдана ему на растерзание правительствами западных демократий!

Истекающие кровью чешские герои, оказавшись меж двух огней, обратились с горячей просьбой к власовцам. Часами висело в эфире:

- ВЛАСОВЦЫ, ВЫ ЖЕ РУССКИЕ, СПАСИТЕ!
МЫ ПОГИБАЕМ!

Х Х Х

Шумит, гремит в чешском селе залихватская русская свадьба. Веселятся, забывшие свои горести, военную страду, русские обреченные воины, а в одном из чешских опрятных домиков, облокотясь на стол, сидит и слушает горячую речь генерала Буняченко их обреченный вождь.

С горячей верой доказывал Буняченко Власову, что если дивизия не будет введена в действие командованием, то солдаты сами без приказа ринутся в бой на стороне чехов, а следовательно командование потеряет управление войсками и не в состоянии уже будет удержать их в своих руках.

Власов понимал, что Буняченко в этом был совершенно прав. Но он сидел неподвижно подавленный, погруженный в какие-то одному ему известные мысли. Смотрел в сторону, молчал.

- Андрей Андреевич, мы не смеем больше оставаться в стороне от происходящих событий! Мы не смеем больше терять время, которое может решить исход восстания чехов, а следовательно и спасения наших людей! - горячо говорил Буняченко. - Я вас прошу, разрешите мне действовать немедленно!

- Опять измена! Опять измена! Весь свет считает нас изменниками, - вдруг заговорил густым басом Власов.

Он резко повернулся в сторону Буняченко.

- Измена кому? Гитлеровским псам, которые нас предавали и предавали! Не считали людьми! - бледнее, теряя от волнения голос, прохипел Буняченко. - О-о-о!, - простонал он, - Вы не смеете думать о немцах сейчас, Андрей Андреевич! Американцы несомненно придут в Чехословакию и спасут ее от Советов, а вместе с чехами будут спасены и наши солдаты! Мы до прихода американцев обязаны отдать все свои силы, чтобы спасти Прагу от уничтожения гитлеровцами. Если мы этого не сделаем, то такой наш поступок сочтут преступлением!

- Почему вы думаете, что американцы придут в Чехословакию? - утомленно и с заметной обреченностью, как бы наверняка заранее зная судьбу Освободительного движения и свою лично, спросил Власов.

- То есть, как! - в недоумении смотря на Власова, произнес Буняченко, - Разве вы

Не верите в это?

Власов молча отрицательно покачал головой.

- Так это же будет не только близорукостью со стороны американцев, но и преступлением! Ведь правительства Америки наверняка знает, что сделает Сталин с Чехославкией! Нет... это не может быть! Я не могу думать так о правительствах западных демократий!

Власов молчал.

- В Праге был превозглашен Манифест Освободительного движения, Андрей Андреевич! - убедительно, просяще продолжал Буняченко.

Власов стоял к нему спиной, смотрел через окно куда-то вдаль и ничего не отвечал. Вдруг, резко повернувшись, он, поблескивая стеклами очков, громко произнес:

- Генерал Буняченко, вы свободны в ваших действиях!

Буняченко рванулся с места. Ликующий хрип вырвался из его пересохшего, скованного нервными спазмами, горла.

Разоружая на ходу немецкие тыловые гарнизоны и передавая отобранное у немцев оружие чешскому населению, Буняченко двинул дивизию на Прагу.

Ликующие чехи засыпали русских солдат цветами. Слезы радости текли по их лицам. Они подносили русским солдатам лучшую, какую только имели, еду, пиво, брагу, вино и всякие лакомства. Они помогали солдатам нести вещи, оружие, снаряжали подводы, усаживали на них русских и мчали вперед на Прагу.

Повсюду на пути дивизии чехами уже были клеены на домах, окнах, заборах портреты асова. Многие, встречая русскую дивизию, ржали портреты Власова в руках. В местах, е проезжал сам Власов с генералом Бунячен-, ликование чехов доходило до полного тупления.

Пройдя 50 километров, к исходу дня 5-го я, дивизия подошла вплотную к Праге и, звернувшись, с ходу пошла в наступление.

Х Х Х

Пятого мая к дому в чешском селе Козаеды, где расположился штаб Власова, подъехал генеральский мерседес. Наконец Кононов разыскал Власова.

- Вот к чему мы докатились, Иван Никитич, - поднимаясь из-за стола и протягивая свою болеющую руку Кононову, произнес Власов.

И в тоне, как он произнес слова и на его лице, выражались подавленность, горькая ирония и конфуз. Выступление Первой дивизии против немцев, еще больше утяжелило, лежащий на душе обреченного вождя, камень. Ведь он заключил мир с германским народом. Мир честный и равноправный, к тому же этот мир вернее всего можно было назвать почетным, ибо немецкие солдаты по сути были подленими партнерами заключенного мира. Они - немецкие солдаты уже с самого начала войны дрались против советской власти плечо к плечу с многочисленными добровольцами из народов России, служившими в рядах немецкой армии и еще - этот мир был скреплен немалой пролитой кровью! А лучшие немецкие офицеры пытались убить Гитлера.

И вот, русские солдаты возглавленного им - Власовым Освободительного движения - его солдаты выступили с тем, чтобы нанести предательский удар в спину своему подлинному и честному партнеру. К тому же, в эти катастрофические дни для Германии, немецкие солдаты только и видели единственное спасение своей Родины именно в солдатах Русской

Освободительной армии. А тут, удар в спину.

Кононов удержал большую руку Власова в своей и не мог сразу найти что-либо сказать ему утешительное, чем-то обнадежить его. Кононов знал настроение солдат Первой дивизии, да, как и не знать, оно было тождественным вообще со всеми воинами Движения.

- Я не раз говорил, - сказал Власов, - дали бы только гитлеровцы нам возможность руку подать солдатам Красной армии, дали бы только руку подать. Да, они не дали, а решили сами погибнуть и нас погубить, разбойники!

- Но мы же в этом не виноваты, Андрей Андреевич, - наконец выдавил Кононов, ощущая, как в его душу впиваются острия предательских когтей врагов России. - Я думаю, Андрей Андреевич, нацисты, погибая сами, решили спасти коммунизм, как бы назло западным демократиям, дескать, не хотели нашей победы - вот вам коммунизм со всеми его прелестями, он заплатит вам щедро за наше поражение.

- Весьма возможно, Иван Никитич, это так, но вот в силу злых происков немецких нацистов и близорукости лидеров западных демократий, отвергнувших наши протягиваемые и им тоже руки, стряслась вся эта великая трагедия, а по сути, трагедия для всего человечества. А сейчас уже, вот там - под Прагой, столицей славян, должна произойти смертельная схватка между невинными русскими и немецкими солдатами. Да, Иван Никитич, вы правы, мы не хотели этого и мы не виноваты в этом страшном преступлении - пускании невинной крови. Но предателем и

виновником буду я! Опять и опять все будут меня клеймить предателем! Кто из немецких солдат сейчас в этом хаосе сможет разобраться в столь непонятном для них нашем поступке?

- Теперь нет, но придет время, Андрей Андреевич!

Власов сильно сжал руку Кононову и усадил его на стул, прервав его речь, и лишь в этот момент в оживленно блеснувших искорках в глазах Власова, Кононов понял, что знает и крепко верит Власов, что рано или поздно наступит время, когда ярлых изменника будет снят с его имени и он займет свое место среди великих патриотов своей Великой Родины.

Если солдат Первой дивизии нельзя было удержать от порыва броситься на немцев, то остановить их и вернуть было и невозможно и бессмысленно. Огромные гибельные волны уже со всех сторон захлестывали Освободительное движение и не оставалось ни малейшего шанса предпринять какой-либо, обещающий успех, акт.

- Германия рухнула прежде, чем я предполагал, - сказал глухо Власов, опустив голову, - Теперь ничего другого не остается, как отдать себя в руки союзников Сталина, с надеждой на то, что они все же не посмеют попать главный принцип народов, которыми они руководят и за которых они ответственны перед Богом и всем человечеством. Да, ведь Америку все считают оплотом свободы! В это все верят! - продолжал Власов глухо, не поднимая головы.

Все молчали, опустив головы, но Власов

опять заговорил, но уже как-то сразу отбросив мысли о западных демократиях стал говорить, выражая надежду, что немецкие солдаты не станут оказывать сопротивление Первой дивизии, ибо все они видят конец войны и бессмысленность драться и умереть ради преступных целей Гитлера.

- Так что все обойдется без большого пролития крови.

И тут же Власов добавил, сказав, что эсэсовские части будут сражаться и даже может очень упорно, но Первая дивизия сильно вооружена, многочисленна, с большим подъемом духа, а генерал Буняченко талантливый полководец и сумеет быстро лишиться эсэсовцев возможности сопротивляться, что таким образом там не будет пролито много крови.

Опять помолчав, Власов поднял голову, обращаясь к Кононову, сказал, что он генерал Кононов назначен им генералом Власовым Походным атаманом всех Казачьих Войск и командующим всеми казачьими войсками вооруженных сил КОНР.

Кононов не спросил Власова: - назначает ли он его теперь, или это он уже сделал раньше, после того, как он отбыл в Казачий Стан. Спрашивать было неуместно и незачем. Было ясно, что Власов этим назначением исполнил свой долг перед всем Освободительным движением в целом, и перед казачеством в частности, находившемся долгое время в позорном и компрометирующем все Движение положение.

Назначение оказалось практически невыполняемым, но оно достигло свою намечен-

ную политическую цель - это было главное.

Деловой разговор кончился решением оставаться на месте, ожидать исхода действий Первой дивизии.

В этот вечер за ужином Власов заметно оживился, на его лице не стали так ярко выражаться, рвавшие на части его душу, тяжелые думы. Он старался быть спокойным и, угощая гостей, вел отвлеченный разговор с офицерами Кононова. Ему явно приятно было видеть возле себя и самого бесшабашного храброго казачьего Батько и его молодых, во всем подражающими своему Батьке, офицеров. Любуясь выправкой и манерой держаться офицеров Кононова, Власов вспомнил о визите Рудакова Марка.

- Иван Никитич, вот чуть не забыл. Был у меня вчера ваш другой - вот такой орел, как и эти ваши другие.

- Марк?

- Он.

- И где же он?

- О-о-о, тут такое торжество, Иван Никитич, было! Свадьба на марше, вот оно что! Вся дивизия и все чешское село, как пчелиный улей, копошилось и гудело!

Власов еще больше оживился и повеселел. Радостью засветились глаза его и он, как всегда раньше, умело и красочно рисует картину, а тут еще необыкновенную картину - картину свадьбы поистине на марше Первой дивизии Русской Освободительной армии. С большой любовью, как о своих родных детях говорит он о молодой чете. Ведь это его воины, его до самозабвения преданные ему дети.

Слушают казаки своего вождя и радуются не столько рассказу о свадьбе, сколько тому, что печаль совсем исчезла с лица Власова, и он, забывшись, отдыхает от душевных мук. Они и поддерживают этот веселый разговор о свадьбе и деланно более веселы, чем на самом деле себя чувствуют, а тут еще Батяко им подмигивает, дескать, давайте, сыночки, веселите нашего Андрея Андреевича. Все увлеченно слушают и дивятся случайному счастливому событию.

Власов говорит Кононову, что Марк, наверняка пожелал остаться с женой при Первой дивизии, но что Кононов может и своего казака и жену его забрать в свои казачьи части, как только Первая дивизия закончит дело с Прагой.

Уже поздно вечером уходят гости Власова, становятся на ночевку тут же в соседнем доме.

В этот последний день, в последние часы до того, как Власов отдался в руки союзников Сталина, бывшие при нем его воины вдруг вновь увидели перед собой своего вождя таким, каким давно привыкли видеть. На его лице не было ни тени, ни подавленности, ни разочарования, ни страха. Опять его густой бас уверенно звучит, наполняет всю комнату. Опять через стекла больших роговых очков светятся его пронизательные, прозорливые, умные глаза. Вот он подымается во весь свой большой рост и сразу, как бы заполняет собой всю комнатку небольшого опрятного чешского домика. От этого кажется становится мало места — тесно. Хочется всем присутствующим, чтобы стены до-

мика раздвинулись, чтобы многие и многие слышали слова Власова, чтобы слышали речь его все его войны, все народы России, народы Святой Руси, сыном которой он был. Им всем так же хочется, мучительно хочется, чтобы слышали его речь и враги как вольные, так и те невольные близорукие союзники Сталина.

Власов говорит, что Освободительное движения не по своей вине не смогло достичь теперь намеченной цели, но что это отнюдь не значит, что Движение погребено — нет!

Власов говорит о будущем, которое рано или поздно придет и не может не прийти. И это будущее Освободительное движения принесет народам России победу над всем злом. Правда победит зло!

— Освободительное движение народов России живо и будет жить в сердцах нашего народа, — гремит густой бас Власова.

И эти слова оживляют и опять наполняют верой в правое дело души слушающих его. Он опять и опять повторяет, что Движение не может умереть, ибо оно является естественным и прямым результатом преступных действий коммунистических тиранов. Власов говорит, что только и только после окончательной гибели коммунизма не станет, борющегося с ним, антикоммунизма.

— Освободительное движение народов России, друзья мои, живо и будет жить независимо от того будем мы с вами живы или мертвы!

От таких слов Власова сильно колотятся сердца слушателей, у них стучит сильно в

висках, неудержимо хочется им крикнуть, крикнуть так крепко, чтобы слышал весь мир:

- ЛЮДИ ПРОСНИТЕСЬ! ОПОМНИТЕСЬ! СМОТРИТЕ, ЧТО ДЕЛАЮТ С ВАМИ ВАШИ ПРАВИТЕЛИ! СМОТРИТЕ, ОНИ ВЕДУТ ВАС К ПРОПАСТИ! ОСТАНОВИТЕ ИХ!

Этой ночью ни генерал Кононов, ни его свита молодых офицеров не могли уснуть. Один из офицеров почему-то вспомнил дело Керенского и его министров. Особенно ругал министра иностранных дел Милюкова.

- Вот, как раз, может быть, не так, как ты думаешь, славный, - вмешался в разговор Батя.

- Что это, Батя?

- Слышал я, что этот самый Милюков, которого ты ругаешь, якобы говорил, что Россия не может быть без царя и рекомендовал на трон брата императора Николая II Михаила Александровича. Оно, конечно, нужно было не рекомендовать смену царя, а всем этим политикам грудью стать вокруг царя-мученика! Они этого не сделали. Они требовали отречения императора в критическое время России. Они расшатывали и свалили столб, на котором держалась Россия. Они предали императора Николая II! А ведь император Николай II одержал победу над Германией еще до своего отречения от престола, ведь от него же были зависимы действия и армии, и всего государства. Союзники без Русской армии не в силах были победить Германию. Победа России стоила три миллиона в боях павших русских солдат. Фактически император Николай II выиграл войну не только для России, но для ее союзников, которые позднее добились уже

измотанную, обессиленную Русской армией, Германскую армию.

- Ах вот как! А я и не знал.

- Да, мы все многое не знаем из того времени. Советская власть нас правде не учила... Давайте-ка, сыночки, спать. Завтра имеем честь сопровождать нашего Андрея Андреевича. Ясно, славные? Радуетесь чести?

- Ясно, Батя! Радуетесь чести!

Х Х Х

Утро 6-го мая... Майский весенний ветерок щедро ласкает, освободившиеся от снежного покрова, озябшие сопки. Не скупясь, греет солнце, просяще тянущуюся к нему, каждую оживленную травинку.

Генерал Буняченко, широко расставив ноги, не отрывая от глаз бинокль, спокойно следит за боем. Вокруг него толпятся офицеры его штаба, спешат с донесениями и, получив приказ, быстро удаляются адъютанты. Работает радио - телеграф, полевой телефон. Тут же у командного пункта, скрытая зеленой рощей, стоит спешанная конвойная сотня. Казаки тихо переговариваются, курят...

Русские полки, ломая сопротивление эсэсовцев, успешно продвигались вперед. Захваченный с ходу четвертым полком под командованием храброго полковника Игоря Константиновича Сахарова, аэродром с пятидесятишестью не успевшими подняться самолетами, устранил опасность с воздуха. Первый полк рванулся к мостам, перекинутым через реку Молдаву. Необходимо было захватить мосты и направить удар к центру Праги.

Колосов, раненый шальной пулей в правую руку, стараясь игнорировать боль, прикидывал в уме сколько еще времени надо для овладения мостами. Он поднимал к глазам здоровой рукой бинокль, щупал местность, измерял расстояние.

Ум Марка был занят этими же мыслями. Временами, отрывая от глаз бинокль, посматривал на крестного и опять припадал к бинок-

лю. Острые глаза разведчика скользили и шарили повсюду, привычно взвешивая каждое мельчайшее препятствие. Вдруг взгляд его наткнулся на неожиданно высыпающую из лесу на поляну, как горох из мешка, роту эсэсовцев. Быстро перебегая, эсэсовцы направили свой удар в тыл Первому полку, что не только могло задержать овладение мостами через Молдаву полком, но и вообще изменить ход боя всей дивизии.

Марк с тревогой взглянул на Колосова, но бинокль старого казака уже был направлен в сторону появившейся опасности. Головы Колосова и Рудакова одновременно обратились к Буняченко. Генерал попрежнему стоял во весь рост. Опустив бинокль, он с полным спокойствием посмотрел на вопросительно и тревожно смотревшего ему в глаза Колосова. Его спокойный взгляд говорил: - "ну, теперь за вами слово, казаки".

- Хорунжего Дьякова ко мне! - приказал Колосов.

Марк схватил за руку взметнувшегося вестового.

- Разрешите мне, крестный!

Васильковые глаза смотрели просяще и требовательно.

- Справишься, казак?

- Справлюсь, крестный!

- Ну, давай! Возьми моего коня. Не любит он незнакомых ему, да ты с ним поладишь. Конь даже гожий к делу!

Придерживая рукой шашку, Марк разогнавшись пригнул в седло. От неожиданности конь стал в дыбки, затоптался на месте, раздувая ноздри и кося глазами, запросил повод.

Сдерживая коня, теребя и глядя его шелковистую шею, Марк, нагнув голову, изподлобья прощупывал, изготовившуюся к бою, сотню.

- Шашками владеют? - приглушенно спросил он подошедшего Колосова.

- Сам видишь - не молодняк, все бывшие мамонтовцы, шкуровцы или буденовцы.

Колосов ласково оглядел свою сотню.

- Ясно!

Марк понимающе кивнул головой, тронул коня и стал в голове сотни.

Казачьи знали, что молодой сотник кононовский офицер и на их лицах царило спокойствие и уверенность. Перед ними сидел на коне твердой воли, знающий свое дело, боевой командир. Перед ними был типичный питомец казачьего Батки - генерала Кононова, привыкший только к победам, привыкший только сокрушать противника.

- За мной, марш!

Наметом обскакав сопку, Марк вывел сотню к окраине леса, из которого вышла рота эсэсовцев. Несколько секунд с заметным восхищением он любовался, как эсэсовский молодой капитан умело направлял свой удар. В васильковых глазах казачьего офицера ясно светилась мысль: - "да, хорошие вы, немцы, воины, но вот здесь - казаки против вас!"

- Шашки!

Легкий лязг оружия.

Сильно стегнув плетью коня, муря глаза и пряча за конскую шею от хлеставшего ветра лицо, Марк целился в капитана. Взять живым! Обязательно взять! Хороший командир и должно быть храбрый! Он не слышал, как строчат сотни конских копыт, как содрагается земля.

Не слышал храпа, стелившегося под ним бешеным наметом, коня, он только совсем незаметным движением руки направлял чуткого, послушного коня к цели.

Как сибирский буран, как неожиданный сокрушающий вихрь налетела казачья сотня и проскакала поляну, оставив за собой вырубленную роту эсэсовцев. Резко осажденный, поднятый в дыбки конь, чуть не сбил и не подмял под себя вскочившего эсэсовского офицера, но он успел повернуться и дать очередь из автомата. Пуля слегка задела грудь вздыбившегося над ним коня. Забирая левой рукой повод, Марк ловким ударом шашки плашмя вибил из рук немца автомат. Обезоруженный, гордо вскинув голову, чуть откинувшись назад, бесстрашно, презительно и вызывающе улыбаясь, смотрел Марку в глаза, очень красивый, высокий, статный, голубоглазый блондин с типичным немецким обликом лица эсэсовский капитан. Молнией сверкнула шашка... Секунда и немец будет развален казачьей шашкой надвое, но взметнувшаяся шашка застыла в воздухе.

Немец стоял в той же позе насмешливо презрительно улыбался. Из осадин на руках сочилась кровь. Марк опустил руку, не спеша вложил шашку в ножны, слез с коня. Казаки подвели восемь человек уцелевших эсэсовцев. Все было кончено. Опасность удара в тыл Первому полку была устранена.

- Вы доблестный немецкий солдат, господит капитан! Вы исполняете свой солдатский долг, я это понимаю, - глядя немцу в глаза, чеканя слова, сказал Марк по-немецки, - но вы должны понять - мы русские то-

же солдаты и тоже исполняем свой солдатский долг. Вы немцы боритесь за Великую Германию. Мы русские – за освобождение нашей Родины от сталинской тирании от коммунизма. В начале войны немецкая армия была нами встречена хлебом-солью и цветами. Мы жаждали видеть в лице немцев своих союзников, своих освободителей, но мы ошиблись. Вы, немцы, пришли в Россию с целью отнять нас у наших врагов коммунистов и накинута на нас оковы ваших нацистов. Мы не знали и не могли знать тогда целей вашего фюрера, но мы их очень скоро поняли. Жестоко обманутые, мы всю войну боролись рядом с доблестными немецкими солдатами. Мы терпеливо ждали, мы надеялись, мы верили, что в конце концов ваш фюрер опомнится и голос сочувствия нам услышим мы из его уст. Этого же ждали и добивались многие немцы – наши истинные друзья, видя в честном союзе с нами, единственный шанс спасти свою немецкую родину. Увы, и по сей день Гитлер и иже с ним игнорируют нас, наше Движение, а мы не смеем больше ждать, у нас нет на это больше времени. Вы, немцы, имеете приказ вашего фюрера уничтожить Прагу. Мы, русские, не можем допустить этого преступления и не только потому, что мы славяне и чувствуем обязанность спасти столицу славян, есть и другие причины. И на все это воля наших солдат, тут все ясно, господин капитан!

Марк повторял почти дословно, уже много раз сказанное русскими борцами в лицо нацистской власти.

– Мне думается, – продолжал он, не теряя вдохновения и красноречия, – я достаточно

сказал, чтобы честному человеку стала понятна причина, ведущая Германию к гибели. Вы видите, - помолчав и поразмыслив несколько секунд, продолжал Марк, - русская дивизия через час - два овладеет Прагой. Ваше сопротивление бесполезно. Предлагаю вам и вашим оставшимся солдатам выйти из боя!

Выражение лица эсэсовского капитана, по мере того, как говорил Марк, менялось. Гордая вызывающая улыбка исчезла, голубые умные глаза стали смотреть серьезно, пытливо. Казалось, он впитывал каждое слово. Он прекрасно понял благородный жест русского офицера, предлагавшему ему выйти из боя, тогда как он уже был выведен из боя, взят в плен и к тому же помилован.

- Я вас прошу, господин капитан, - опять помолчав, продолжал Марк, - понять нас и не быть в обиде за наш поступок. Мы, власовцы, боремся между двух огней, мы это знаем, но у нас нет других возможностей. Поймите это! Скажите, пожалуйста, как бы вы, немцы, поступили на нашем месте, господин капитан?

Марк пытливо с надеждой на искренний ответ посмотрел в глаза немцу.

- Так же, как и вы - русские, мой друг, - с полной откровенностью, подчеркивая каждое слово, громко сказал эсэсовский капитан.

Марк невольно, рывком приложил руку к папахе. Немец немедленно приложил руку к козырьку эсэсовской фуражки, явно давая понять значение своего поступка - честь была отдана им по-армейски. Оба офицера смотре-

ли друг другу в глаза, испытывая душевную радость — чистую совесть.

Занесенная над головой эсэсовского офицера, шашка не сломила его гордости и смерть не испугала его, но горькие слова правды сломили гордость, прояснили ум и заставили заговорить совесть. Одновременно протянутые руки русского и немецкого офицеров крепко сжались.

Казачьи и пленные эсэсовцы с восхищением и явным ликованием смотрели на них. В этот момент один из стоящих за их спинами эсэсовец, быстро нагнувшись, схватил, забытый всеми, все еще лежащий на земле, автомат эсэсовского капитана и скосил наземь обеих офицеров. Немецкий капитан был убит, Марк тяжело ранен.

От неожиданности все замерли и несколько секунд никто не шевелился. Затем, размахнувшись, ударом кулака другой эсэсовец свалил с ног фанатика и одновременно, сверкнув на солнце, обрушились, рубя его на куски, казачьи шашки.

Потрясенный казакам, хорунжий Дьяков приказал взять с собой убитого офицера, а пленных эсэсовцев, пожав им руки, отпустил. Придерживая одной рукой тяжело дышавшего Марка, а другой направляя коня, Дьяков повел сотню напрямик к командному пункту.

— Справился, казак... знал я, что справишься... да не знал, что уж больно так тяжело поранят тебя, казак.

Лежавшему на носилках Марку, Колосов дрожащей рукой разглаживал чуб, тяжело вздыхая и скорбя. Марк открыл глаза, улыбнулся, протянул руку Колосову и едва слышно сказал:

- Ненужно, чтобы Светлана знала... я могу умереть... я не хочу, чтобы она страдала.

Помолчав, он, собравши все силы, еще сказал:

- Крестный, пожалуйста, передайте мою просьбу генералу Буняченко.

Понуря головы стояли казаки; позванивая удилами, нервно топтались разгоряченные боем кони. Над головами казаков куда-то на северо-запад, не спеша, образцово построенным косяком, следуя за жожаком, летели гуси. Еле заметные на большой высоте в беспорядке, живыми планерами, кружились многочисленные стаи копцев, еще выше парил остроглазый орел, а на склонившейся ветке дерева, украшенного лоснящимися молоденькими листочками, уселась, перепуганная артиллерийскими залпами, прилетевшая стайка воробьев. Взволнованно чирикавая, они испуганно поглядывали посторонам, не зная на что решиться - то ли метнуться дальше, то ли оставаться на месте.

Захлебываясь, строчили пулеметы, оглушительно охали залпы орудий, работал радиотелеграф, трещал полевой телефон, сдержанно спокойно толпились офицеры штаба, прибывали и, получив приказ, быстро удалялись адъютанты.

Широко расставив ноги, с биноклем в руках спокойно следил за боем генерал Буняченко.

Колосов подошел к генералу Буняченко. Опустив бинокль, он выслушал Колосова, потом, взяв трубку, приказал главврачу дивизии немедленно отправить врача Светлану Рудокову с партией раненых в глубокий тыл.

Раненые воины Первой дивизии Русской Освободительной армии были ошибочно приняты американцами за советских и помещены в их военный лазарет. Позднее, когда ошибка была обнаружена, русских перевезли в лазарет для военнопленных.

Х Х Х

- Возьми-ка, Борька, корень квадратный из тридцати шести. Взял?

- Есть.

- Сколько будет?

- Саркисьян испытывающе посмотрел на Бориса.

- Шесть, конечно!

- Молодец! Пойдем дальше. Возьми теперь пять в квадрате. Взял?

- Взял прямо за шиворот!

- Ну, сколько будет?

- Двадцать пять, конечно, господин капитан!

- Отлично! Пойдем дальше. Как извлечь корень кубический из двадцати семи?

- Заковыристый вопрос забрасываешь, да только не засыпишь - знаю.

- Ну?

- Вот те и ну! Нужно взять три раза по три, а потом еще три раза по три, а потом еще три раза по три - двадцать семь, капитан Длиннонос Иванович. Что, засыпал?

- Молодец, Борис Иванович, внимаешь наставлением нужным. Хвалю!

Саркисьян бросил одобрителный взгляд на, сидящего на гусеницы танка, друга. Но тот вдруг, сооротив недовольную мину на лице, спросил:

- И чего это ты привязался ко мне со своей математикой? Хватит с меня того, что уже знаю. Не отвечаю больше на вопросы. И впредь ликвидирую твои экзамены, как класс. Вот и дело с концом!

Борис лег на спину и, запрокинув голову, стал рассматривать майское голубое небо над небольшой страной чехов.

- Вот и опять ты, Борька, увиливаешь от нужной науки. Мне командиры танковых взводов вот нужны, а ты хочешь башенным стрелком отделаться, - нахмурился Саркисьян.

- А вот, глянь-ка - целые две танковые роты маршируют. А я знаю, что среди них не меньше двух десятков одних лейтенантов. Вот тебе и командиры взводов и рот!

- Эх ты, Борька! Да лейтенанты они разные бывают. Есть такие, что на танк его лучше не садить. Ноль на поле боя такой лейтенант. Гайки начинают откручиваться во время боя у таких лейтенантов - вот в чем дело, Борис Иванович!

- А у меня, думаешь, не могут открутиться гайки?

- Нет, нет, ты не из тех, у которых гайки откручиваются. Ты неоднократно показал себя в бою и я знаю тебе цену, Борька. А то бы тебе погоны унтер-офицера не видать на своих плечах. Это ты уже скромничаешь, Борис Иванович.

- Что-то ты, Длиннонос Иванович, применил я, перестал меня Болваном Ивановичем называть. Уж не из-за погон ли унтер-офицерских?

- Ни как нет!

- А в чем же дело?

- А вот в чем! На, читай!

Саркисьян протянул другу Евангелие.

- Где ты взял? - удивился, блымая глазами, Борис.

- У нас в танке нашел. Танк-то трофейный, значит кто-то из наших - "красных" ивановичей имел его при себе в танке. Разве ты еще не видел? Оно ведь тут на видном месте, в нашей боевой машине лежит всегда.

- Не приметил. Что читать-то?

- А вот, от Матфея, глава пятая, стих двадцать второй. Читай!

22 "А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему "рака́"* ,подлежит синедриону**, а кто скажет: "безумный", подлежит гиене огненной."

- А что же это значит, Ваня?

- А то, что написано. Ты что, ни бумбум?

- Не, а...

- А ты подумай, поразмысли, как следует, Иванович!

Борис долго перечитывал стих, размышляя посматривал на синеющий вдаль лес, а потом, обратясь к другу с ноткой сожаления, сказал:

- Вижу ребятки наши нагрешили страшно, подбросив мне приставку болвана беспросветного - би-би. А?

- А ты вот проявлением разума своего, разумением своим Слово Божье выявляешь

---

* - Пустой человек

** - Верховное судилище

обратное - умен ты, Борис! Давно я это приметил. И к тому же храбр, как и подобает быть русскому солдату. Не каждый комсомолец, хотя и бывший поймет то, что ты быстро понял и сразу согласился. Как думаешь?

- Пожалуй так. Найдется не мало таких, что еще и оспаривать начнут. Ведь для этой-то цели и комсомольскую организацию сострепали вожаки коммунизма. Это ясно, Ваня!

- Вижу, что тебе ясно, да боюсь, что немногим ребятам нашим, а их миллионы, станет это сразу ясно. Страшно сильным недугом больна молодежь наша. Ведь в рабстве рожденная она! Я помню, как однажды пришел домой со школы, лет восемь тогда мне было, со звездой красной на рубашенке моей - октябренок! И такое словцо бабушке своей сказанул, что она слезами облилась и перед иконой упала молиться за меня начала. Эх, беда, Борька, с Родиной нашей! Помнишь, как тетка Марина поучала нас?

- Помню, конечно, да кто ее тогда слушал из нас? Я? Ты?

Саркисьян скорбно посмотрел на друга и, поблескивая бархатными глазами, суровея лицом, чеканя слова, сказал:

- Бороться нужно, Борис! Бороться с врагами Бога и рода человеческого! Сражаться не на жизнь, а на смерть за други своя. Вот оно что, Борис! Положение у нас не из легких, ведь мы между двух огней боремся! Да, вот еще...

Саркисьян не договорил, припал к радио.

"Внимание, внимание! Говорит Искра! Говорит Искра!... Слушает Просвет! Слушает Просвет!... Немедленно приступайте к акции

двадцать три! Говорит Искра!.. Приступаем к акции двадцать три! Говорит Просвет!

- Вот те и на! А я рассчитывал не раньше, как через два дня. Чудо, Борис, Первая дивизия уже ведет бои у Праги.

Едва Саркисьян, выскочив на танк, подал условный знак свистком, как маршировавшие вблизи немецких танков русские добровольцы - "пехотинцы", в один миг оказались сидящими в, выстроенных в образцовом порядке немецких, танках и, отчаянно рванув с места, развивая скорость, устремились к Праге.

Саркисьян имел задание оттянуть немецкие танковые части от Праги, навязать им бой с тем, чтобы Первая дивизия генерала Буняченко успела бы с налету захватить аэродром, не дать немецким самолетам подняться в воздух.

Х Х Х

Майор фон Бах, удрученный неожиданным, негаданным совершившейся действительностью, в полной растерянности и недоумении старался установить связь по радио со штабом немецких частей. Телефон не работал - чья-то невидимая рука привела в негодность телефонный аппарат и порезала провода,

Размышляя, фон Бах никак не мог уяснить замысел капитана Саркисьяна. Ведь русские танкисты под его командованием сражались против войск Красной армии лучше, чем немецкие и долгое время - без всякого сом-

нения, и вдруг с их стороны сногшибающий акт! Откуда взялась эта русская добровольческая группа в месте расположения его танкового батальона? Ясно, что все заранее было весьма ловко подстроено. Но куда и с какой целью капитан Саркисян повел батальон?

Майор фон Бах ничего еще не знал о действиях Первой дивизии Русской Освободительной армии. Установив связь со штабом немецкого корпуса, фон Бах сбивчиво, растерянно докладывал командиру корпуса о случившемся... Немецкие танкисты, выскакивая из домиков чешского села, в недоумении смотрели вслед умчавшимся их танкам...

Х Х Х

Саркисян уже издали заметил показавшиеся передовые танки, вышедшему ему навстречу немецкого танкового батальона. Он приказал одному взводу выйти вперед и навязать противнику бой, с тем, чтобы незаметно обойти противника с фланга и сокрушить его основными силами. Но увы! Командир танкового батальона СС предупредил маневр Саркисяна и русские танкисты оказались лицом к лицу с немцами. Завязалась страшная огненная танковая дуэль.

- Слышь, Борис?

- Что?

- Успел сообщить по радио майор фон Бах и в эту сторону, да это как раз то, что нам и нужно.

- Точно!

- Смотри, ползет! Лепи ему, Борис!
- Залепил по мордасам! Вот уже горит!

Ликвидирован, как класс!

- Вот, гляди другой выползает! Дай ему нокаут!

- Горит и этот, господин капитан! Не изволите сомневаться, слетел с катушек Фриц!

Борис Шапошников метким огнем выводил один за другим из строя немецкие танки. "Лепил" снаряды без промаха.

Бой разгорался, пылали, охваченные огнем как с одной, так и с другой стороны танки, падали сраженные пулеметным огнем, выскакивающие из горящих танков, танкисты. Не мало танков было выведено из строя у немецкого майора СС, но не мало танков и у русского капитана Саркисьяна. Пылали, охваченные огнем, когда вдруг неожиданно у него в тылу появились немецкие танки, бросившиеся вслед за ним и нагнавшие теперь его. Теперь русские танкисты оказались в бою между двух огней. Саркисьян моментально бросил одну роту навстречу, нагнавшим его, немецким танкам. Прикрывшись одной ротой с тыла, он продолжал ожесточенно наседать на противника с фронта.

- Слышь, Борис?

- Что?

- Майор фон Бах успел сообщить и в другую сторону. Нагнал он нас.

- Вижу дело плоховато... А впрочем все нет. Смотри, Ваня, вот там наши!

Из-за пригорков позади разворачивающегося к бою немецкого танкового батальона показались многочисленные танки Т-34.

- Ура-а-а! Борька-а-а! Красные Ивановичи вовремя нам на помощь пришли! Лепи!.. Лепи, Борис, без промаху! - в экстазе сияя глазами, кричал Саркисян.

Немецкий танковый батальон, нагнавший Саркисяна, повернул вспять - отбиваясь от, ставших на него наседать, танкистов Красной армии и в этот же момент Саркисян припал к радио.

"Внимание! Внимание! Говорит Искра! Говорит Искра!.."

"Слушает Просвет! Слушает Просвет!"

"Акция двадцать три выполнена! Акция двадцать три выполнена! Говорит Искра!"

"Слушает Просвет!.. Акция двадцать три выполнена!.. Слушает Просвет!"

- Ты слышишь, Борис?

- Слышу! Приказ выполнен, господин капитан!

- Точно! Первая дивизия уже захватила аэродром, будьте уверочки, унтер-офицер Борис Иванович Шапошников! - радостно блестя глазами, проговорил Саркисян.

Тут же отдал приказ, подошедшей, бывшей в прикрытии роте, сделать глубокий обход противника с фланга. На этот раз обход удался и неожиданно атакованный с тыла, противник пришел в замешательство и растерянность, что сразу же привело его к полному поражению. Повсюду горели немецкие танки. Бросая оружие, уцелевшие немецкие танкисты, бежали навстречу русским, сдаваясь в плен. Лишь комендант немецкого танкового батальона СС с несколькими оставшимися у него танками, все еще оборонялся и метко сбивал русские танки. Саркисян, блес-

нув гнавно глазами, направил на него свой танк, но в этот же момент подбитый прямым попаданием танк Саркисяна, охваченный пламенем, забуксовал на месте и стал... Несколько секунд и Борис, туша́ руками горевший мундир, нес на плечах друга.

- Давай его сюда, Борька!

Лейтенант Иван Кузнецов втащил Саркисяна в свой танк и, когда тот открыл свои глаза, спросил:

- Что, господин капитан, шарахнуло тебя маленько?, - и тут же добавил, - Ну, да мы им сейчас дадим прикурить!

Саркисян улыбнулся и, слабым жестом руки подав приказ двигаться вперед на Прагу, потерял сознание.

Х Х Х

Русочка, проверив пульс у все еще находившегося в бессознательном состоянии Саркисяна, присела у его койки. Сильные ожоги много изменили его лицо, но она уже знала, что это он - тот офицер танкист с необыкновенными черными бархатными глазами, в которого она впервые в своей жизни влюбилась, лишь глянув ему в глаза.

"Ах, если бы он открыл глаза" - укладывая поудобнее его забинтованные обе руки, подумала она. Жадно вглядываясь в его лицо, не шевелясь, долго просидела сестра полевого лазарета Первой дивизии РОА Елена Попова над пациентом.

Она представила себе родной город в

тот час, когда она увидела этого танкиста, командира. Долго еще сидела над ним, но вот, наконец, он, придя в сознание, открыл глаза. Русочка быстро наклонилась к самому его лицу с биением сердца молча смотрела в бархатные глаза.

Он улыбнулся простой детской улыбкой и, заблестев глазами, тихо, чуть слышно, сказал:

- Я вас знаю, медсестра.

- Я вас тоже знаю, господин капитан. В сорок первом в Минске, помните?

- Да, помню. Я вас так долго искал, сестра, - опять едва слышно проговорил он, не отводя глаз от голубизны ее глаз.

Он хотел еще что-то сказать, но появившиеся слезы счастья на его глазах, заставили Русочку быстро, осторожно девичьим беленьким платочком утереть его слезы и нежно, едва прикасаясь, поцеловать, излучающие блеск счастья, его глаза. Она также сама приложила один за другим к его губам свои голубые - те, которые он так долго и порой безнадежно искал, глаза.

- Я сейчас вернусь к вам, капитан. Вам необходимо принять болеутоляющую таблетку, а потом также необходимо покушать. Вы должны в лазарете подчиняться мне. Я медсестра, капитан!

Она шутливо погрозила пальчиком и, потряхнув белокурыми локонами, блестя голубизной глаз, вышла из палаты.

- Как вас зовут, сестра? - спросил он, когда она вернулась.

- Лена. А вас?

- Ваня. У вас и имя такое нежное и

красивое, как вы сами, сестра. Я так счастлив, что не могу говорить... Я...Я волнуясь... но я так счастлив... я нашел вас!

- А я нашла вас, Ваня. Я знаете ли... я... я...

Она замялась, застенчиво улыбнулась и, опустив глаза, сказала:

- Поклонники были у меня - хорошие наши ребята. Я даже думала, что люблю одного из них, но вот теперь знаю - нет!

Она счастливо засияла глубизной глаз, подложила ему под голову еще одну подушку.

- Приподнимитесь, пожалуйста, Ваня, я вас буду кормить, а вы подчиняйтесь до тех пор, пока я ваш начальник.

Она игриво, по-детски улыбнулась и присела на краешек его койки.

Она кормила его из ложечки, когда, прихрамывая, первым зашел в палату лейтенант Кузнецов. За ним с забинтованными головами, руками и ногами шли раненые танкисты: Борис Шапошников, Евгений Попандопулос, Костя Греков, несколько других молодых парней и позади всех, завершая желанных визитеров - Иван Семенов.

- Вот он, братцы, здесь наш капитан! Да тут-то комфорт какой - из ложечки кормят! В нашей палате такого ни-ни!

Кузнецов радостно смотрел на, пришедшего в сознание, друга. Приняв положение "смирно", спросил:

- Разрешите доложить, господин капитан?

- Докладывай! Да, ты присядь и расскажи, Ванек, что дальше было, как мой танк шарахнуло. Можно, сестричка, присесть мо-

им танкистам?

- Конечно, конечно, присаживайтесь вот на свободную койку.

Русочка быстро придвинула и поставила рядом с койкой Саркисьяна походную лазаретную койку.

- Вы, господин лейтенант, первым садитесь, но не забывайте, что начальство здесь мед-пер-со-нал. Ясно?

Русочка премило очаровательно улыбнулась и добавила:

- Вот, господин капитан тоже в моем подчинении - лазарет!

- Ясно, ясно, сестричка, да вы же такая красавица, как же не подчиниться-то, - пошутил Попандопулос, почесывая свой с горбинкой нос и присел на койку рядом с Кузнецовым.

- Садитесь и вы все, ребятки, со мной рядышком, да напротив нашего командира, - добавил Кузнецов, украдкой поглядывая на очень уж красивую сестру.

- Садитесь, ребята, поближе ко мне, - попросил Саркисьян, - а ты, Борька, со мной был, как жив остался, браток? А, что другие ребята живы ли?

- Потом расскажу. Пускай Кацап доложит. Он тебя сменил и бой довел до конца и доклад основной ему надлежит, да, только чтобы того, не запускаться особенно, слышь, Кацап? - бльмая глазами и довольно победоносно улыбаясь, проговорил Борис Шапошников.

- Доклад мой короток, Ваня. Вот он: Ребяток наших, конечно, немало полегло в бою между двумя противниками, но вот два-

дцать танков я привел целехинькими в дивизию. Быстренько сделали небольшую перестурбацию и две танковых роты принял капитан Кичеков и тут же ввел их в бой. Сейчас на улицах Праги Первая русская дивизия ведет бои. А Борьку, Би-Би-Болвана, нашего преумного ты расцелуй! Это он тебя на своих плечах к моему танку притащил, а то бы тебе хана была бы, браток! Так-то, господин капитан! - закончил свой доклад Кузнецов.

- А, ну-ка, прошу меня болваном больше не называть, господин подпоручик, - запротестовал совсем неожиданно для ребятки Борис Шапошников.

- Это почему же? - удивился Кузнецов.

- Гля, ребятки, Борька как запускается! - воскликнул Женечка Попандопулос, обводя всех удивленным взглядом.

- Растолкуй им, Ваня, пожалуйста, - попросил Борис Саркисьяна.

- Зачитать сначала нужно бы, да, Евангелие в танке сгорело.

- Нет, нет! - спохватилась, молча слушавшая друзей танкистов, Русочка, - я нашла в кармане вашего обгорелого мундира, Ваня, маленький томик Евангелия. Одну секунду, я принесу.

Когда Русочка, зачитав стих, стала вопросительно обводить взглядом танкистов, все соглашаючи закивали головами, а Кузнецов, почесав затылок, сожалеючи, сказал:

- Не знал этого я, прости, Борька!

- Не у меня, а у Бога проси прощения. Ему кайся!

- Конечно, да. Ему согрешил - Ему и

каюсь. Прости, Господи!

- То-то же, - одобрительно кивнул головой Борис.

- Всем вам, танкисты лихие наши, я вижу пора давно, давно исповедоваться и причаститься и, конечно, отслужить благодарственный молебен. Ведь вас всех Господь от смерти спас в жестоких боях и много раз! Вот скоро наш дивизионный священник будет обходить раненых солдат и офицеров наших. Вот он вас поисповедует и причастит, отслужит благодарственный молебен и обязательно, так учит христианская Православная Церковь, - проговорила Русочка, - А этот стих я знала раньше, - добавила она и стала рассказывать, как ее одноклассник зачастую обзывал соучеников рогатиками.

- Я ему однажды сказала, что чертями или, как он выражался, рогатиками людей грешно называть, а он на меня с удивлением посмотрел, и сказал, что фильм видел "Красные дьяволята", что это геройское слово, а не грешное.

- А у нас Шиша, это один наш друг, тоже частенько нас рогатиками обзывал, - перебивая рассказ Русочки, объявил Слеп.

- Грешно, страшно грешно, ребята, - воскликнула Русочка.

Объедев всех скорбным взглядом и присев на краешек кровати, рассказала о своей задушевной подруге Раисе Борцовой.

- Умница Раюшка. Служили долго мы вместе в нашем полку. Сначала сиделками, а потом прошли курс занятий и медсестрами стали. Да вот, перевели Раюшку в Пер-

вый полк и разлучили нас, редко теперь видимся. А она знающая девушка, весьма образованная и родом из самого сердца России - из Москвы нашей. Она и научила меня, как правильно нужно понимать слова Господни, как толковать Святое Писание - Евангелие. Вот я и вам, танкисты наши лихие, тоже советую читать Евангелие и учиться, как разуметь нужно Слово Божье. Ведь нужно же знать человеку, что грешно, а что не грешно - правда?

- Да, правда, - разом ответили танкисты.

Однако, продолжая разговор, они все стали применять в речах своих попрежнему блатной язык, и только из-за присутствия девушки, удерживались от сквернословия. Трудно было им - рожденным в рабстве понять сразу всю правду, всю подлинную правду - Христову правду. Не в силах они были сразу отделаться, извлечь и отбросить от себя грешную накипь, глубоко вгрызшуюся в них. Ведь они родились и всю свою жизнь варились в отравленном соку коммунистического богоборческого учения.

- А ты, что стоишь, Слеп?

Евгений Попандополос, поднимая повыше голову и из-под нависшего бинта, одним глазом, удивленно посмотрел на Ивана Семенова.

- Да, вы все в чинах, а я рядовой. Вот и стою, - отозвался Семенов, переминаясь с ноги на ногу.

Раненая рука у него была в гипсе, а здоровой от в обхват держал патефон - буржуй.

- Гля, братцы, Слеп буржуя из боя вытянул, уратовал капиталиста! Ну, не герой наш Слеп?

- Ну и Слеп! Да ты - трижды герой советского колхоза теперь! Мистер Сталин обязан за твой подвиг кучу орденов тебе прилепить! Ведь он верный теперь союзник у капиталистов - буржуев!

- Браво, Слеп! Верно, капиталиста - буржуя спас!

- Герой, Слеп! - заголосили разом ребятки.

- Ка-тил-ся бы Еська...м-да... не говоря плохого слова, подальше со своими орденами. Тут вот немцы "буржуя" у меня утянули, да, разыскал я его и отбрал у фрицев, хотя и с отломленной ручкой. Но голову ручке открутили вовсе не фрицы, а наши ребятки. Теперь опять носить "буржуя" под мышкой приходится. Ну, и компашка!

- Не горюй, Слеп. Патефону твоему буржуйскому мы новую ручку приклеем. Ты только смотри, чтобы тебе самому кто голову не открутил, а патефонной ручке - ерунда! Впрочем, и в таком случае беда не будет большая, разумеется если ты возьмешься старательно подражать обезьянам, от которых люди произошли. Я хочу сказать, прибегнешь к социалистическому труду, благодаря которого у тебя новая голова вырастит. Чай помнишь диспут с Наташкой Разведчицей?

Носик с хитрецей поглядывал на Слепа.

- Насчет головы, так это ты, Носик, даже Маркса перехлестываешь. Ежели человеку оттяпать голову, то тут не то, чтобы Маркс, но и "мудрейший из мудрых учитель"

товарищ Сталин не поможет, - запротестовал Слеп.

- Извини, Иван Иванович, насчет головы, это я на самом деле Маркса перебрехнул, но как насчет переделки?

- И переделку по Марксу полностью опроверг почтенный советский писатель. Это факт!

Слеп хлопнул забинтованной рукой по буржуйскому патефону.

- Да нет, ошибаешься ты, Слеп, нету такого советского писателя, - запротестовал Носик.

- Как так нету? А знаменитый советский писатель - восхвалитель постройки на человеческих костях Беломор-канала - Максим Горький! А?

Слеп усиленно заморгал близорукими глазами и опять хлопнул патефон забинтованной рукой

- Где, чем? - деланно-наигранно удивился Носик.

- Где, чем спрашиваешь? "Рожденные ползать - летать не могут"! - процедил Слеп и, еще сильнее заморгав глазами, продолжал: - Разве не Горький рубанул такие слова, а партия и правительство не посмели его опровергнуть. И даже нам в школе преподнесли творение знаменитого советского писателя учиться у него и назидаться. Вот вам налицо "антимарксовая, антинародная вылезка врага народа", но, однако, его не арестовали и не поломали ребра. Факт налицо! Это как? А?

- Мда-а-а, вылезка явная и остался виновный не наказанным, ты прав, Слеп.

Носик почесал горбинку на "китайском носике" и, искусно изобразив серьезность на лице, продолжал:

- Однако, мне думается, что ползучее животное такое, как, к примеру, змея все же может переделаться, скажем, в птицу, если, разумеется, усиленно начнет вихлять хвостом. Гляди от такого труда у змеи перья отрастут, просто птичий хвост вырастит.

- А как же насчет крыльев? На одном хвосте-то не полетишь, - усмехнулся Кацап.

- Мда-а-а! - задумчиво протянул Носик, - с крыльями проблема - вихлять тут нечем змеи нашей, это так.

- Человеку в таком случае легче переделаться в птицу, - вдруг провозгласил Боринька Шапошников.

- Каким это образом? - поинтересовался, лежащий на ближней койке молодой поручик.

- А вот каким!

Боринька, вскочив на ноги, отчаянно завихлял бедрами, отчего у него сильно затрясся его тучный живот, и подпрыгивая, одновременно замахал обеими руками.

- Вот, благодаря такого социалистического труда, человек определенно может переделаться в птицу.

- А, как насчет клюва, Борька? - подмаргивая покатывающимся со смеху ребятам, спросил Кацап.

- Очень даже просто! Правда, этого человека - социалиста необходимо будет при еде все время об стол мордой хлопать, пока у него клюв отрастет. Вот вам и все!

- Мда-а-а! - на этот раз протянула, все это время молчавшая, Русочка и объедая восхищенным взглядом ребяток, сказала: - Вижу, молодые люди, вам всем ой как влетело бы от советской власти за ваши насмешки над "великим учением" Маркса. Так ведь?

- Так, так, сестричка, нисколько не сомневаюсь! - звонко и четко застрочил словами Кацап, - но я верю, что советской власти все-таки придет конец, ибо русский дух рано или поздно сотрет, уничтожит в России богоборческую власть! Верьте, сестричка, - это точно!

В азиатских глазах Кацапа вспыхнули и запылали яркие огоньки.

- Да, это рано или поздно, но несомненно сбудится. Вы правы! Это точно, - подтвердила Русочка.

Х Х Х

Продолжая зорко следить за боем, Буняченко обрушил всю артиллерийскую силу дивизии на огневые позиции эсэсовцев, а также на районы скопления их частей и штаб командования. Вскоре, приведенные в действие, 36 орудий русской дивизии принудили замолчать артиллерию немцев. Ломивший сопротивление эсэсовцев, Первый полк подполковника Архипова прорвался к реке Молдаве, захватив мосты и войдя в город, бросками направил удар по центру. Второй полк подполковника Артемьева, до этого бывший в

резерве, успешно прикрывал Первый полк с юга. Третий полк подполковника Александра наседали на противника на своей участке. Чешские повстанцы дрались, как львы, рвались вперед.

Ровно в 16 часов 30 минут молодые русские и чешские офицеры подняли над Прагой русский и чешский национальные флаги. Ликующий крик многотысячной толпы потряс столицу, стоя на коленях, плакали женщины.

Столица чехов Прага была спасена ценой многих жизней, принесенной ей в жертву русскими в решительный момент!

Х Х Х

Утром 7 мая Первая дивизия хоронила своих воинов, павших на поле брани.

Густо окруженный казаками неподвижно стоял Колосов. Лицо старого казака было бледным и сурово-строгим. На нем было Золотое оружие и белый Георгиевский Крест на груди. Его волновала мысль - жив ли, увезенный в лазарет, Марк? Когда военный священник кончил отпевание, он встретился, суетливо здоровой рукой стал расстегивать мундир. Ему это плохо удавалось. Догадавшись в чем дело, один из его офицеров, стоящий рядом, помог ему достать, запрятанный на груди, маленький узелок с горстью донской казачьей земли. Один за другим бросали воины в могилу горсти земли. Крестясь, целовали, остро пахнувший

свежей сосновой смолой, могильный крест. Грянувший из многочисленных орудий салют опять потряс притихшую Прагу. При каждом залпе, крутившиеся в небе стаи кобцов, испуганно шарахались в стороны, становясь похожими на гонимые ветром сухие листья...

Убитый немецкий капитан был похоронен тут же рядом с русскими, с положенными воинскими почестями.

Х Х Х

"... Но в час полного немецкого поражения Власовская армия достигла часа славы в Праге против немцев... Власовская Первая дивизия под командой генерала Буняченко, единственная полностью вооруженная дивизия, пришла на помощь, находившимся в очень трудном положении чешским патриотам и спасла город от немецкого уничтожения. В смертельной агонии, Русская Ос-

вободительная армия смогла, таким образом, показать для истории - на чьей стороне она подлинно была."

Lyons Eugene: Our Secret Allies, Little, Brown and Co., Boston, 1953.

"Вечером 6 мая власовская Первая дивизия подошла с запада и с юго-запада к Праге.

Дивизия была с энтузиазмом встречена чешским населением. Власовских солдат засыпали цветами и одаривали подарками...

Соответственно американским корреспондентом вечерних сообщений было опубликовано в газете "Субботние вечерние сведения" -

"Прага на самом деле была освобождена, в конце концов, иностранными частями. Не союзниками, войска которых не пришли на помощь до тех пор, пока не кончилась всякая перестрелка, но 22 тысячами неизвестными русскими, одетых в немецкую форму. Вождь этих предателей был генерал Власов, в прошлом герой Красной армии".

The Saturday Evening Post, Prague four fantastic days, July 14, 1945.

Julius Epstein, Operation Keelhaul, Devin-Adair Co., 1973, Old Greenwich p.64-65

"С утра 6 мая наступление дивизии развивалось успешно. К двенадцати часам дня Первый полк подполковника Архипова, захватив мосты через реку Молдаву (Влатву) западнее Праги, вошли в город и с боями успешно продвигался к центру. В 16 часов 30 минут над центром Праги, который еще утром был в руках эсэсовцев, взвились русский и чешский национальные флаги."

В.Артемьев, Первая дивизия РОА,
Изд.СБОРН, Канада, 1974, стр.118

"Как было вскоре установлено, чешские повстанцы совместно с власовскими частями освободили Прагу раньше, чем русские (советские части К.Ч.) туда прибыли. В своей поездке к Пильзену Власова сопровождал казачий генерал Кононов, который хотел объединить казаков с Власовской армией Освобождения."

Julius Epstain, Operation Keelhaul
Devin-Adair Co, 1973, Old Greenwich
p.65-66.

7 мая в Праге заседало "Временное Чешское правительство", контролируемое начальником Главного штаба Партизанского коммунистического движения в Чехословакии, советским генералом А.Н.Асмоловым.

Ни поднявшийся на борьбу с гитлеровцами чешский народ, ни сам военный штаб восстания ничего не знали о существовании "Временного Чешского правительства". О нем знали только партизаны - коммунисты.

Власовским делегатам, посланным для связи с "Правительством" был задан ошеломляющий вопрос: - "Зачем вы пришли в Прагу?" На ответ власовских делегатов: - "Русская дивизия пришла в Прагу по просьбе чешского штаба восстания и всего чешского народа, чтобы спасти их столицу от уничтожения эсэсовцами", "Правительство" возразило, что штаб восстания это не чешский народ и не чешское правительство, что это только военное руководство, а правителем чешского народа является - "Временное Чешское правительство".

Больше того, власовским делегатам было сказано, что они наемники Гитлера и предложено тут же выйти из-под власовского командования и перейти на сторону чешских красных партизан. На заявление власовских делегатов, что власовцы борются против коммунизма, "Правительство" ответило: "Из 12 человек присутствующих членов "Правительства" 8 - коммунистов и что в помощи власовцев чешский народ не

нуждается и что советские войска маршала Конева уже подходят а Праге."

Узнав о результатах переговоров своих делегатов с "Правительством" и поняв, что представляет собой "Временное Чешское правительство", Власов приказал покинуть Прагу.

Первая дивизия Русской Освободительной армии совершила последнее, что еще могло совершить Освободительное движение народов России - спасло Прагу!

Разбитые власовцами эсэсовские части не могли больше угрожать Праге. Чтобы избежать советского плена, они повернули вспять и спешили оказаться не в советском, а в американском плену.

6 мая на улицах Праги, освобожденной власовцами, и по всей стране стали исчезать чешские национальные флаги, на их места водружались красные - коммунистические.

8 мая советское радио объявило, что войска маршала Конева подходят к Праге.

9 мая, после объявления капитуляции Германии, советские войска маршала Конева вошли в Прагу.

За боевыми советскими войсками прибыло и заработала изо всех сил советское красное гестапо - С М Е Р Ш - смерть шпионам. Тысячи чешских патриотов - националистов были отправлены в далекие советские концлагеря. На чешский народ налетела КРАСНАЯ ЧУМА.

Такая же участь постигла оккупированные советскими войсками Польшу, Венгрию, Румынию и другие страны.

С вечера 7 мая всю ночь до утра 8 мая полки Первой власовской дивизии выходили из боя, направляясь к территории, уже занятой американскими войсками.

Только после того, как генерал Буняченко узнал, что американские войска оставили свое наступление около города Пильзен, и совсем не намерены идти на Прагу, он понял, что западные союзники отдали Чехословакию Сталину. Однако, у него, как и у солдат и офицеров его дивизии, теплилась вера в то, что американцы хорошо знают почему власовцы оказались на немецкой стороне и за что боролись. Буняченко и его бойцы считали, что американцы не станут обвинять власовцев в том, что им пришлось вынуждено вести борьбу за свободу своей Родины меж двух врагов: Сталина и Гитлера.

Генерал Буняченко и его солдаты жаждали верить, что американцы окажут им помощь, защиту и уж, конечно, право на политическое убежище.

Власов встречал вышедшие из боя утомленные полки. При виде своего вождя, угрюмые, уставшие лица солдат оживлялись, появлялись улыбки и опять к ним возвращалась душевная бодрость.

Власов отвечал на приветствия своих воинов. Сопровождаемый офицерами своего штаба, он объезжал полки.

Вскоре Власов стал собираться ехать к американцам. Прощаясь, крепко обнявшись с Кононовым, Власов сказал:

- Иван Никитич, если останешься жив, скажи обо мне правду!

С такой же просьбой Власов обращался и к другим.

Автору пришлось слышать рассказ Конова о прощании с Власовом.

Х Х Х

Вскоре раненые солдаты и офицеры Первой дивизии Русской Освободительной армии были отправлены в глубокий тыл. Вначале американцы, приняв их за советских, поместили в американский военный лазарет. Это была не первая их ошибка, но разобравшись в чем дело, они переправили раненых русских воинов в лагерь военнопленных, откуда уже американское военное командование, исполняя преступный секретный договор их правительства в Ялте со Сталиным, применяя силу, партиями отправляли воинов Освободительного движения народов России в сталинские концлагеря на расстрел и муки.

X   X   X

Саркисьян, прочитав обращение генерала Миандрова к американцам, в котором русский генерал пытался объяснить американцам сущность значения Освободительного движения народов России и просил их не выдавать на муки, на сталинскую голгофу воинов Движения, обвел друзей испытывающим взглядом и спросил первого хитрого грека Евгения Попандополос:

- Что ты скажешь, Женья?

- Наш достопочтенный генерал, - почесывая свой греческий нос с горбинкой, начал Попандополос, - побужденный чувства-

ми своей честной души, предлагает американцам дружбу белой России вместо красной. Не думаю, чтобы правители Америки приняли это предложение. Насколько мне стало известно из рассказов некоторых белых эмигрантов, а по-советски - "белобандитов" и "черносотенцев", а я думаю, что эти "черносотенцы" правы в том, что правительства западных стран всегда боялись белой России, как черт ладана! А с красной у них сейчас медовый месяц. Нет, братцы, обрываться нам нужно и то поскорее. Да вот он, погляди, господин капитан, разведка вернулась!

Во внутрь лагеря под проволоку проскользнул Костя Греков, посланный Саркисьяном разузнать что происходит в других местах нахождения пленных воинов Русской Освободительной армии.

- Горим, братцы! Выдают американцы нас. Бьют нещадно и грузят на эшелоны, отправляют к Сталину. Девчата наши из Третьего полка успели оборваться и ждут нас, вот тут недалеко у леса. Обрываемся!

Греков перевел дух, тяжело дыша, глянул на "командующего"

- Под проволоку! - коротко приказал Саркисьян.

Когда "ребятки" уже были за лагерной проволокой, заметив беглецов, американский постовой солдат с криком: "Стой, стой", бегом направился к ним. Нырнув в высоко растущую траву "ребятки" направились "ускоренным темпом" в лес. За спиной у них раздавались угрожающие выкрики постового солдата. Выстрелив в воздух, он

безнадежно махнув рукой, жуя жвачку, лениво в развалку пошел обратно к своему посту. Вытащив из кармана плитку шоколада, принялся есть, равнодушно поглядывая на сидящих за проволокой русских пленников.

- Сдали мы оружие вам, доверились вам, а то бы я тебе стрельнул бы, - зло, с презрением поглядывая на американца, бросил русский лейтенант Иван Кузнецов.

- Вот они!

Русочка бросилась к друзьям, протянув руки, учащенно-взволнованно дыша, спросила:

- Куда двинимся, Ваня?

- Пока-что в лес, Лена, а потом на Родину опять в подполье, - беря ее руку и увлекая за собой, ответил "командующий".

Последним за "ребятками" пыхтя и сопя, держа раненную руку за спиной, а под здоровой рукой патефон - буржуй, тащился Ванька-Слеп. Когда же "ребятки" сделали привал, усевшись в кружок на лужайке, Борис Шапашников удивленно заблывав глазами, воскликнул:

- Тю! Глянти-ка, братцы, Слеп опять капиталиста уратовал!

- Я-то капиталиста уратовал, да капиталисты предателями оказались, - учащенно заморгав близоруками глазами, пробасил Слеп. - А мы-то так крепко и так долго в них верили, - добавил он.

- Свое духовное банкротство они нам продемонстрировали, - меняясь в лице от гнева, сказал Саркиньян.

- Демократами себя называют. Ну, и де-мо-кра-ти-я! - сдвинув брови, процедил Борис Шапашников.

- Демократия оказывается блесит только сверху, - определила Русочка.

- Ну, так кого же теперь народ наш будет встречать с цветами и хлебом с солью - нацистов или демократов? - с сарказмом проговорил Греков.

- Никогда это больше не слу-чит-ся! - сверкая изсине-черными, бархатными глазами, - сказал Саркисьян, - Придет время и наш народ сам справится с коммунистами без вмешательства в дела России фашистов и демократов, - добавил он.

Х Х Х

Этим же днем, вечером до наступления темноты, на Воронцовском бульваре в Таганроге, на чугунных пушках Петра Великого сидела гурьба ребятишек.

- Мой папка артеллерист, он фашистов из пушек громил, - сказал один мальчуган.

- А мой папка танкист, он русским танком много фашистских танкой побил, - сказал другой.

А третий толстоватый-крупноватый мальчуган, с "приставкой" Пузырь, насупившись, раздувая пунцовые щеки, сказал:

- А мой папка пехотинец, он русским штыком много, много врагов России поколол!

- А мой папка говорит, что враги хотели у нас нашу Россию забрать, - глядя куда-то вдаль, в морскую пучину, задумчиво проговорила белобрысая курносенькая с косичками девчушка.

И вдруг гневно сверкнув голубыми глазами, предупредительно серьезно погрозила пальчиком в сторону Запада, а Пузырь, сердито насупившись, погрозил кулаком в том же направлении.

Когда совсем стемнело и ребятишки веселой гурьбой побежали к своим хатенкам, нагоняя черные тучи, подула "низовка" - южный ветер. Вскоре с сильным треском, раскатисто прогремел гром, а ярко сверкнувшая молния, осветила, грозящие всем врагам России, пушки русского царя Петра Великого...

Х Х Х

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА МЕАНДРОВА

В начале мая 1945 года Офицерская школа РОА, которой командовал генерал М.А. Меандров, двигалась походным порядком на Прагу. После капитуляции Третьего Рейха (9 мая), узнав об участии Первой дивизии РОА в пражском восстании против немцев, а затем о занятии Праги советскими войсками, ген. Меандров спешно перевел школу в Чешский Крумлов и сдался американцам.

Поскольку война окончилась, ген. Меандров, который был не только начальником Офицерской школы, но и подпольным руководителем находившейся в ней группы курсантов-членов НТС; решил, что теперь следует переходить к политическим действиям и что для этого необходимо наладить связь с руководством НТС. Он вызвал двух членов НТС и распорядился отправиться на поиски руководства НТС.

Идея ген. Меандрова, которую он просил изложить руководству НТС, заключалась в следующем: служащим РОА бежать из американского и английского плена не следует. Впервые после гражданской войны русским удалось создать вооруженный кулак для борьбы против большевиков и надо положить все усилия, чтобы его сохранить, пусть даже в плену. Американцы и англичане — народы культурные и цивилизованные, и он Меандров, исключает возможность насильственной выдачи власовцев Сталину.

Более того, союз демократов американцев и англичан с диктатором Сталиным - противоестествен и не может не закончиться конфликтом в обозримое время. Руководство НТС должно разъяснить западным союзникам, что собою представляет РОА и что его контакты с немцами были продиктованы создавшейся обстановкой ("были бы вместо них французы, мы бы пытались получить помощь от французов"), и что в будущем неизбежном конфликте союзников с большевиками РОА сможет сыграть решающую роль.

Ответ НТС, изложенный курьеру Председателем НТС Байдалаковым, который тогда находился в Фюссене, был короток: немедленно возвращайся и скажи Меандрову, что союзники его планов осуществлять не будут, что будут насильно выдавать людей Сталину. Пусть, пока возможно, разбегаются, переодеваются, скрываются.

Передать это сообщение удалось не сразу, поскольку власовские части из Чехословакии были уже перевезены в лагерь в Баварию. Но и оттуда можно было бежать, хотя и не так легко. Ген. Меандрову в лагерь передали гражданскую одежду. Однако, уходить он не захотел. И публикуемое ниже письмо - это ответ не только на запросы его друзей и бывших подчиненных, но и как члена НТС - руководству организации.

"Почему я не убегаю из американского лагеря для военнопленных?

Этот вопрос неоднократно задавали мне многие, и я решил обстоятельно на него ответить.

Еще до окончания войны наши войска добровольно перешли на сторону американских войск. Мы верили, что великая демократическая нация в лице американского командования даст нам политический приют. Мы вверили свою судьбу американцам, и, я полагаю, надо быть последовательным и добиться благоприятного решения вопроса о нашей судьбе. Еще могут возразить, что прошло уже больше восьми месяцев, и наша судьба не решена. Более того, были случаи насильственной репатриации. Да, единичные случаи были, но общего решения о русских невозвращенцах еще нет. Его нужно ждать. Долго ли? Не знаю, но глубоко убежден, что спокойствие, выдержка, организованность нам помогут больше, нежели индивидуальные попытки побегов из лагерей и нелегальная жизнь на свободе. Наоборот, это ухудшит судьбу многих. Медленное разрешение нашей судьбы является следствием нашей вины. Они не смогли поставить в известность правительства и общественность демократических стран о нашем политическом движении, зародившемся в стране врага. Если бы о нас знали, хотя бы в период Ялтинской конференции, ее решения о репатриации, вероятно, были бы иными. Чтобы правильно решить нашу судьбу, необходимо глубоко и всесторонне изучить наше движение и нас самих. Поверхностное и формальное решение было бы ошибочным и, следовательно, ро-

ковым для нас.

Наше политическое движение стремилось дать нашему народу ту социальную справедливость, ту правду народную, к которой извечно стремился наш многострадальный народ. Он боролся за нее и в период княжеских междоусобиц, во время монгольского ига, и в Смутное время, и при крепостном праве. Ознакомьтесь с русским эпосом и фольклором, и вы услышите в былинах, сказаниях и сказаках, в поговорках, в пословицах и песнях народных тяжесть судьбы народной и стремление найти выход в победе правды над кривдой.

Наше движение зародилось стихийно. Тысячи и десятки тысяч людей, без всякого руководства, движимые собственным сознанием неправды своего бытия, выступили на борьбу против власти, которую они считали не народной, несправедливой.

Если нас можно обвинять, то разве в том, что мы поздно, слишком поздно, приступили к организации этого стихийного народного протеста. Им воспользовались немцы в своих захватнических целях, и русский народ без руководства, слепо, обманутый лозунгами германской пропаганды, проливал братскую кровь. Мало, очень мало вырвали мы из рук немцев русских людей, позволили им обманывать их.

Я сделал это отступление от поставленного мною вопроса для того, чтобы подчеркнуть исторические традиции

борьбы русского народа за правду, и стихийность, доподлинно народный характер нашего движения. В то же самое время это свидетельствует о том, что мы не изменники Родины, а участники политического движения за лучшее будущее русского народа.

Из-под стражи бегут люди, осужденные или боящиеся правосудия. За нами же нет вины, и мы готовы выступить перед правосудием доподлинно демократических стран. И мы будем оправданы. Нужно ли в этих условиях бежать из лагеря и скрываться от законного преследования американской полиции? Конечно, нет.

Я полагаю, что своим побегом я добьюсь только обратного. Я докажу, что считаю себя виновным и бегу от наказания.

Представьте себе, что могло получиться, если бы все солдаты и офицеры РОА разбежались из лагерей. Специальными полицейскими мерами они рано или поздно были бы возвращены в лагеря с более строгим режимом. При этом пострадали бы и те, кто сейчас на свободе, законно пользуется ею. На всех нас, русских, стали бы смотреть, как на преступников. Положение было бы более, чем трагическим.

Представьте себе, что убежали бы в основном офицеры и в первую очередь старших и высших должностей. Как реагировали бы на это солдаты? Они бы сказали: "Нас бросили на произвол

судьбы. Руководители убежали спасать свою жизнь. Выхода нет ни тут и ни там." Решения их были бы различными, но все они для нас и для нашего движения были бы позорными. И этот позор заклеил бы тех, кто в тяжелую минуту бросил своих подчиненных.

Наше движение постигла наудача. Мы не собираемся продолжать борьбу, но мы обязаны выйти из этой борьбы с честью. Это наш святой долг. Выход должен быть честный, правдивый, какими были и наши идеи.

Я жду с твердой надеждой, что наша судьба разрешится в конце концов благополучно для нас. Но если эти надежды не оправдаются, я предпочту достойно умереть за нашу идею, которая будет жить в нашем народе и, глубоко верю - победит.

Я, как и большинство, честно служил русскому народу. Это обязывает быть честным до конца.

Я надеюсь, что многие поймут меня правильно.

Подписано: Меандров.

Перепечатано из журнала Посев №8, 1986 года.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Г О Л Г О Ф А

Часть четвертая

"И будете ненавидимы всеми за имя Мое..."

Ев. от Марка, Гл.13, ст.13

"Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня."

Ев. от Матфея Гл.5, ст.11

"Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас..."

Ев. от Матфея Гл.24, ст.9

"Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах..."

Ев. от Матфея Гл.5, ст.12

Власов по прибытии к американцам вначале был принят за советского генерала, но когда недоразумение было выяснено, то на другой день его принял американский генерал. Он сказал Власову, что он не может дать никакой гарантии, что войска Власова не будут выданы советским властям, но обещал взять Первую дивизию в американский плен. Дивизия находилась за американской линией, куда каждый час ожидался приход советских войск.

После разговора с американским генералом, Власов вернулся на отведенную ему квартиру. Вскоре явился американский офицер и сказал, что Первая русская дивизия прибыла в Шлюсселбург. Офицер сказал, что американский генерал разрешает Власову посетить дивизию.

"... Когда Власов садился в машину, его узнали прохожие. Для чехов он был еще героем, который освободил Прагу. Быстро собравшаяся толпа окружила автомобиль. Послышались приветственные крики, какая-то женщина бросила в машину цветы. Власов молча смотрел на толпу, отдавая себе отчет в трагикомизме этой авации. Американцы сначала смотрели с недоумением, ничего не понимая, потом оттеснили толпу и поспешили отправить Власова."

S. Steenberg, Wlassow, Verlag Wissenschaft und Politik, 1968 s. 219

Поздно вечером Власов прибыл в Шлюс-сельбург. Его принял комендант города капитан Донахю.

"... В передней дома их уже ожидал американский капитан. Он поднялся, когда в комнату, сгибая голову при проходе через низкие двери, вошел Власов. Капитан был очень молод, он пошел навстречу к Власову и тоном, в котором звучали нотки детского превосходства и полного непонимания, сказал: - Well, господин генерал, теперь для вас все закончено. К сожалению, вы напрасно меняли ваших хозяев и взобрались на ошибочную лошадь! Власов посмотрел на капитана взглядом, в котором не было ни удивления, ни обиды, ни презрения. В нем светилоась тихая доброта человека, понимающего непонимание другого.

- Капитан, - сказал Власов.

Его голос, казалось, долетал изда-лека - усталый, доброжелательный и мягкий.

- Всю мою жизнь я служил только одному господину.

На лице американца отразилось удивление.

- И это был? - спросил он с мальчишеским задором.

Еще глуше прозвучал голос Власова:

- Русский народ, мой мальчик!

Капитан вспыхнул. Казалось, что он хотел что-то ответить, но ка-

кая-то ему непонятная сила скова-
ла его дерзкий язык.
Он поднял голову и посмотрел пря-
мо в глаза этому великану, перед
которым он сам чувствовал себе та-
ким маленьким. Уже совсем иным то-
ном он попросил генерала Власова
сесть. После этого он начал допрос.
Переводчик переводил. Прошли часы
в этом разговоре. Возможно, что
сама судьба выбрала именно этого
американского юношу. Его любозна-
тельность выходила за рамки необ-
ходимого допроса, что дало воз-
можность Власову забыть о всей тра-
гичности положения. Он оживился и,
забыв перед кем он сидит, поясняя
свой путь и свои цели, стараясь
сделать их ясным новому человеку
с Запада. Этот для нас неизвест-
ный американский капитан был по-
следним человеком, которого прив-
лек к себе и победил Власов, нахо-
дясь на пороге мучительной смерти.
Когда допрос окончился, капитан,
смущенно прощаясь, сказал, что
часть этого дома занята советски-
ми партизанами, которые были сбро-
шены в этот район на парашютах,
но что он предпримет все шаги,
чтобы они не захватили Власова.
Молодой капитан с каким-то прояс-
нившимся лицом, твердо исполнял
свое слово."

Jurgen Thorwald, Wen sie verderben
wollen, Steingruben-Verlag, Stutt-
gart, 1952.

На следующий день Власов узнал, что Первая дивизия стоит в шести километров севернее Шлюссельбурга и уже по приказу американского командования разоружена. Однако, дивизия считала себя интернированной американцами.

Капитан Донахю сообщил, что район, где находятся американские войска, и где стоит Первая дивизия Власова, вечером на следующий день должен быть передан советским войскам, что к великому сожалению у него нет разрешения пропустить дивизию в американскую оккупационную зону. Донахю предложил Власову отправиться с транспортом англичан, освобожденных из плена, в английскую зону и связаться там с высшим английским штабом. Власов отклонил это предложение и поехал сам в Первую дивизию. Генерал Буняченко рассказал ему о судьбе Трухина и других генералов Освободительного движения. Потрясенный сообщением, он вернулся во дворец Льянарж.

"... Капитан Донахю встретил его известием, что штаб армии запросил находится ли Власов в Шлюссельбурге.

- Находитесь ли вы здесь? - спросил он.

Власов понял, что этот храбрый офицер и теперь еще дает ему возможность бежать. Но он снова отклонил это предложение.

- Я здесь, - ответил он и пожал ему руку.

S.Steenberg, Wlassow, Verlag Wissenschaft und Politik, 1968, s.220.

Этой ночью Власов написал меморандум, в котором конкретно изложил, что руководители Освободительного движения народов России безоговорочно готовы предстать перед международным судом, но что выдача их советским властям, где они будут, несомненно, расстреляны, противоречит всякому международному праву, ибо вопрос об Освободительном движении не может рассматриваться по военному праву, так как дело касается не добровольцев, как таковых, служивших на немецкой стороне, но общероссийской организации.

Капитан Донахю немедленно передал весь текст меморандума по радио, но эта акция не могла отменить решения преступного Ялтинского соглашения.

Власов был еще больше удручен, когда Донахю, внутренне тяжело скорбя, сообщил ему, что американский главнокомандующий не может пропустить русскую дивизию на американскую зону и принять ее в американский плен, но советует пробиваться частями дивизии в неорганизованном порядке, малыми группами, в американскую зону — на это нет запрета. Донахю сказал также, что он имеет приказ доставить Власова в штаб американского командования. Когда с большим трудом Буняченко, наконец, был допущен к Власову во дворец Льянарж, Власов сообщил ему о решении американцев. Ничего не оставалось делать, как только распустить дивизию и стараться, как посоветовал американский капитан Донахю, просачиваться в неорганизованном порядке. Буняченко вернулся в дивизию.

Ввиду того, что вблизи расположения Первой дивизии уже стали появляться советские танки, штаб дивизии покинул деревню Хвошдианы и переместился в ближайший лес. Буняченко вызвал к себе своих командиров.

Советская 162 танковая бригада подошла и расположилась всего в трех километрах. Положение для русской дивизии стало критическим. Буняченко ожидал каждую минуту захвата его безоруженной дивизии советской танковой бригадой полковника Мищенко. Но случилось так, что командир Второго полка дивизии, подполковник Артемьев, только со своим шофером и одним солдатом, разыскивая Буняченко, неожиданно очутился перед заставой бригады Мищенко. Артемьев предпринял отчаянный шаг: — он сказал советским часовым, что прибыл по поручению генерала Власова для переговоров с полковником Мищенко. Когда его доставили к Мищенко, он доложил советскому полковнику, что он приехал по поручению Власова договориться с советским командованием о сдаче в организованном порядке Первой дивизии РОА советским войскам. Мищенко не знал, что двадцатитысячная русская дивизия уже разоружена американцами и был очень обрадован сообщением Артемьева. Он сказал ему, что его бригада только что прибыла, он сейчас занят и просит подождать Артемьева, чтобы иметь время договориться о подробностях перехода русской дивизии на советскую сторону. Артемьев сказал, что его долгое отсутствие может вызвать недоразумение у Власова, а потому лучше будет, если он

сейчас вернется в дивизию и придет обратно позднее. Поверив ему, Мищенко охотно согласился.

"Благодарение Богу! Чудо-спасения... Ехали молча, не проронив ни слова в вечерней сумеречной полутьме. Молча поглядывали друг на друга, понимая мысли без слов, не веря счастливому исходу... А может быть, здесь кроется какой-нибудь подвох? Нет! Они определенно боятся столкновений. Война кончена, каждому хочется остаться живым. Так же, как и мне самому. Нет, подвоха не может! Быстрее в полк!..

В.П.Артемьев, Первая дивизия РОА,
Изд. СБОРН, Канада, 1974, стр.137

Разыскав Буняченко, Артемьев рассказал все о случившемся. Буняченко велел ехать Артемьеву обратно к Мищенко и стараться выиграть время - задержать "переговорами", как можно дольше, в неведении происходившего, советского полковника Мищенко. Артемьев умело и удачно выполнил задание генерала Буняченко.

Когда советская танковая бригада Мищенко с полковым оркестром подошла к американской линии, чтобы с церимонией "принять в свои ряды" русскую дивизию, которая должна была по "договору" также сдать оружие, она наткнулась на танковый заслон американцев, а за американской линией виднелись лишь спины, уходивших на запад солдат и офицеров Первой русской дивизии РОА.

Но не всем воинам русской дивизии удалось "просочиться" через американскую линию. Несколько тысяч не успели это сделать и попали в советский плен. Многие красные чешские партизаны выловили в лесах и доставили полковнику Мищенко. Страшные дела рассказывали власовцы, побывавшие в то время на советской стороне, которым каким-то чудом удалось бежать и пробиться в Западную Германию. Расправа, которая была учинена над многими солдатами и офицерами Первой дивизии была поистине чудовищной. Все, независимо от того, добровольно ли они перешли или были захвачены силой, разделили одинаковую участь. Вот что рассказывают очевидцы:

"В последнюю ночь, накануне роспуска Первой дивизии, на сторону советских войск перешел офицер с группой своих солдат. Их водворили вместе со всеми ранее захваченными, кроме офицера, которого оставили в штабе. На другой день, рано утром всем власовцам приказали построиться. Их было более тысячи человек. Перешедший накануне офицер был приведен к построившимся в сопровождении группы советских офицеров. Он был одет в советскую форму с погонями капитана. Лицо его было бледным. Он с трудом сдерживал свое волнение и должен был произнести речь. После некоторого колебания, он громко надрывным голосом объявил:
- Меня сейчас застрелят! Спасайтесь!

Больше ничего сказать он не успел. Раздались несколько выстрелов. Офицер повалился на землю. Стоявшие в строю власовцы шарахнулись в разные стороны. Несколько столпившихся групп, боясь пошевелиться, с ужасом смотрели на происходившее. По убегающим был открыт пулеметный огонь, из скрыто стоявших вокруг лужайки, в кустах танков. Несколько очередей было дано и по стоявшим без движения, толпе. Люди падали на землю, молили о пощаде. По ним продолжали стрелять...

В течение двух суток власовцы под сильной охраной содержались недалеко от Шлюссельбурга. Их почти не кормили, отобрали все более или менее ценные вещи, вплоть до нагрудных золотых крестиков, часов, бумажников с деньгами, зажигалок, даже обувь, если она была хорошей, снимали с ног. Люди оставались босыми. Больных и раненых, захваченных в санитарных автомобилях, лишали лечения и выбрасывали прямо на землю, вместе со всеми остальными. Попавшие с дивизионным лазаретом, женщины-врачи, медицинские сестры, обслуживающий персонал, жены офицеров подвергались оскорблениям и насилению."

В.Артемьев, Первая дивизия РОА,
Изд. СБОРН, Канада, 1974, стр.155

Описывая дальнейшие ужасы, командир Второго полка Первой русской дивизии РОА, подполковник В.П.Артемов, вспоминая "переговоры", которые он вел с советским полковником Мищенко в качестве "паламентера" Власова пишет:

"Командир 162 танковой бригады полковник Н.П.Мищенко на деле показал цену своим лицемерным заверениям, призывая Первую дивизию к переходу на советскую сторону. - "Вас ждет Родина-мать и полное прощение..." С присущим ему двухличием и холодным равнодушием, попрал он свою гарантию, о гуманном отношении и о сохранении жизни солдатам и офицерам Первой дивизии..."

Помните ли вы все это, полковник Мищенко?"

Там же, стр 157,158.

Власов и генерал Буняченко, сопровождаемые небольшой группой американских солдат и нескольких своих офицеров, по дороге в штаб американской армии, неожиданно были окружены со всех сторон большой группой советских офицеров и солдат во главе с комиссаром Якушиным, которые были специально назначены для захвата Власова.

Советские машины уже с раннего утра дежурили возле замка. Один офицер в форме власовца подвел Якушина к машине Власова. Шофер Власова выхватил пистолет с явным намерением стрелять, но Власов удержал его

руку. Американские солдаты с недоумением и интересом смотрели, что происходит среди русских: одни русские имели на головных уборах русские национальные кокарды, другие - красные звезды. Но для американских солдат они были просто все русские, между которых завязался непонятный и, конечно, совсем неволнующий американцев, спор. Американцы продолжали, не вмешиваясь в спор, спокойно наблюдать происходившее. Комиссар Якушев, видя, что американцы не станут ему противодействовать, направил на Власова автомат. Власов спокойно сказал:

- Ну, что ж, стреляйте!

Ввязываться в бой с большой группой советских офицеров и солдат несколькими власовским офицерам было безрассудно.

"В этот момент между ними бросилась молодая сестра милосердия.

- Нет! - кричала она, - не стреляйте!

Власов осторожно отодвинул ее в сторону. Якушев злобно сказал:

- Не я, а товарищ Сталин будет вас судить!"

S.Steenberg, Wlassow, Verlag Wissenschaft und Politik, 1968, s.225

В это время машина с власовскими офицерами развернулась и быстро помчалась обратно в замок Льнарж - они поняли, что теперь спасти Власова от захвата советчиками может только американский капитан Донахю. Комиссар Якушев, не отводя автомата, сказал Власову, что он арестован и требо-

вал безоговорочно подчиниться и сесть в его машину.

Оставшийся при Власове только один его переводчик Ресслер знал, что помчавшиеся власовские офицеры обратно в замок, каждую минуту должны вернуться и, несомненно, с ними приедет капитан Донахю и спасет Власова, старался выиграть время. Он с отчаянием пытался уговорить американских солдат вмешаться в спор и не дать советскому комиссару увести Власова. Но американские солдаты стояли и хладнокровно продолжали наблюдать происходивший, непонятный им, спор между русскими. Пылкая речь Ресслера была тщетной.

"Только Власов один стоял рядом с Якушиным. Он обернулся к Ресслеру и вопросительно посмотрел на него. У Ресслера, как раз думавшего о том, не бежать ли ему самому, поскольку он не может помочь Власову, выступили слезы на глазах. Вот здесь стоит человек, значивший так много для миллионов русских, совершенно один в решительный час. Он подошел к нему и они оба сели в машину Якушина. Они перегнали сестру, в слезах бежавшую вдоль дороги, проехали мимо дворца, через деревни, в которых братались советские и американские солдаты... Ресслер был простым человеком. Перед войной, как "фольксдойче", он приехал в Германию из Советского Союза. Он следовал теперь сво-

ему чувству сочувствия и порядочности. Это обошлось ему в 10 лет плена. Только в 1955 году его отпустили в Германию.

Там же стр.225

Когда приехавшие власовцы офицеры в замок Лънарж сообщили капитану Донахию о случившемся, он прыгнул в машину и помчался к месту, где произошла великая трагедия, но уже было поздно - советские машины уже умчались, увозя с собой Власова и Буняченко в советскую оккупационную зону...

Начальник штаба Вооруженных сил КОНР генерал Трухин был схвачен чешскими красными партизанами на пути к месту нахождения Первой дивизии РОА и выдан советам. Находившихся при нем генералов Зоярского и Шаповалова, пытавшихся оказать сопротивление, красные чешские партизаны расстреляли.

Если бы Власов и другие, вышеупомянутые генералы, не были бы схвачены советчиками и чехами - коммунистами, все равно они были бы выданы американцами согласно договору между Сталиным, Рузвельтом и Черчилем на Ялтинской конференции.

В апреле 1946 года был выдан Советам генерал-майор Меандров. Он перерезал себе горло. Рана оказалась не смертельной, его вылечили и выдали. В этом же месяце выдали генералов Севостьянова и Айсберга. В мае месяце этого же года выдали генерала Мальцева, а в июне генералов Малышкина и Жиленкова...

Разоруженные части РОА по приказу американцев не могли сопротивляться — их всех насильно выдали. Насильственная выдача участников Освободительного движения привела к несказуемым ужасам. Насильственной репатриации подлежали не только участники Движения, но и вообще все советские граждане: попали они на немецкую сторону добровольно или были принудительно привезены немцами для работ в Германии. Насильственной репатриации также подлежали все те советские военнопленные, которые не желали возвращаться в Советский Союз добровольно. Советские палачи требовали от своих союзников выдачи им до единого человека! Они боялись, что вырвавшиеся на свободу люди из советского рабства расскажут свободному миру об ужасной правде коммунизма.

В лагерях Кемтен, Дахау, Платлинг и многих других местах, где находились россияне, нежелавшие добровольно возвращаться в советское рабство, разыгралась трагедия насильственной выдачи. Молившихся людей вытаскивали из церквей, избивали палками, грузили полуживыми в грузовики и мчали в советское рабство — на великие мучения, на медленную страшную смерть... Массовая выдача продолжалась в течение целого года. Выдача отдельных личностей и похищение их советскими агентами продолжалась еще долго после выдачи.

"... Меандров и другие русские офицеры обращались с письмами к правительствам западных держав, к Папе, к Международному Красному

Кресту, но они не получили никакого ответа.

Выдача продолжалась. 12 августа 1945 года в Кемптене в русском лагере была произведена выдача в церкви во время богослужения. Были раненые. Церковь была разрушена."

Б.М.Кузнецов, В угоду Сталину,
Изд. Военный Вестник, Нью Йорк, стр.6

24 февраля 1946 года была произведена выдача 2.000 власовцев из лагеря Платтлинг. Три батальона и 6 танков Американской армии приняли участие в том, чтобы выдать 2.000 безоруженных русских их палачам. Они жестоко сопротивлялись своей участи. Многие перерезали себе вены, закалывали себя, вешались...

Сначала раненых относили в лазарет, но когда увидели, что их десятки и сотни, то живые раненые, умирающие и мертвые грузились в автомашины.

С бешеной скоростью грузовики гнали на вокзал, прямо к платформам, где ожидали длинные ряды зарешетчатых вагонов. Две тысячи русских офицеров и солдат были отправлены в Советский Союз. Вся акция продолжалась 12 часов. Союзники Сталина знали свое дело! Но не только из Германии - из Италии, Франции, Дании, Норвегии и даже из Швеции и Соединенных Штатов - русских выдавали против их желания, Советскому Союзу.

Сколько их было всего - никогда не станет известно... В конце войны Главное

германское командование сообщило о 700.000 добровольцев - 600.000 в армии, 50.000 в воздушном флоте и 15.000 в морском. Фактически было больше. потому что многие немецкие командиры не докладывали о своих "ХИВИ".

К ним надо прибавить сотни тысяч мужчин, женщин и детей, добровольно отправившихся на Запад во время германского отступления, спасаясь от Сталина. К этому надо еще прибавить военнопленных и увезенных в Германию "остарбайторов". Всего было репатрировано 6-7 миллионов. Нет никаких статических данных о том, кто из них возвратился добровольно и сколько осталось бы на Западе, если бы это было возможно - дозволено.

Несколько тысяч избежало выдачи, потому что офицеры союзников наперекор официальным приказам, помогали и укрывали их."

Там же.

"О выдачах из Дании сообщают:
Н.Ребиков, Дневники офицера Ост-батальона 28, 1942-45. - Неопубликованная рукопись.
Журнал Борьба, Выдачи из Дании, русский язык, №7/2 1950.
О выдачах из Швеции - Балтише Брифе, Апрель 1964. - "... и нас охватил ужас".
ОКВ/ВФС/ Орг. отдел /X/ №2085/45,
20 мая 1945 г. срвн. А.Даллин тоже стр.674.

S.Steenberg, Wlassow, Verlag Wis-senechaft und Politik, 1968.

Касаясь насильственной репатриации участников Освободительного движения народов России и вообще подсоветских людей, попавших разными путями на сторону немцев, протопресвитер о.Александр Киселев в его книге Облик Генерала Власова ссылается на неопровержимые факты, описанные в книге американского профессора J.Epstein - Operation Keehaul.

"Книга Эпштейна" - замечает он, - "особенно богата потрясающими фактами, вскрывающими торговлю живыми людьми".

"Договор союзников определять личность пленного по надетому на нем мундиру, полностью игнорировался по отношению к власовцам - немецкая форма, и полностью соблюдался по отношению к немецким гражданам, носившим английский или американский мундир".

"... Власовские солдаты, также как и несчетные тысячи русских солдат, которые официально не принадлежали армии ген. Власова, сдались в плен американцам - меньше англичанам и французам по ясному и определенному приглашению Запада. Это приглашение - сдаваться в плен американцам, например, было сделано при помощи миллионов американских листовок, сброшенных на западных территориях всей Германии.

Приблизительно 90% всех пленных, взятых на Западе, имели при себе эти союзные листовки. Это не удивительно, так как приблизительно

шесть миллиардов листовок было сброшено на европейский континент с аэропланов, имеющих свои базы в Англии, с 3 сентября 1939 до безусловной капитуляции Германии 7 мая 1945. Большая часть этих листовок приглашала противников, включая власовских и не власовских советских, сдать Запад, который торжественно обещал хорошее отношение с Гаагской и Женевской конвенциями.

J. Epstein, Operation Keelhaul, The Devin-Adair Co., Old Greenwich, 1973. pp. 27, 28.

"Следовательно, очевидно, что официальный доклад о листовках, представленный ген. Мак Клюр - бр. ген. Роберт Мак Клюр, глава Отделения Психологической войны, искажал правду. Он не упоминал тот факт, что в июне 1944 года ген. Айзенхауер уже начал американскую акцию Килевания, в то время, как Отделение Психологической войны ген. Мак Клюр продолжало сбрасывать миллионы листовок, опровергая немецкое утверждение что США будут насильственно выдавать советских подданных."

Там же, стр 29.

"В результате этого из США были выданы все 28.000, взятых в плен при высадке в Европе. Из Англии в октябре

1944 года любезно доставлено в Мурманск 10.000 человек."

N.Bethell, The Last Secret, Basic Books, New York, 1974. p.23.

"Секретный договор Англии с Советским Союзом."

J.Epstein, pp.28-30.

"Администрация президента Рузвельта предпочла "Великого Союзника" - Великому Принципу свободы личности".

Там же, стр.197

"National Cemetery at Salem"

Там же стр.80-81.

"На кладбище в штате Нью Джерси", - замечает о.Александр, - "есть могилы, покончивших с собой в Форт Дикс русских военнопленных. Это, наверно, одни из тех многих тысяч, которые сдавались американцам с американской листовкой, гарантирующей их невыдачу в руки Сталина."

У того же Эпштейна подробно описана судьба тех, кто доверился американскому обещанию. Следует сказать - не судьба, а трагедия, неслыханное бесчеловечье, которое несмываемым пятном останется в истории США. Этих советских военнопленных первоначально хотели погрузить на советский пароход в Сетатле, штат Вашингтон. После их кровавого сопротивления, пытались вторично, уже в Форт Дикс, Нью Джерси, предварительно одурманив газами, опять погрузить. Придя в себя

несчастные разгромили машинное отделение парохода и тем лишили его возможности двигаться. Их взяли обратно в Форт Дикс.

Некоторое время спустя был изобретен замечательный способ их "хозяевами": в кофе всему лагерю было подмешано очень сильное снотворное и их бесчувственных, как дрова, погрузили на пароход.

Все это процветало при наличии Женевской конвенции и уживалось, как двуликий Янус: написанное на бумаге и действительность.

"Женевская конвенция, которая оставалась в силе со времени второй мировой войны и не предусматривает возможности насильственной репатриации. Дух ее выражен в §2 - "Военнопленные должны во всякое время иметь к себе отношение человеческое и должны быть защищены, особенно от актов насилия, от оскорблений и прездного любопытства. Меры репрессии против них запрещены.""

J.Epstein, Operation Keelhaul, The Devin-Adair co., Old Greenwich, 1973. p.13.

"Но, может быть, за все такие действия" - спрашивает о.Александр, - "несут ответственность только местные власти, действовавшие без ведома администрации?"

К сожалению, вряд ли!

Обратимся к книге ген. Джона Дин, возглавлявшего с октября 1943 года по октябрь 1945 американскую миссию в Советском Союзе,

имеющую своей целью создать более тесную координацию военных и политических действий США и СССР. Вряд ли можно усомниться, что столь высокопоставленное лицо могло быть не осведомлено о проблемах русских военнопленных. Генерал Дин сам писал:

"... русские, взятые в немецкой форме, почти без исключения протестовали против возвращения их в советские руки из-за боязни жестокой кары."

J.Deane, The Strange Alliance, The Viking Press, N.Y., 1947. p.137

Однако же, этот генерал на Ялтинской конференции союзников в феврале 1945 года подписал, как представитель США, договор с Советским Союзом - документ, излагающий правила репатриации.

"Кого после этого", - спрашивает о. Александр, - "следует клеймить, ставшим позорным словом "коллаборант" - власовцев или западные демократии? Или коллаборирование с кровавым коммунизмом - добродетель, а с кровавым нацизмом - смертный грех?"

Шила в мешке не утаишь - говорит пословица. Проходят годы и тайное становится явным. Краснеть, не говорю уже о большем, в наше время люди разучились..."

Однако, факты остаются для истории. Вот, для примера, два из них, документально подтвержденные почтенным английским лордом Н. Веттелл, автором книги "Последняя тайна". Гиммлер, обращаясь к генералам СС, 4 октября 1943 года, сказал:

"Что будет с русскими или чехами ме-

ня совершенно не интересуется... Если 10.000 русских баб издохнут от изнеможения, копая антитанковую канаву, то это будет меня интересовать лишь только в смысле того - закончена ли эта канава, нужная Германии или нет."

N.Bethell, The Last Secret, Basic Books, N.Y., 1974, p.70

Р.Дж.Григг - английский военный министр, в августе 1944 года писал Антони Идену - министру иностранных дел, о стоящей перед британским кабинетом министров дилеммой: - удовлетворить требования Сталина и выдать русских, попавших к англичанам в Нормандии:

"... выдать на верную смерть или не выдать их и тем рисковать задержкой с возвращением и возможными трудностями для пленных англо-американцев, попавших в руки Советов на территории Германии и Польши? При выборе между трудностями для наших солдат и смертью для русских - наш выбор прост!"

Там же, стр 10.

"По прочтении этих цитат", - отмечает о. Александр, - "вряд ли нужно, имеющему совесть читателю, помогать делать вывод."

Чем, однако, можно объяснить такое недостойное поведение союзников?

"Британская боязнь советского "возмездия", которое, как мы увидим, полностью разделялась американцами,

была основана на том факте, что тысячи немецких беженцев против гитлеровского Третьего Рейха, в британских и американских рядах. Обе страны опасались, что эти немецкие граждане, попав в немецкий плен в британской или американской форме, будучи позднее освобожденными Красной армией, будут рассматриваться Советами, не судя по их мундирам, не как британцы или американцы, но как немцы. В таком случае, Советы, не придав значения мундирам, могли бы послать их, как "немецких" пленных в те сибирские рабские лагеря, в которых так многим немецким военнопленным пришлось томиться более 10 лет."

J.Epstein, Operation Keelhaul, The Devin-Adair co., Old Greenwich, 1973. p.31.

"Так за чужое благополучие", - замечает о.Александр, - "платили русскими головами и американской совестью!"

Можно ли допустить мысль, что официальные союзники Сталина были неофициальными союзниками Власова, союзниками идеи свободной России, России без коммунизма, расизма, капитализма?

Есть ли друзья у идеи русской самостоятельности?

"Россия - наша, прошлое России - наше, будущее России - тоже наше" - или принятие этой идеи - смертельный приговор принявшую

ее", - спрашивает о.Александр и тут же отвечает: - "Конечно, есть! Есть и среди американцев и англичан, как и среди самых подсоветских людей."

Ниже мы приводим один из таких поразительных случаев, о которых не часто приходится слышать. Это, однако, не значит, что подобные явления столь же редки, сколь редко они получают огласку, становятся нам известны.

"После страшных лет "ежовщины" я больше не верил, что в Советском Союзе может существовать какая-либо подпольная организация, хотя бы небольшие группы, которые выступали бы на борьбу с режимом..." Так пишет полковник советской армии В.Ершов, заведующий приемнораспределительным пунктом, пропускная способность которого была от 3.000 до 5.000 человек. Требовалось чтобы все репатриированные, отправляясь дальше на места заключения, принудительные работы, уже имели судебный приговор. "Тройка", выносившая такие приговоры, должна была успеть вынести около 1.000 приговоров в сутки, ежедневно. Полковник Ершов рассказывает, как однажды к нему приехал высокий армейский чин и посвятил его в ряд тайных действий, благодаря которых открывалась возможность бежать из таких лагерей сотням людей... Полковник Ершов включился в эту конспирацию и тем спас много жизней."

Новый журнал, №32, Нью Ишрк, 1953,
стр.220

"А сколько мы знаем американцев, - отмечает о. Александр: - которые поступали также благородно, спасая от выдачи большевикам сотни "власовцев" и "остовцев"! Честь им и слава! Их поступки спасли честь американского флага!"

Да, друзья у свободной России есть! Однако, наличие благородных англичан еще не спасает от бесчестных поступков английских властей, как например: - выдача большевикам безоруженных казаков - Льенц 1945 г. Так же, как не спасает множество добросердечных американцев от бессердечных и кровавых выдач русских солдат из Платлинга - Европа, Форт Дикс - США и многих других мест.

Генерал Власов искал дружественной помощи и у немецких патриотов, многие из которых погибли, когда был раскрыт заговор на жизнь Гитлера; и у союзников через генерала Малышкина в Париже; через генерала Жилленкова в Швеции; и через Ю.С.Жеребкова в различных посольствах европейских государств. И что же?

"Люди Власова хотели бороться против Сталина и сталинизма - режима, который никак не лучше гитлеровско-нацистского режима, но были отвергнуты Западом по одной лишь причине: Запад был в союзе со сталинским режимом террора."

J.Epstein, Operation Keelhaul, The Devin-Adair Co., Old Greenwich, 1973 p.63

"В самом первом своем воззвании, - отмечает о.Александр, - написанном в Виннице, в 1942 году (см. Против течения 1954 г., №2, стр. 83-85) ген. Власов писал, что нет вопроса о необходимости свергнуть сталинский режим в России, но есть вопрос на кого в таком деле опереться: на Германию или Англию, или на США?

Почти пророчески для времени, - отмечает дальше о.Александр, - которое к нам очень приблизилось, звучат слова, взятого американцами в плен и дававшего свои показания, старого немецкого генерала от кавалерии Кёстринга."

"Мы, немцы, безусловно из-за глупости, неспособности и незнания уничтожили величайший капитал, который когда-нибудь существовал на земле для борьбы с коммунизмом... Вы не поймете сейчас, когда я говорю вам, что вы теперь уничтожили этот капитал во второй раз. Очень может случиться, что вы будете с отчаянием взывать в ближайшем будущем к тому, что вы сейчас уничтожили..."

Рассказывая об этом, Эпштейн добавляет:

"... Капитал, о котором говорил ген. Кёстринг, была дружба и помощь русских людей в борьбе с коммунизмом. Мы, американцы, расточали его, выдавая русских патриотов на сталинские виселицы и в лагеря рабского труда..."

Там же

"Остается вопрос: почему же эта военная миллионная антикоммунистическая сила не превратилась в могучую армию, если и немцы и англо-американцы были бесспорными антикоммунистами?" - метко замечает о.Александр и добавляет: - "Кто, в так называемом свободном мире, противопоставляющим себя миру коммунистическому, несет за это ответственность? Или говорить об этом бесполезно, не только сейчас, но и тогда, когда будут открыты все до конца, еще засекреченные документы, или все решающее в делах такого рода, делалось без протоколов и документов? Кто и для чьей выгоды это делалось?"

Х Х Х

С 25 декабря 1944 года по 20 апреля 1945 года, почти шесть месяцев Казачий корпус находился в непосредственном соприкосновении с советскими войсками, ведя наступательные и оборонительные бои. Шесть месяцев советское командование, напрягая все силы, стремилось разбить Казачий корпус, но увы... При всей своей превосходящей во много раз огневой мощи и количественно людской силы, войска Красной армии оказались в не состоянии разбить Казачий корпус. Держа оборону на Драве, Корпус находился все время в глубоком мешке, окруженный со всех сторон многочисленным противником. Территорией Корпуса была узкая подравская долина, тянувшаяся более 100 километров, местами суживаясь до полутора километра.

Вдоль всей этой узкой долины в горах укрепились титовцы, атакуя день и ночь казачью оборону. По ту сторону Дравы находились советские, болгарские и румынские войска. Казачий корпус из Югославии отступал последним. Чтобы дать время тыловым учреждениям, госпиталям и складам на планируемую эвакуацию, Корпусу в последние дни пришлось вести особенно тяжелые оборонительные бои с превосходящим и обнаглевшим противником. Титовцы наседали ожесточенно и дрались храбро. Что касается румын и болгар, то последние, увидав, что Казачий корпус начал отход, расхрабрившись, бросились было преследовать, но получив хорошо по носу, сразу же предпочли следовать за Корпусом, не завязывая боев, на почтительном расстоянии.

Целую неделю Казачий корпус выходил из "мешка". Опасались, что войска Красной армии* форсируют Драву в районе Ворождина и отрежут отход Корпусу, но советское командование не рискнуло это сделать, вероятно, хорошо понимая, что этот риск чреват.

8 мая Первая дивизия, двигаясь в голове Корпуса, тараня беспрестанно, заграждающие дорогу, титовские войска, достигла района города Словенски Градец, где неожиданно поступило сообщение о капитуляции Германии. Командующий 8-ой титовской армией потребовал немедленного прекращения движения Казачьего корпуса в любую сторону. В ответ на это требование генерал фон Панвиц отдал приказ Корпусу - во что бы то ни стало пробиться к австрийской границе и войти в соприкосновение с английской армией генерала Александра.

Этим приказом фон Панвиц еще больше усилил подъем духа у казаков, ибо они все верили, что английская армия - это их спасительница! За Первой дивизией пробивалась Вторая. Третья дивизия завершала отход Казачьего корпуса из Югославии. В состав Третьей дивизии входила и бригада имени Кононова, которой в последнее время командовал полковник Борисов.

Последнюю стычку бригады с титовцами описал ротмистр Б.К.Гонусовский в своей статье "Тринадцатая годовщина предательства" помещенной в газете Русская жизнь от 29 мая 1958 года №184, США. Ниже приводится

---

* Только после войны 1941-45 годов Красная армия была переименована в Советскую.

отрывок из этой статьи:

"Вдруг колонна остановилась. Видимо, впереди была какая-то заминка. Я проехал вперед и узнал, что долину запитает маленький чистенький словенский городок - названия его я не помню. Городок занят партизанами, требующими обязательного разоружения проходящих частей германской армии. Некоторые части покорно отдавали оружие и их иногда пропускали, а иногда забирали в плен и гнали куда-то в тыл "на работы" - просто в рабство.

Мы успели сразу же разузнать все от отбившихся от своих частей немецких солдат.

Командир бригады вызвал меня и приказал, как знающему сербский язык, вступить с партизанами в переговоры и потребовать, чтобы они не чинили нам препятствий при нашем проходе, но заявить, что оружие мы не отдадим им ни за что.

Взяв с собой горниста, я выехал вперед к партизанскому посту и замахал им белым платком.

К нам подошел молодой парень в форме, вроде, советской: он был без погон. Вместо этого у него на петлицах были красные треугольники, из чего я понял, что он в унтер-офицерском звании. Я объяснил ему наше желание. Он побежал, придерживая автомат, к своему посту,

Вскоре, оттуда к нам приблизились

группа партизанских офицеров. Главный между ними был в форме югославского летчика - не было только погон и на фуражке была красная звезда. Мне сразу стало как-то противно на него смотреть. Разговор был коротким и решительным. Летчик пытался говорить по-русски, сильно коверкая язык. Мне это надоело и я сказал ему, чтобы он говорил по-сербски, что я хорошо знаю этот язык.

- Вы эмигрант?

- Да, эмигрант.

- Хорошо же вы оплатили Югославии за то, что она дала вам приют!

- Да, хорошо. Мы жертвовали собой, чтобы спасти ее от того, что вы приготовили ей! Видите эти тысячи людей там? Они все бежали от коммунистов и не хотят возвращаться к ним назад. Думает, это даром?

- Вы все изменники родины и вас всех надо расстрелять!

- Руки коротки!

- Мы вас не пропустим! Сдавайте оружие, мы вас интернируем!

- Не вы нам давали оружие, не вам мы его и отдадим!

Наступило минутное молчание.

- Слушайте, - сказал я ему примирительно, - война кончена, вы - победители.

Тут я невольно улыбнулся, а партизан нахмурился.

- Зачем нам еще проливать кровь?

Пропустите нас и мы в течение двух

часов пройдем городок, никого и ничего не трогая. Иначе придется драться - будут убитые и раненые. Кому это сейчас нужно? Нас семь тысяч здесь. Мы вас разгромим. Сдавайте оружие!

- Это ваше последнее слово?

- Да.

Я повернул коня и поехал докладывать командиру. Последний решил вопрос сразу же:

- Сколько у вас патронов на человека?

- По 15-ти осталось на человека.

- Немедленно собрать по 10 патронов с человека и передать в тяжелый батальон ротмистру Бондаренко.

Это был молодой небольшого роста, худенький человек. Бывший безпризорник, упорным трудом выбившийся в люди, он, когда попал в плен к немцам и увидел совсем не то, что ожидал, совершенно переменял свои взгляды. Он понял, что был жертвой страшного обмана и эксплуатации. Своей безумной храбростью он выдвинулся даже в нашей бригаде, которая славилась на весь корпус своею удалью.

- Слушай, Бондаренко, - сказал полковник, - довольно тебе часа, чтобы выгнать партизан из городка?

- Так точно, достаточно!

- Ну, с Богом и начинай!

Уже через четверть часа впереди нас в долине затрещали выстрелы, несколько пулеметных очередей и затем стрельба стала быстро удаляться.

Выстрелы слышались уже из городка. Грохнуло несколько выстрелов из орудий, раздались какие-то взрывы и, наконец, все смолкло.

Полковник посмотрел на часы.

— Чисто сработал! — сказал он с улыбкой, — все сорок минут и все кончено. Колонна двинулась вперед, запылили обозы. В городке на площади у церкви меня ждала толпа пленных, окруженная автоматчиками. "Командир бригады имени Кононова, полковник Борисов, приказал отпустить пленных титовцев."

Б.К.Гонусовский, "Тринадцатая годовщина предательства", Русская жизнь, 29 мая 1958, №184, США.

За несколько дней до капитуляции, фон Панвиц послал к англичанам князя Шварценберга и еще трех офицеров, владеющих английским языком, с заданием рассказать англичанам все об Освободительном движении народов России, рассказать все о Власове и власовцах, объяснить им причины, побудившие народы России организовать Освободительное движение даже в чудовищных и трагичных условиях, созданных гитлеровским нацизмом. Убедить англичан не выдавать армии Освободительного движения на гибель Сталину, но сохранить их для защиты свободного мира от красного тирана, от будущей неминуемой борьбе с коммунизмом.

В Корпусе оставался единственный аэроплан. Фон Панвиц отдал его в распоряжение своих посланников, дабы быть уверенным, что они наверняка и поскорее доберутся до сво-

ей цели. Будучи только солдатом, но отнюдь не политиком, фон Панвиц, всегда прямой и честный в своих действиях, не мог представить себе - у него не вкладывалось в голове, он просто не допускал мысли, что свободный демократический мир, вернее, его правители окажутся столь беспринципными и подлыми, что позволят себе опозорить основные принципы демократии. Не верил фон Панвиц, что правители свободного мира способны на обман и предательство.

Каждый час, считая минуты, ждал генерал фон Панвиц ответа от англичан, но ответа не было...

Наконец, Первая дивизия, идущая во главе, прорвала последнее zagrożение титовцев, и фон Панвиц сам помчался к англичанам, все еще веря, что их стороны последует честные, благородные, достойные английского народа, действия.

Прорвавшись, наконец, на свободную дорогу, идущую прямо к Австрии, уже оккупированной англичанами, изнуренные непрерывными боями казаки с тревожной пытливостью смотрели вперед - туда, куда их рыцарь помчался молить демократов об их спасении. И вдруг... О, Господи! О счастье! Радость великая охватила сердца борцов за свободу - навстречу к ним по дороге ехало несколько автомобилей, и в первой из них во весь свой статный большой рост стоял их командир фон Панвиц. За ним множество английских офицеров.

Ликующее громкое "ура" потрясло солнечный майский день 1945 года. Казаки истово крестились, с их уст срывались благодарственные молитвы Богу. Слова благодарности, появ-

ших их трагедию, англичанам.

По дороге галопом мчались офицеры, подавая команду "Смирно"! Спешно строились полки. Казаки парадным маршем встречали своего, давно уже ставшим родным и близким казачьему сердцу, достойного командира.

Английское командование, принявшее Казачий копус, проявило исключительную корректность и вежливость в обращении с казаками, чем сразу же развеяло все сомнения и недоверчивость, даже у самых осторожных казаков, и заставило их окончательно уверовать в то, что англичане ни за что не выдадут их советам.

Командир 11-ой английской танковой дивизии генерал Эйчер был особенно вежлив и корректен. Никто из английского командования ни слова не произнес о плене, а говорили только об интернировании. Генералу фон Панвицу было сказано, что его казаки могут свободно передвигаться в отведенном Казачьему корпусу районе и заниматься чем им угодно. Корпус был обильно и регулярно снабжаем продуктами питания. Казаки отдыхали и веселились. Завязалась дружба с английскими солдатами и офицерами, приезжающими к казакам, покататься на лошадях. Как правило, англичане привозили с собой выпивку. Казаки в свою очередь, угощали англичан водкой. За незнанием языка ухитрялись объясняться на смеси разных языков, но это не мешало дружеским веселым встречам. Английские строевые офицеры, а тем более солдаты, были далеки от всякой политики, и они никак не подразумевали, что своим дружеским отношением к казакам они делают им невольную медвежью услугу.

Были среди английских офицеров и такие, которые, слушая рассказы казаков о коммунистическом терроре, всей душой сочувствовали им и говорили, что коммунизм должен быть уничтожен также, как и нацизм, что в России должны быть свободные выборы. Должна быть оппозиция, как у них на родине в Англии и вообще во всех свободных от коммунизма странах. Союз со Сталиным они объясняли, как союз вынужденный и необходимый для разгрома Гитлера.

Казаки это сознавали и соглашались, но они старались убедить англичан, что Гитлера теперь больше нет и что союз Англии и США со Сталиным – противоестественен и вреден, что нужно помочь России и всем другим, поработанным коммунизмом, странам освободиться от него, что все равно рано или поздно, английским солдатам придется сражаться против коммунизма, основная цель которого – порабощение всего мира.

Англичане соглашались с убеждениями казаков и дружно поднимали тост за дружбу английского и русского народов. Но никто из этих честных простых английских воинов, подружившихся с казаками, не знал тогда о том, что их правители и не думали заводить никакой дружбы с поработанными коммунизмом народами, а наоборот, они остались верными соратниками палача многих народов – Иосифа Сталина. Они отдали секретный приказ произвести насильственную репатриацию Освободительного движения...

Был ли подсказан английскому командованию коварный способ выдачи казаков советчиками или же они сами проявили лисью хитрость

но выдача была произведена по заранее тщательно подготовленному весьма коварному плану. Когда в Казачьем корпусе уже больше никто не говорил о выдаче, а ждали только обещаемой отправки по желанию казаков в разные свободные страны на поселение, генералу фон Панвицу, всецело поверившему англичанам, было в весьма дружеском тоне, предложено отдать приказ Корпусу — сдать оружие, мотивируя тем, что оно в мирной обстановке казакам не нужно.

Фон Панвиц отдал приказ казакам сдать оружие, сам того не зная, что этот его последний приказ был смертельным для казаков и для него лично. Казаки приказ своего рыцаря исполнили беспрекословно. Они верили, что если фон Панвиц отдал приказ сдать оружие, значит все уладилось, как нельзя лучше, значит всякая опасность окончательно миновала, в противном случае их рыцарь приказа о сдаче оружия ни за что не дал бы — в этом ни у кого никакого сомнения не могло быть.

Погубила фон Павица его честность, солдатская прямота его души, поверившей людям в военных мундирах культурного Запада, в которых фон Панвиц хотел видеть честных людей.

Через две недели после того, как Корпус сдал оружие, утром 27 мая генерал фон Панвиц был неожиданно, секретно от казаков, арестован. После того, как он отказался бросить казаков, предпочитая выдачу, он немедленно был передан советчикам. Всем немецким офицерам, служившим в Казачьем корпусе, было объявлено, что они могут разъезжаться по домам. Старшим из всех казачьих офицеров в

Корпусе, оставался только полковник Борисов. У него опять появилась тревожная мысль о возможности выдаче. Он вызвал ротмистра Ганусовского, от которого, как от старого эмигранта, знавшего ранее англичан, ему думалось, можно побольше узнать об этом народе.

"... Вечером меня вызвали к командиру бригады. У него собрались командиры полков и батальонов.

- Слушай, - сказал мне полковник, - ты старый эмигрант и этих англичан лучше знаешь. Как ты думаешь, а не продадут ли они нас?

Все смотрели на меня, стараясь прочитать на моем лице каждое движение, каждую мысль. Я вспомнил свой личный опыт 1920 года, как англичане нас, как маленьких кадет, в Константинополе, поили какао и мыли в бане. Вспомнил все, что мне приходилось слышать про английское джентльменство, верность слову, честность. Наконец, вспоминая и то, что самое слово "джетльмен" родом из Англии, я без колебания сказал: - Нет, англичане нас никогда не выдадут. Это рыцари, джентльмены, западные европейцы, на них можно свободно положиться!

Все вздохнули с облегчением. Послышались шутки и смех. Вестовой бригадного налил мне водки. Видимо, одна и та же мысль о том, что со всеми нами будет дальше, мучила всех и все искали какого-то успоко-

ения

Б.К.Гонусовский, "Тринадцатая годовщина предательства", Русская жизнь, 29 мая 1958, №184, США.

Несмотря на то, что Казачий корпус не имел больше ни одной винтовки, английское командование, руководившие выдачей, продолжало играть свою коварную и подлую игру, очевидно, боясь даже безоружных казаков.

Совсем неожиданно было заявлено казачьим офицерам о том, что все они срочно отправляются в специальный офицерский лагерь в Северную Италию, откуда каждый из них может ехать на поселение в Англию или в Америку, по своему личному выбору.

Все еще веря "джентльменам", казачьи офицеры доверчиво разместились в поданных крытых грузовиках. Никакой охраны не было, что вызвало никакого подозрения.

Вот что об этом рассказывает Гонусовский:

"Мы разместились в крытых грузовиках с комфортом на своих вещах. Было по человек 6-8 на грузовик. Когда мы разместились, то грузовики обошел английский майор. Он вежливо брал под козырек и говорил по-немецки:

- Г-да офицеры, оружие вам больше не нужно, сдайте мне, пожалуйста, ваши пистолеты.

Тяжело сжалось мое сердце, когда я отстегнул свой верный "0-8" и протянул его англичанину. Ах, зачем я тогда не застрелил его, как

предателя! Пусть и меня убили бы, но избавился бы я от тех нечеловеческих мук, которые ожидали всех нас. Ах, если бы знать!..

Когда майор обошел все машины и мешок, который нес за ним солдат, наполненный пистолетами, он отошел в сторону и свистнул в свой свисток. В ту же минуту из-за домов, кустов, деревьев выскочили английские автоматчики и попарно вскочили в шоферские кабины. Верх кабины был открыт и они почти по пояс торчали из нее, держа под автоматами едущих в передней машине и следя за каждым нашим движением. Машины бешено сорвали с места и помчались по узким горным дорогам так, что у нас с непривычки дух захватывало. У кого были компасы, те неблюдали куда нас везут. Но это было очень трудно. Дороги горные извилисты, однако, мы поняли, что везут не на юго-запад в Италию, а на северо-восток... Значит к большевикам.

В полдень остановились в каком-то английском лагере на обед. Машины въехали в обнесенное проволокой пространство. Нам разрешили слезть с машин. Предложили обед. Почти никто не притронулся к их проклятой еде. Нам устроили обыск. Обыскивали английские офицеры, подобранные так, чтобы они были чином старше обыскиваемого. Проклятая вежливость иудушек!

Мы увидели, что на головную машину прилаживают белый флаг. Последние сомнения рассеялись. Мы заволновались, собрались толпой и стали обсуждать, что нам делать. Танк, стоявший в воротах лагеря, загремел мотором и продвинулся на несколько метров к нам, как будто хотел прислушаться к нашим разговорам. Мы потребовали коменданта. Явился английский майор. Ему объяснили, что мы политические эмигранты, враги коммунистического режима и не хотим ехать к коммунистам, что там нас расстреляют. Майор выслушал нас и сказал, что никто нас большевикам выдавать не собирается, что нас везут в офицерский лагерь, где мы сами будем решать свою судьбу. Мы сказали ему, что мы не верим.

- Не верите мне, майору королевской службы? - с негодованием спросил он.

- Да, не верим.

- Хорошо, - сказал нам майор, - не верите мне, пришлю вам того, кому вы поверите.

Через несколько минут к нам пришел военный священник. Он говорил и по-английски, и по-немецки.

- Господа, - сказал он, - верьте мне, никто не собирается выдавать вас против вашей воли вашим врагам. Никогда Англия не сделает такого подлого поступка, никогда не замазает своей чести и своего флага. Если вы не верите чести Англии, то поверьте

мне - я Божий слуга, я не смею лгать!
Я клянусь вам, что никто не собирает-
ся вас выдавать!

Таким уверениям мы не могли не пове-
рить: нам говорил священник. Разве
он мог нас обмануть? Где он теперь,
этот Иуда? Вспоминает ли он свою
ложь людям, обреченным на смерть?
Мучает ли его черная совесть? Может
быть и сегодня он своими нечистыми
руками и своим лживым языком произ-
носит проповедь и поучает других?
Навсегда он остался у меня в памяти,
как символ английской чести!

Итак, мы с некоторым облегчением се-
ли в машины и поехали дальше. Но ав-
томобили все время упорно сворачива-
ли на северо-восток и приближались
к роковой линии. На всем протяжении
пути, каждые пятьдесят метров, стоя-
ли парные английские автоматчики, а
каждые двести метров - танк. Англи-
чане были мастера предательства и
дело свое делали мастерски. Вот, на-
конец, машины понеслись по ровной
дороге вдоль берега реки, протекав-
шей глубоко внизу в скалистых, обры-
вистых берегах. Вдали был виден бе-
тонный мост, смелой аркой переброшен-
ный на высоте добрых 30 метров над
водой, с одного берега на другой.
На той стороне были какие-то строе-
ния фабричного типа. Толпились какие-
то люди, одетые одинаково. Они маха-
ли нам руками и что-то кричали.
- Советские, - бледными губами про-
изнес мой сосед.

Сердце оборвалось... Последняя надежда, гнездившаяся, несмотря на очевидность, где-то в глубине души, исчезла окончательно..."

Там же.

За офицерами последовала таким же образом - обманным способом погрузка на грузовики и казаков. На месте передачи англичанами советчикам казачьих офицеров и казаков, разыгралась страшная трагедия. Безоружные офицеры и казаки с голыми руками кидались на своих палачей, пытаясь вырваться из подло подстроенной западни, но вооруженный до зубов вооруженные советские чекисты и английские автоматчики косили свои жертвы беспощадно. Река наполнилась кровью, поглотив сотни трупов.

Избиение казаков продолжалось до полного их изнеможения. Измученных и обессиленных, не способных больше сопротивляться казаков, все еще колотя их палками, чекисты бросали в специально поданные эшелоны. Набивали ими до отказа вагоны обитые колючей проволокой и гнали их в далекую Сибирь в концлагеря, где казаков ожидала медленная мучительная смерть...

Х Х Х

Мчавшиеся с предельной скоростью грузовики сильно трясло. Грузовик, в котором сидел Алексей, достиг моста, переброшенного

через Драву. За мостом большие вооруженные отряды, бросаются в глаза красные звезды.

"Чекисты! Предательство! - полыхнуло страшная мысль.

Алексей видел как пламенем плещет из глаз казачьих офицеров вместе с бессилием и обреченностью гнев и презрение к низким, бесстыдным, обманувшим их, предателям.

Насколько же трусливы оказались союзники Сталина! Кто их напугал так? С одной стороны Дравы английские автоматчики, танки, бронемшины, пулеметы, с другой бесчисленное множество вооруженных до зубов сталинских чекистов, и все эти враги свободной России ополчились против обезоруженных, подавленных обреченностью, казачьих офицеров.

Сравнивая силы, Алексей невольно улыбнулся, дивясь неслыханной трусости в истории человечества, которой оказались охвачены государственные мужи западных демократий. Сталин же боялся оставить власовцев на западе. Чувствуя, как наколяется его сердце и в то же время весь он наполняется непреодолимой волей бороться - вот сейчас, вот в этих условиях бороться насмерть с подлым врагом. Алексей напряжился, слегка наклонив голову, следил за английскими автоматчиками.

"Отнять оружие и прорваться в лес, в горы" - решил он.

"За Россию, Алешка, нужно биться насмерть, никакого врага бояться нельзя" - мелькнули наставительные слова деда Алексея.

"Ей, дедушка, не убоюсь!" - еще более наклонясь, подумал Алексей. И еще вдруг припомнил Алексей: - Сидит он с дедом на заваленке малым мальчуганом, дед рассказы-

вает историю "Азовского сидения", указывая на белеющие за Доном Азов, и говорит: - "Готовясь к смерти в открытом бою против несметного врага, казаки молились за упокой своих душ! Так-то, казак, наши предки бились за Россию!"

В кабине с шофером два автоматчика. Они стоят спиной к казачьим офицерам и наблюдают за, впереди сидящими, казачьими офицерами в переднем грузовике, но с грузовика, следовавшего позади, Алексей видит в упор направленные черные дула автоматов.

Еще ниже опустил свою голову, Алексей горячо молился: - "Упокой, Господи, души раб Твоих!"

Грузовик рыча выехал на мост. Выбрав момент, подобно могучему барсу, Алексей прыгнул на английского автоматчика. Одна секунда и английский солдат летит головой вниз с грузовика. У Алексея в руках английский автомат, он без промаха косит английских автоматчиков. С простреленными крышами грузовик, содрогнувшись пару раз, умолк и стал. С грохотом опрокинулся налетевший, следовавший за ним, другой грузовик, за вторым третий и четвертый - страшная свалка на мосту.

- Братцы, прорывайтесь к лесу! - кричит изо всех сил Алексей, - К лесу! В горы!

Некоторые казачьи офицеры, отняв оружие у английских автоматчиков, уже, отстреливаясь, уходили в горы.

Растерянной толпой остановились с одной стороны моста английские, а с другой советские автоматчики. А начале они ведут неуве-

ренный, беспорядочный огонь, ранят и сражают своих же. Зажатые между двух огней, казацкие офицеры бросаются на своих палачей с голыми руками. Отняв оружие, они метко косят английских автоматчиков. Они все, каждый из них до последнего вздоха ведут непрерывный меткий огонь.

Но вот, пришедшие в себя после первых минут растерянности, многочисленный враг повел ураганный огонь. К мосту подъезжают рыча английские танки. Один за другим падают сраженные казацкие офицеры. Вот осталось их всего пять, вот еще двое упали, вот один Алексей, один он молнией бросается во все стороны, извиваясь ползает под колесами грузовиков и сражает, и сражает, наседавших с обеих сторон моста автоматчиков.

Но вот, впиалась первая пуля в ногу, секунда и две другие пронизали левую руку, но он все еще ведет огонь. Автомат все еще в его руках. Уже у его ног и головы падают тела сраженных палачей, но вот автоматные очереди — одна с английской другая с советской стороны пронизали ему грудь. Вскрикнув, он, перевернувшись на спину, упал между двух огней. Автомат выпал из его рук. Широко открытым ртом он хватает воздух, силится что-то сказать, но побелевшие губы непослушны — ни слова он не произнес...

Рванувшись с обеих сторон моста, советские чекисты и английские солдаты сгрудились над его телом. Душа покидала изрешетенное пулями его тело, но лучистые василькового цвета глаза Алексея были еще широко открыты и, теряя живость и тускнея, все еще грозили врагам России.

А, наполненная человеческими телами,
Драва бросала, вслед уносимых потоками вод
трупов, громко клакочущие волны. Волны
окрашенные человеческой кровью, шумя и
пенясь, возмущенные и сердитые, протестуя,
переговаривались, дивясь происшедшему чудо-
вищному преступлению - Operation Keelhaul...

Х Х Х

В конце апреля Походный атаман Казчьего Стана генерал Тимофей Иванович Доманов двинул свои войска на соединение с вооруженными силами КОНР. В эти дни события развивающиеся с невероятной быстротой, а затем капитуляция Германии, застали армию Доманова на пути перехода из Италии в Австрию, через хребет Альпийских гор. Разыгравшаяся ненастная погода - проливной дождь, перешедший в снег, наметавший снежные сугробы, сделали этот путь невероятно тяжелым. Впереди двигалось население Казачьего Стана: женщины, дети, старики, старухи, было много женщин с грудными детьми, а также и беременных. Люди буквально карабкались вверх по крутому склону тянувшемуся более десяти километров, ведущему к перевалу Плёмкем, высотой около 3.000 метров. Преодолев путь через перевал, Казачий Стан и его войско двинулись вниз к по дравской долине, через селения Маутен и Катчах, где были весьма дружелюбно встречены англичанами. По указанию командования Восьмой английской армии, Доманов расположил свои войска и население Казачьего Стана между Обердраубургом и Лиенцем, на протяжении 20 километров. Здесь же расположились и кавказские войска, предводимые генералом Султан Келич Гирей. Штаб Доманова стал в городе Лиенце. Войска расположились биваком вдоль реки Драва, а семьи казаков были помещены в лагерь Пеггец, отстоящий от Лиенца в двух с половиной километрах.

В восторге от теплого приема, каким встретили англичане казаков, заверенный

английским командованием, что о выдаче большевикам не может быть и речи, Доманов не замедлил исполнить просьбу англичан отдать приказ его армии о сдаче оружия.

Ни сам Походный атаман, ни его казаки, ни их семьи, с такой восторженной радостью доверившиеся англичанам, не знали в то время, что штаб английской Восьмой армии уже получил приказ от своего правительства на насильственную репатриацию всех участников Освободительного движения народов России и уже разработал коварный план выдачи.

28 мая поступил неожиданный приказ: - всем казачьим офицерам собраться у штаба Походного атамана к 13 часам для поездки на "конференцию", на которой будут обсуждаться вопросы дальнейшей борьбы с коммунизмом. В приказе также указывалось, что на "конференции" будет присутствовать сам английский фельдмаршал Александр.

Собравшимся казачьим офицерам, начальник штаба Походного атамана генерал Соламахин - полковник Стаханов последнее время был заменен генералом Соламахиным, коротко скомандовал: - "По машинам!" С восторгом переговариваясь о предстоящей "конференции", офицеры разместились в поданные грузовики. Казачьим генералам были поданы легковые машины. Генералу Петру Николаевичу Краснову машина была подана с особым комфортом.

Тридцать пять казачьих генералов и 2756 казачьих офицеров во главе с Походным атаманом Казачьего Стана генералом Домановым, не подозревая какую коварную ловушку подстроили им правители демократических стран, выехали на "конференцию" с английским фельдмаршалом Александром.

Как только колонна с казачьими офицерами достигла леса, неожиданно оттуда стали выезжать английские танки. Пропуская грузовик с казачьими офицерами, в колонну въезжал английский танк. Таким образом вся колонна, каждый грузовик с казачьими офицерами оказался спереди и сзади под направленными на них пулеметами с английских танков. Только в этот момент казачьи офицеры поняли на какую "конференцию" везут их английские "джентлмены", которым они так искренне поверили и отдали себя в их руки.

Казачьих генералов и офицеров, Походного атамана генерала Доманова везли к тому же месту, куда привезли и передали Сталину в пасть офицеров и казаков 15-го Казачьего корпуса, где разыгралась кошмарное побоище обезоруженных людей...

После выдачи казачьих офицеров Казачьего Стана, началась выдача казаков и их семейств.

1 июня разыгралась кошмарная драма в лагере Пеггец.

Ниже приводится краткий очерк переводчицы лагеря Пеггец г-жи О.Ротовой, лично пережившей весь этот ужас. Очерк перепечатан из сборника материалов и документов о насильственной репатриации, изданного под редакцией Войсково Кубанского атамана генерала В.Г. Науменко.

ВЕЛИКОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО

"1 июня 1945 года в 4.30 утра все жители лагеря собрались на поляне, на которой был устроен помост для богослужения. Детей, женщин, стариков, инвалидов и жен генералов Доманова и Соламахина поместили в середине. Я тоже стояла в толпе, поддерживая больную жену полковника М.Кругом, держась за руки,

стояла цепь казаков и юнкеров. Началось молебствие. Я думаю, что так горячо, как молились мы, редко кто молится. Худые, больные, с ввалившимися глазами, стояли тысячи смертников, молились и слезы текли по их щекам...

- Смотрите! Звезда движется! - сказал один из казаков.

И действительно, всем нам казалось, что на бледном небосклоне двигалась бледная звездочка.

- И впрямь движется! Это хорошее предзнаменование, - сказал кто-то из толпы.

"Спаси, Господи, люди Твоя", - неслось стройное пение по тихому полю.

Вдруг послышался шум моторов. Никто даже не обернулся. Гул все ближе и ближе и вот... к толпе подъехал на джипе майор Дэвис. С ним подхорунжий Полунин, который должен был встретить его у ворот. Рядом с джипом выстроились крытые грузовики. Значит, это было 7 часов утра. Майор Дэвис стоял, скрестив руки и, видимо, ждал когда окончится моление. Сколько времени он ждал, не знаю. Мотор загудел - он уехал. Вскоре опять послышался гул моторов. Въехали танки - сколько не могу сказать - и выстроились около толпы.

Толпа подалась. Грянул залп. Стреляли холостыми патронами, но наэлектризованная толпа дрогнула и ринулась назад. Многие, крича, подняли руки. Англичане, видимо, на это и рассчитывали, начали хватать ближестоявших, тащить их к грузовикам и бросать туда тех, кто держал цепь, били палками и прикладами.

Раздался второй залп. Танки двинулись на толпу. В толпе началась паника, люди в ужасе отступали, давя собственных детей и женщин.

Раздались душураздирающие вопли и плач. Британские солдаты расхрабрились, били, хватали выпригивающих из грузовиков, избивали палками и вновь забрасывали туда... Толпа с воплем отступала. Сзади на поляне были сложены доски; многие, в том числе и я, упали на них. По ногам бежали обезумевшие люди... Все смещалось: пение молитв, стоны, вопли, крики несчастных, которых схватили, детский плач, грубые оклики солдат... Били всех даже священников, которые, подняв кресты над головой, продолжали молиться... Я молилась, чтобы Господь помог мне подняться. Поднявшись, я побежала вместе с толпой через сломанный забор за пределы лагеря на другую поляну. Там многие, упав на колени, со священниками во главе, с обезумевшими лицами, продолжали молиться. Другие бросились к мосту через реку и дальше в горы. Каждым руководила мысль: - "Сейчас дойдет очередь до меня, схватят, бросят в грузовик и предстанешь пред очи красных палачей!"

Ужас охватил всех! Как загнанные зайцы бежали кто куда. Двум, трем казакам я перевязала платком, разбитые прикладами, головы. Единственное спасение - река... броситься в бурный поток и кончено... Я добежала до реки. Женщины с криком бросали своих детей в поток и сами кидались за ними в воду... Это было так страшно, что я на минуту отвернулась - не могла смотреть.

В это время раздались крики: - "Переводчицу, переводчицу!" Ведутся переговоры. Я перекрестилась и пошла обратно. Перед коленопреклоненной толпой стоял майор Дэвис. Увидив меня, он сказал:

- Наконец-то я вас нашел. Почему вы не встретили меня у ворот?

- Мое место с моими русскими людьми, - ответила я.

- Спросите, не видал ли кто-нибудь генеральшу Доманову? Мне нужно она и Соламахина.

- Майор спрашивает, - обратилась я к толпе, - где г-жа Доманова?

Один казак сказал, что он видел, как ее бросили в грузовик.

- Это неправда, - ответил майор, - я просмотрел все грузовики и ее там нет.

Другой казак сказал, что видел, как ее били палками, а потом несли, повидимому, в барак.

- А где г-жа Соламахина?

- Видели, как она бежала с криком к реке.

Майор повернулся ко мне.

- Будьте любезны сопроводите меня по баракам, надо найти Доманову. Возможно, ей нужна медицинская помощь.

Подъехали в джипе к первому - шестому бараку. Вошли. Майор пошел к умывальне, а мне поручил осмотреть барак, нет ли там Домановой.

- Если найдете, придите мне сказать, - распорядился он.

Я шла по комнатам, зовя тихо: "Мария Ивановна!" и думала, что если найду ее, то спрячу. Домановой в бараке не было. Вернулась к майору. Дверь в умывалку была открыта. Он стоял с рюмкой в руках и пил. Около него стояла бутылка с коньяком.

- Я ищу Доманову и Соламахину не для того, чтобы их передать, а я хочу им кое-

что сказать, - обратился Дэвис ко мне.

- Я вам не верю больше, майор, - был мой ответ.

Мы с ним поехали мимо нескольких барачков, не заходя в них. Майор только спрашивал у людей, стоявших, нет ли Домановой. Ответ всюду был отрицательный. Мы вернулись к толпе. Из нее выступил священник о. А.Б., прося майора отложить отправку дня на три, пока не придет ответ на наши прошения от короля, королевы, от римского Папы, архиепископа Кентерберийского и других.

Майор выслушал и сказал, что он ничего не может. Он вызвал полковника. Последний стал убеждать людей ехать на родину, но твердое: - "Добровольно не поедем!" было ему ответом. Полковнику задали несколько вопросов:

- Скажите нам, где наши офицеры и соединимся ли мы с ними?

- Не знаю, где они, - ответил полковник.

- А куда вы собираетесь нас везти?

- Я знаю только, что наша часть передаст вас тоже английской части.

- А куда нас везут?

- В Юденбург.

- Хорошо. Мы поедем, если вы разрешите нам идти в пешем строю с нашими подводами.

- Нет, этого нельзя.

- В таком случае мы добровольно не поедем. Дайте нам отсрочку, пока придут ответы на наши прошения.

Полковник обещал позвонить по телефону и дать ответ. Он ушел, а Дэвис остался. Толпа стояла на коленях, продолжала молиться.

В лесу раздались одиночные выстрелы. Это "волонтеры", как говорили советские солдаты, переодетые в английскую форму, вылавливали людей. Майор стоял бледный, растерянный.

- Скажите им, чтобы они не сопротивлялись, - проговорил он, указывая на толпу.

- Господин майор, представьте огромную печь и в ней огонь, и вы приказываете прыгать в нее. Вы бы прыгнули?

- Не знаю.

- Вы прекрасно знаете, майор, что не прыгнули бы. Вернуться к советам - это хуже огненной печи.

- Но я британский офицер не могу больше видеть, как бьют безоружных людей: женщин, детей... Я не могу больше производить насилие, я не могу больше, не могу...

Махнув рукой, он быстрыми шагами ушел узнать результат разговора полковника по телефону.

Перерыв в увозе произошел оттого, что грузовики, вывозившие, погруженные в них жертвы, к поезду еще не вернулись. Ко мне подошел Полунин и еще два казака.

- Г-жа Р., пойдите, сядьте в тени, вы сейчас упадете! - сказали они и увели меня под небольшой навес около толпы, усадив там на ящик.

- Может быть, что-либо решится в нашу пользу, - сказал Полунин, - будем надеяться.

Подошли английские солдаты.

- Ну, - сказал мне один из них, - теперь поедете поездом.

- Почему, - спросила я?

- Вы же генеральша Доманова?

- Нет, я переводчица вашего майора.

- А скажите, - смотря на толпу, продолжал тот же солдат, - почему, если они так верят и с ними крест, они так боятся? Они не должны бояться, если верят!

- Но мы тоже люди, - ответила я холодно.

Наконец, вернулся майор с ответом, что старые эмигранты не должны ехать, и что они должны с документами регистрироваться у английских офицеров в шестом бараке. Регистрация будет производиться по странам, в которых они жили за время эмиграции и просил меня объявить об этом.

Английские солдаты поставили забор, сделали проход, у которого поставили караул, английского капитана и меня, как переводчицу. Масса людей стала выходить из толпы, держа в руках документы, другие подходили без документов. Благодаря этому удалось спастись многим новым эмигрантам.

Я объясняла капитану, кто из какой страны и они шли регистрироваться в шестой барак. В это время опять загудели моторы. Вернулись грузовики забирать новые жертвы и выстроились возле толпы молящихся. Многие женщины так измучились, особенно бывшие в положении и с грудными младенцами, что когда к ним подходили английские солдаты и помогали встать с колен, они с безразличными, оцепевшими лицами покорно шли, поддерживаемые солдатами к грузовикам.

Около караула появился английский доктор для оказания помощи пострадавшим. Он ласково оказывал скорую помощь и отправлял, кого надо в амбулаторию и в лазарет. У некоторых женщин начались преждевременные роды. Доктор высказывал мне свое негодование по по-

воду производимого насилия над людьми.

- Это бесчеловечно, - говорил он со слезами на глазах.

К нему подошел один шотландский офицер. У него вспухла рука. Видно в борьбе с несчастными, он вывихнул ее. Я лично видела, как этот офицер избивал палкой сопротивляющихся. К сожалению, я забыла его фамилию.

Из леса несли на носилках раненных, подстрелянных "волонтерами". Один старый казак был тяжело ранен в живот. В это время подбежал ко мне казак и сказал:

- Жена полковника Л. просит вас зайти к ней в барак. Ей плохо. Она упала и по ней прошла толпа.

Я побежала к ней. Она лежала в бараке и тихо стонала. Через ее живот прошло много ног. Она хотела видеть майора. Я пошла за ним. Он сейчас же пришел и был очень взволнован. Г-жу Л. отвезли в госпиталь.

В бараках английские солдаты прикладами взламывали закрытые двери и грабили. Для скорости вырезали бока у чемоданов и вытаскивали оттуда: материалы, кожи, ботинки, серебро, белье и т.п.

По полю бегали с рыданиями женщины, ища своих детей, а дети с плачем звали, увезенных матерей, - в грузовики побросали многих родителей, а дети остались или наоборот! Позже, Красный Крест разыскивал детей и матерей, чтобы соединить их, но это редко удавалось.

В час или в два, может быть, в три, вернее, последнее - часы мои остановились и я не знала точного времени - майор отправил меня в отель.

- На вас лица нет. Вы должны поехать и отдохнуть дня три, - сказал он.

Когда меня везли в большом джипе, то я видела в нем награбленные английскими солдатами горы материалов, серебряных и золотых вещей, ботинок, сапог и прочие.

На другой день грузили бедных юнкеров. Говорили, что несколько из них погибли, выбросившись из грузовиков. Затем грузили полки. Но за это время многим удалось бежать в горы.

Первого июня в лагере Пеггец было около 700 жертв: раздавленных, забитых, убитых, отравившихся, повесившихся, утопившихся в реке и покончивших с собой иными способами. Три юнкера, из присланных на помощь нам, выпрыгнули из грузовика на полном ходу и разбились насмерть. Человек серьезный, с высшим образованием, ныне проживающий в Австралии, которому я безусловно верю, рассказывал мне, что он лично видел, как один казак, привязав себя к своему коню, бросился со скалы в бурные воды Дравы. Якобы, он оставил на скале надпись: - "Здесь погиб со своим конем казак такой-то", и дату гибели. Все это насилие производилось шотландским батальоном Восьмой английской армии.

Из лагеря Пеггец, первого июня было вывезено приблизительно 5.000 человек. Эта трагическая страница в жизни русских людей "в рассеянии сущих" останется навсегда темным пятном и тяжелым грехом на совести Британского правительства. Тогда мысли были так запутаны и англичане так мегко "стлали", что никому не приходило в голову, как тонко и подло был разработан их план предательства.

Даже в день выдачи все думали, что молящихся и безоружных людей не тронут. Но, видно, "культурный" Запад в 20 веке превзошел все ожидания. "Гуманные" англичане подняли руку на незащищенных женщин, детей, стариков, инвалидов - даже их не пожалели...

В этот день крик и плач затравленных людей был слышен за три километра в округе. Даже австрийцы плакали, слыша эти отчаянные вопли. Этот ужас нельзя ни передать, ни описать пером! Это надо было видеть и пережить.

Мир праху погибшим и да поможет Господь Бог несчастным нашим братьям и сестрам, переданным Советам."

Переводчица лагеря Пеггет Р.

Краткий очерк г-жи Р., переводчицы лагеря Пеггет только частично рисует потрясающую картину побоища безвинных людей, устроенную правителями культурного - да еще демократического - Запада!.

Х Х Х

"The transport was accompanied by 25 light tanks, 105 KRAD sharpshooters, 140 drivers and co-drivers armed with machine pistols, 70 soldiers with the same arms, who stayed on the trucks with the cossaks. In front of the transport as well as at the end,

armed groups of thirty to sixty soldiers drove in armed trucks. Altogether there were 310 machine pistols, 125 machineguns and 21 light field pieces..."

Перевод:

Транспорт сопровождали 25 легких танков, 105 снайперов, 140 шоферов и столько же запасных шоферов, вооруженных автоматами, 70 солдат с таким же вооружением, которые стояли на грузовиках с казаками. Впереди транспорта так же, как и позади, ехали вооруженные группы от тридцати до шестидесяти солдат в грузовиках с оружием. Всего было 310 автоматов, 125 пулеметов и 21 легких артиллерийских орудий..."

Mackiewicz pp.223-233, цитировано у J.Epstein, Operation Keelhaul, The Devin-Adair Co., Old Greenwich, 1973, p.78

29 мая приближался рассвет, но никто в лагере Пеггец за минувшую ночь не смыкал глаз. Многие пролежали на лагерных койках не раздеваясь до утра. Уехавшие на "конференцию", казачьи офицеры, как заверяли англичане, должны были обязательно вернуться до 6 часов этого же дня, но они не вернулись. Волнение переходило в страх. Но вот, потрясающее известие:

"At nine in the morning on May 29, the day after the "conference" a deputy of Major Davis was back at the camp at Peggetz, near Lienz and gave to interpreter an official

British leaflet carrying an appeal to the cossacks and ordered its immediate distribution. It read:

"Cossacks!

Your officers have lied to you. They have misled you. They have been arrested and they will not return. Freed from their influence and their pressure, you are now free to denounce the lies they feed to you. You are free to express your will and you endeavors. It will now be possible for every one of you to return to the fatherland."

Перевод:

29 мая в 9 часов утра в день после отъезда казачьих офицеров на "конференцию", заместитель майора Дэвис вернулся в лагерь Пеггек, находящегося вблизи города Лиенц, и дал одному из переводчиков официальное британское заявление, адресованное казакам и приказал немедленно его распространить. В заявлении было сказано:

"Кзаки! Ваши офицеры вам лгали. Они вас ввели в заблуждение. Они арестованы и не вернутся. Вы освобождены от их влияния и давления, оказанное ими. Вы теперь свободно можете отвергнуть ложь, которой они кормили вас. Вы свободно можете выразить вашу волю и ваши стремления. Теперь каждому из вас будет возможно вернуться на родину."

Там же, стр.79

"As Mackiewicz states in the summary of his book that follows, the cossacks had no doubt that the instrument had been written, or at least edited by the Soviets. It concluded with the request to obey British orders. At ten in the morning, Major Davis announced that the repatriation of all cossacks regiments, including their families, would start at seven in the morning on May 31. Although deprived of their officers and leaders the cossacks decided to put passive resistance. They declared a hunger strike. They distributed placards throughout the camp with the English text:

We prefer to starve rather than return to the Soviet Union.

Black flags were hoisted. Emergency altars were built throughout the camp and priests began services which lasted all day and night. Everybody confessed and took holy communion. Petitions were written and addressed to King George and the Queen of England, to the Archbishop of Canterbury, to Prime Minister Churchill, to the Pope, King Peter of Yugoslavia, General Eisenhower and to the parliament of all democratic nations. New addresses were constantly proposed. The British accepted the petitions, but Major Davis threw them into the wastebasket.

On May 31, the Catholic holiday of

Corpus Christ, Operation Keelhaul postponed for a day because the Austrian local priests pointed out to the British that all difficulties should be avoided on such an occasion especially an action that offended divine and human rights.

On the evening of May 31, the British cut off the water in the barracks.

At dawn on June 1 a tremendous procession went to an altar set up on the main square of the camp. Priests garbed in their most ceremonial vestments preceded it. There were thousands of crosses, gonfalons, burning candles, holy books.

During the service British tanks approached and heavily armed troops surrounded the camp. They belonged to the Argyle and Sutherland 8th Battalion, supported by the West Kent 5th Battalion. Both Battalions belonged to the 36th British Brigade. The tanks used in this British Operation Keelhaul belonged to the 11th British Tank Division. §

Перевод:

"Как Мацкевич утверждает в резюме его книги, казаки нисколько не сомневались, что листовка была написана, или по крайней мере продиктована советчиками. Это кончилось просьбой исполнять английские приказы. В 10 часов утра майор Дэвис объявил, что репатриация всех казачьих полков, включая семья казаков, начнется в 7 часов утра 31 мая. Лишенные своих офицеров и лидеров, казаки решили прибегнуть к пассивному сопротивлению.

Они объявили голодовку. Они развесили плакаты по всему лагерю с английским текстом: Мы предпочитаем голод, нежели вернуться в СССР.

Были повешены черные флаги. Походные алтари были построены по всему лагерю и священники начали службу, которая продолжалась день и ночь. Все исповедывались и приняли Святое Причастие. Были написаны петиции на имя короля Георга и королевы Английской, архиепископу Контерберийскому, премьер министру Черчиллю, Папе Римскому, королю Петру Югославскому, генералу Айзенховеру и парламентам всех демократических наций. Предлагались новые адреса. Англичане приняли петиции, но майор Дэвис выбросил их в корзинку для мусора.

31 мая в католический праздник Тела Господня Операция выдачи была отсрочена на один день, потому что местные австрийские священники сделали замечание англичанам, чтобы все недостойные действия, оскорбляющие религиозные чувства и права человека были бы приостановлены.

Вечером 31 мая англичане закрыли доступ воды в бараки. Рано утром 1 июня огромная процессия двинулась к алтарю, устроенному на главной площади лагеря. Священники, облаченные в свои наилучшие облачения, возглавляли процессию. Тысячи крестов, хоругвий, горящих свечей и священных книг неслись в руках. Во время службы английские танки и сильно вооруженные войска окружили лагерь. Войска принадлежали Восьмому батальону Аргил и Сатерланд, Пятому батальону Вест Кент из 36 Британской бригады. Танки, участвующие в

английской Операции выдачи, принадлежали к 11-ой Британской танковой дивизии.

Там же, стр.79-80.

Лара стояла у самого помоста. Еще не совсем окрепшая после родов, оперлась на руку деда Алексея.

"Муж не вернулся с "конференции". Он арестован. Что они сделают с казачьими офицерами? Они их передадут Сталину. Какой ужас! Что ожидает всех нас?" - сверлили голову страшные мысли.

Вера Григорьевна держала на руках свою первую внучку - Верочку. Тут же стояла тетка Маруся, держа в руках семейную икону Донской Богородицы. Вокруг стояло много синявских станичников - казаков, близких друзей. Все были с бледными, перепуганными лицами, с ввалившимися, воспаленными глазами. Никто не прикасался к пище, никто не спал вот уже двое суток. Люди все еще подходили, на ходу, собираясь семьями, в утренних сумерках, тихо пугливо переговариваясь. Немошных стариков и больных вели под руки, вели за руки малых детей, несли на руках младенцев, осторожно поддерживали беременных женщин. Многие несли иконы. У некоторых были иконы древней давности, сохраненные и вывезенные из России.

К началу молебствия тысячи молящихся густо и плотно сжатой массой стояли вокруг помоста, обратя свои тревожные взгляды на святыни: кресты, иконы, хоругви, ждали начало службы. В середине дети, женщины, старики и все немощные. Их плотным кольцом

окружают более здоровые и сильные. И, наконец, кольцо казаков и молодых юнкеров, державшихся за руки, представляют охрану несчастных жертв ялтинских заговорщиков. В лагере находились только цивильные. Казачьи полки, разоруженные и лишенные своих офицеров, оставались стоять вдоль Дравы на протяжении двадцати километров, но за лагерем находились цивильные казачьи семьи, которые имели с собой подводы, лошадей и даже коров и не могли быть помещены в лагерь. Да и их была огромная масса и никакой лагерь не смог бы вместить. Против ворот лагеря через Драву переброшен мост, за которым было расположено юнкерское училище и учебная команда, всего 800 человек. Но они также были все без оружия.

К началу молебствия из-за моста в лагерь прибыл для усиления охраны еще один инженерный взвод юнкеров. Они решили не вступать в борьбу, а лишь оказывать пассивное сопротивление, охранять детей, женщин и всех немощных. В назначенное время началось молебствие. Кресты, иконы, хоругви — бесчислены. Стройно поет хор и тысячи голосов подхватывают горячие молитвы. Люди молятся, как, быть может, никто из них так горячо раньше в своей жизни не молился. Сердца их плавятся, души наполняются чувством веры и надежды. Матери успокаивают плачущих малых детей. В глазах, обращенных на святыни, появляется надежда — не тронут, не посмеют тронуть молящихся Богу людей. Убоятся англичане Бога! Не посмеют трогать! Да, за что же нас трогать? В чем мы виновны? Нет, не тронут!

Но вот в лагерь на джипе въехал комендант лагеря майор Дэвис. Значит 7 часов утра - время для начала "военной операции". Какой позор! Дэвис влез на пустую бочку из-под горючего и через бывшего при нем какого-то английского солдата, говорящего по-русски, объявил, что все без всякого сопротивления должны погружаться на грузовики и ехать в Советский Союз.

Никто не повел головой... "Спаси, Господи, люди Твоя!" - стройно лилось пение святых молитв. Дэвис постоял и уехал, но через некоторое время он вернулся и за ним в лагерь въехала колонна крытых грузовиков. Появились английские солдаты с оружием и палками - держак из-под кирок или матыг.

Дэвис своей любезностью и добротой с самого начала завоевал несомненное доверие и любовь со стороны казаков и их семейств. Дети всегда гурьбой бежали за ним, которым он раздавал все, что только мог добыть из сладостей. Именно это послужило причиной назначения его руководителем предательской выдачи. Приказом английского командования он должен был играть роли: лжеца, лицемера, обманщика и чудовищного террориста. В своей приказе, который должно было знать детально каждый английский солдат, бригадный генерал Массон, между прочим, писал:

"Если необходимо стрелять - стреляйте и рассматривайте это задание, как военную операцию..."

N.Bethell, The Last Secret, Basic Books, N.Y. 1974, p.65.

Некоторые солдаты, дивясь содержанию приказа, спрашивали офицеров:

- Неужели это так, сэр?

И получали утвердительный ответ.

Дэвис очень подружился с казачьими офицерами, некоторые из них говорили по-английски. Но когда у офицеров вкралась сомнение и они спросили Дэвиса, как хорошего друга - не грозит ли казакам насильственная репатриация, а у них жены и дети, Дэвис не смел сказать им правду. Ему было приказано лгать.

Офицеры, оставив детей и жен, поехали на "конференцию", с которой не могло быть ни для кого возврата. И вот теперь Дэвис должен был открыто выполнить преступный приказ своего правительства. Людям не верилось, что перед ними стоит тот самый прежний любезный и добрый английский майор Дэвис, которому они так верили и любили, как милого человека.

Один из юнкеров стоял вблизи Дэвиса и наблюдал. Вдруг он увидел, как двое английских солдат подошли к одному из крайних стоящих, потащили и вбросили в грузовик. Казак этот, лет 40-45, в длинном черном пальто, изловчившись, выпрыгнул из грузовика и бросился бежать назад к молящимся. Раздался залп. Английские солдаты поразили казака в живот. Он упал обливаясь кровью.

Английские солдаты знали детально приказ генерала Массона:

"Если лицо или группа лиц попытается бежать, прикажите им остановиться под угрозой открыть огонь. Если они преднамеренно не подчиняются вашему

приказу и побегут, открывайте огонь и цельтесь в ноги, если сочтете, что этого будет достаточно для предотвращения бегства. Если нет - убивайте."

Там же.

Когда казаки, стоявшие вблизи, увидели, как англичане сразили казака, они в возмущении двинулись было на убийц с протестом, но англичане остановили их, не слушая протестов, а потом заставили отступить назад к общей толпе. Когда же англичане открыли ураганный огонь, стреляя под ноги и над головами молящихся, перепуганная вся огромная масса более 5.000 человек, дрогнула и стала в панике пятиться назад, опракидывая и давя своих же. Пользуясь возникшей паникой, на что они и рассчитывали, английские солдаты сразу же набросились на ближе стоящих и стали хватать их и бросать в грузовики. Люди выскакивали из грузовиков, вырывались и бросались бежать к общей массе. Англичане опять, хватая и избивая их палками, приведя в бессознательное состояние или же искалечив, вновь забрасывали в грузовики. Цепь юнкеров, державшихся за руки, разрывали, колотя по рукам палками и прикладами. Прорвав цепь, вклинились глубже в толпу. Совсем растерянная перепуганная толпа стала дальше отступать. Людьями овладела ужасная мысль: - "Погрузят в грузовик и отправят к коммунистам!" Эта страшная мысль сокрушала и приводила всех в ужас и лишала людей самообладания. Люди в ужасе, до отказа спрессованные, пятились назад, давя собствен-

ных детей, женщин и всех, кто падал под ноги. Раздирающие душу вопли, крики и плач детей.

Толпа продолжала пятиться, отступать. Многие наткнулись на сложенные грудами доски упали и сразу же по их телам прошло тысячи ног. Но вот, загнанным в угол, отступить уже некуда - с одной стороны бурлящая Драва, с другой лагерный забор. Одни прижаты к забору задыхаются - их давят тела тысячи других. Страшная смерть от задушения отражается в их глазах. Другие с ужасом смотрят на бурные волны и огромные острые камни реки. Некоторые, протестуя творящемуся насилию, сами прыгают в бурлящие волны, разбиваются об острые камни. Их тела быстро уносят мощные потоки реки. Матери, крестясь, бросают в волны своих детей и бросаются следом.

Под нажимом тысяч людских тел с грохотом повалился забор и живая волна людей хлынула через тела упавших. Стоны, вопли, истерический крик.

Среди всех этих звуков еще слышно пение молитв у помоста. Но вот истезатели добрались до алтаря и стали палками бить священников, дьяконов и прислужников. Священники, перенося удары держутся, прилагая все усилия, на ногах и продолжают молиться. Один священник высоко у всех над головами держит крест.

Дед Алексей не мигающим скорбным взглядом смотрит на творящееся и вспоминает слова Господа: - "и будете ненавидимы всеми за имя Мое... Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас."

- Ей, Господи, истина Твоя! - произнес он вслух.

Возле него стоит дед Черкас - у слабого старца посеревшее, безжизненное лицо. Глаза едва видны из почерневших глубоких впаден. Сдавленный, он едва дышит, беззвучно шевелит губами, молится. Дед Черкас вспоминает услышанные им еще в молодости рассказы о гонении на христиан в древние времена. Вспоминает рассказы о каком-то больном сумасшедшем римском императоре, который пускал на молящихся христиан голодных львов. Но вот, теперь перед его глазами, во время расцветшей человеческой культуры, на молящихся христиан пущены вооруженные английские воины. Они бьют, убивают. Вместо львов рычат бронемашин - танкетки и хочется верить деду Черкасу, что западные английские правители тоже больные сумасшедшие и поэтому не знают, что творят. Дед Черкас усердно молится за них:

- Господи Иисусе Христе Сыне Божий, прости им, не ведают, что творят, - собрав силы произносит дед Черкас.

Дед Алексей держит над головой высоко, как только может свою правнучку малютку Верочку.

- Лара, Вера, Мария держитесь наверху, не давайте телу опускаться вниз - подомнут, раздавят. Вверх тянитесь сколько сил есть! - командует дед Алексей.

Но вот, совсем возле него английский солдат остервенело бьет молящихся женщин немощных, больных стариков. Кровь брызжет, падают люди под ноги толпы. У солдата звериное выражение лица, он с азартом бьет, крошит всех на своем пути. Вот он, размахнувшись, сильно ударяет священника и опять

размахивается, но мощная рука деда Алексей опустилась на его карабин. Солдат гневно рвет карабин к себе, но не в силах и пошевелить, цепко державшую карабин, руку старого казака. Морской волк все еще обладал огромной физической силой. Буйной казачьей кровью налились его глаза, багровеют, судорожно трясутся щеки. Над головой у него только в одной руке плачет правнучка. У деда огнем пылают очи. Солдат опять изо всех сил рванул, но безуспешно.

Лара знала, что обозленный дед, потеряв самообладание, может одним ударом убить солдата. А тогда что? Она, напрягая все силы, тянулась руками к дочке - страшные мысли летели в ее голове.

- Деда, дедушка, родненький, не бей его! - Не давай бить батюшку. Дай мне доченьку! - истерически кричит Лара.

Потянувшись всем телом из человеческих живых тисков в верх, подпрыгнув, выхватила из руки деда свою малютку и в тот же момент другой солдат поразил деда штыком в самое сердце.

Дед Алексей громко вскрикнул и умолк. Седая голова, как срубленная, упала на его широкою выпуклую грудь. Его мертвое тело некоторое время весит зажатое в тисках живых тел, а потом медленно сползло вниз и упало под ноги, еще больше потрясенной страшным ужасом, до отказа спрессованной толпы.

Лара только мельком увидела, как английский солдат убил деда. Хлынувшая потоком толпа понесла ее в сторону сваленного забора. Теряя из виду мать и тетку Марусю, она, держа над головой дочь, теряя от горя и

страха сознание, рыдая, истерически кричала:

- Мамочка, мама, бабушка, дед, мой дед! А-а-а-а!

Придя неожиданно в себя, почувствовала свободное, как бы выскользнувшее свое тело из людских тисков - руки скрещены и крепко держат у груди дочь, лишь сзади слышен страшный гул. Боясь снова попасть в тиски, Лара бросилась бежать дальше от толпы, и вдруг увидела перед собой протянутые к ней руки. Она машинально, остановилась и стала. Медленно подняла вверх голову. Перед ней стоял молодой высокого роста английский капитан. Он протягивал ей листок бумаги. У капитана из глаз плещит чувство стыда за свой народ и мучительная скорбь.

- Возьмите, мадам, вот это! Это пропуск и бегите в этом направлении! - произнес он взволновано - быстро и, нагнувшись указал рукой в сторону леса, за которым скрывалось австрийское село.

Лара, прижимая дочь к груди, смотрела на английского капитана восполненными не мигающими глазами. Силилась и не могла произнести ни слова.

- Я благодарю вас, сер! - наконец, захлебываясь, тяжело дыша, с трудом проговорила она по-английски. - Вы... Вы хотите спасти жизнь моей крошки? Я понимаю, я понимаю вас. Я скажу ей, когда она вырастит. Я буду за вас Богу молиться, сер. Вся свою жизнь буду молиться!

Капитан смотрел на Лару. У него потоком лились по щекам слезы.

Над лагерем теребило ветром английский флаг, доносилось душу раздирающие крики и

стоны избиваемых людей. Сильнее всего сокрушало сердце плач детей.

- Смотрите, сер, там английский флаг, там его марают, там творят страшное преступление! Но поверьте мне Ваши слезы омывают флаг. Когда-нибудь об этом скажут!

Капитан, беря под козырек, быстро заговорил:

- Я вас прошу, мадам, уходите скорее от этого места, слышите скорее! С моей запиской вас везде пропустят. Благодарю вас за ваши добрые слова, но... но бегите же, бегите!

Собрав все силы, Лара метнулась дальше, но не добрав до леса упала на землю у дороги. Карапкаясь на четвереньках, обдирая до крови колени и локти, прижимая к груди дочь, добралась до первых кустарников, задыхаясь, припала к земле, с каждой минутой слабея, ощущала, как страшно колотится сердце, сильно стучит в висках. Уже инстинктивно поджав ноги, свернувшись калачиком, обвив обеими руками дочь, потеряла сознание.

А в лагере Пеггек продолжало твориться страшное преступление. Нагруженные грузовики со смертниками мчались к эшелонам и, выгрузив "живой товар" неслись обратно за новыми жертвами и английские солдаты снова начинали атаковать уже до бессознания измученных и обессиленных людей.

"A British soldier reported that a little girl came to him with a note saying: - "Kill us, but don't surrender us to the Bolsheviks."
With difficulty, the soldier de-

ciphered the note, put it in his pocket and began to cry."

Перевод:

Один британский солдат сообщил, как одна маленькая девочка подошла к нему с запиской, в которой было сказано: - "Убейте нас, но не выдавайте нас большевикам." С трудом разобрав почерк, солдат спрятал записку в карман и начал плакать.

J.Epstein. Operation Keelhaul, The Devin-Adair Co., Old Greenwich, 1973 p.80.

А за лагерем Пеггец разгорелся бой. Происходила чудовишная, неслыханная в истории человечества битва. Битва между безоружными, лишенных своих офицеров, казачьими полками, сотнями казачьих семей и вооруженными до зубов английскими войсками. Пять казачьих полков с голыми руками дрались до полного изнеможения. Десятками, сотнями падали казаки, сраженные огнем английского оружия.

"Many cossacks through themselves under British tanks. Along the Drau river from Lienz to Oberdrauberg, a real battle was waged. Those who tried to escape to the mountains were shot. Untold numbers of soldiers, women and children drowned in the river. At five in the afternoon, Major Davis appeared and addressed the few remaining cossacks:
"Cossacks, I am deeply impressed by your heroic attitude. But according

to the agreement, all those must be repatriated who were Soviet citizens on August 1, 1939. Those who are in the possession of documents to prove that they did not live on Soviet territory before that date should produce them."

Why didn't the British tell the cossacks this in the beginning? Thousands of them, especially the old emigres who had lived in Germany, France and Yugoslavia for twenty years of even longer had never been Soviet citizens. They all had left Russia between 1917 and the late twenties. Even under the secret Vienna Agreement, they could rightfully claim asylum. The next day, June 2, 1945 the cossacks of Lienz and Peggetz were handed over to the Red army."

Перевод:

Многие казаки бросались под английские танки. Вдоль реки Дравы от Лиенца до Обердрауберга происходил настоящий бой. Тех, кто пробовал бежать в горы, убивали. Неизвестно, сколько солдат, женщин и детей утонуло в реке. В пять часов после полудня майор Дэвис явился и обратился к оставшимся казакам с заявлением:

"Казаки, я глубоко потрясен вашим героическим поведением, но согласно договору, все те, кто был советским гражданином до 1 августа 1939 года должны быть репатрированы. Те у кого есть документы доказывающие, что они до этой даты не жили на территории Со-

ветского Союза должны предъявить их." Почему англичане не сказали это казакам в начале? Тысячи их, особенно из старой эмиграции, которые жили в Германии, Франции и Югославии двадцать и более лет, никогда не были советскими подданными. Они все покинули Россию между 1917 и в конце 1920 годов. На основании секретного Венского соглашения они имели полное право просить убежища. На следующий день - 2 июня 1945 года - казаки их Лиенца и Пеггеца были выданы Красной армии."

J.Epstein, Operation Keelhaul, The Devin-Adair Co., Old Greenwich, 1973,
p.81.

На следующий день - 2 июня - наполненные до отказа советские эшелоны с избитыми, умирающими или же уже мертвыми казаками, двинулись, увозя несчастных мучеников на сталинскую голгофу, в страшный, небывалый ранее в истории человечества, красный рак - Архирелаг ГУЛаг...

Наполненная человеческими мертвыми телами, бурная река Драва осталась позади. И опять ее бурливо-клокочущие волны, окрашенные людской кровью, шумя и пенясь, еще больше возмущенные и сердитые, протестуя, переговаривались, дивясь происшедшему чудовищному преступлению.

Х Х Х

Больше месяца пластом лежала, иногда приходила в себя и опять теряла сознание Лара. Ее подобрали добрые австрийские селяне. Незамеченная, выпавшая из рук Лары, записка английского капитана осталась лежать на траве. Позднее Лара искала записку, но не нашла.

Усердно всем селом смотрели за ней. Местный доктор почти не отходил от больной. Молодая, налитая здоровьем австрийка мать, накормив свою дочь, давала грудь Верочке. Умиленно улыбаясь, гладила черную кудрявую головку со вздернувшим носиком, ласкала, как родную, прелестную русскую девочку.

Итак, всем селом отходили, поставили на ноги Лару австрийки. Еще совсем слабая она решила пойти узнать в лагере Пеггец судьбу своей матери и тетки Маруси.

Две недели спустя, после выдачи, англичане сделали еще один наскок. В лагере, после окончившейся трагедии, остались люди. В большинстве это были старые эмигранты, которые не подлежали выдаче по Ялтинскому договору. Эти же эмигранты скрыли в своей среде и спасли от выдачи, которая еще долго продолжалась во многих местах, некоторое количество новых эмигрантов.

Лара всех спрашивала, но никто, даже из знакомых, не знали куда делась Вера Григорьевна и тетка Маруся. Через неделю Лара опять пришла в лагерь и случайно встретилась с Авдотьей Писаревой. Старуха упала на землю, судорожно вздрагивала, рыдала, не могла произнести ни слова. Лара, приподняв ее, обняла, ждала молча ничего не спрашивая. Больно сжавшееся сердце предсказывало что-то страшное.

- Муженек мой лежит здесь, Ларенька. Здесь закончил путь свой сокол ясный. И твоя мать, и дед, и тетка Маруся тоже здесь лежат, а сыночек-то мой на "конференцию" поехал!

Припав к общей могиле, долго стояли на коленях и плакали две женщины - старая и молодая, крестились и шептали молитвы.

Целый год прожила Лара в австрийском селе. Работала по хозяйству, смотрела за скотом, доила коров, выпекала хлеб. После больших хлопот, при помощи найденных друзей, выехала в австрийский город Грац, получив должность педагога в университете - преподавала русский и английский языки. Каждый год в годовщину Лиенцевской трагедии приезжала на братскую могилу. Брала с собой подростку Верочку. Когда дочери исполнилось четыре года, к удивлению матери, она сказала, что все дети имеют отцов и, глядя на мать лучистыми глазенками, спросила, где же ее папаня. Сокрушенная вопросом, мать не могла сразу найтись, не могла сразу ответить. Когда Верочке исполнилось пять лет, Лара подвела дочь к братской могиле и крестясь сказала:

- Здесь, доченька, лежит твоя бабушка Вера, тетя Маруся и наш дедушка Алексей Гаврилович - сын Тихого Дона. Нашего родного батюшки Дона, где рождаются соколы ясные - казаки донские - святой Руси защитники! Где над седьми волнами Дона витает и разносится по всей вселенной неугасимая слава казачья! Слышишь, доченька, неугасимая слава казачья!

И маленькая Верочка, кивая прелестной

кудрявой головкой, складывая миниатюрные пальчики, крестясь повторяет:

- Неугасимая слава казачья!

Часто молясь за здоровье живых, Лара почула дочь молиться за здоровье английского офицера, имя которого Боженька знает.

Со временем на месте, где лежат упокоенные жертвы ялтинских заговорщиков, казаки воздвигнули памятник, увековечив память павшим в неравной борьбе, своим дедам и бабушкам, матерям и отцам, братьям и сестрам, детям, внукам и правнукам. Каждый год в день великой лиенцевской трагедии вокруг утопающего в цветах памятника стоят на коленях неутомимые молитвенники. Епископ западно-германский и священники служат панихиду. Поет хор, горят свечи, роняя слезы горячо молятся молитвенники...

В 1949 году Лара с дочерью эмигрировала в Соединенные Штаты Америки...

Х Х Х

Подробности насильственной репатриации можно прочесть в книгах:

Генерала В.Г.Науменко - ВЕЛИКОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО.

Лорда Николас Бетелл - ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА.

Профессора Julius Epstein - OPERATION KEELHAUL.

Ротмистра А.С.Петровского - НЕЗАБЫВАЕМОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО.

Хорунжего Н.Н.Краснова - НЕЗАБЫВАЕМОЕ.

В день Святой Троицы, 20 мая 1945 года американцы арестовали генерала Кестринга и всеми правдами и неправдами, пробравшегося к нему, полковника Гейнца Данко Герре. Они застали их в имении старого генерала. Американцы великодушно разрешили арестованным провести еще одну ночь в доме.

На следующее утро в 10 часов их доставили в лагерь для военнопленных немцев, который охраняла 101-ая американская дивизия парашютистов. Почти сейчас же он был отделен от Герре и отправлен в Аугсбург в рабочий лагерь носивший название "Медвежьей берлоги", а теперь превращенный в пункт, куда посылали для следствия и дознаний.

Кестринг долго ждал своей очереди быть вызванным к следователям. Американцы, взявшие его в плен, все еще находились в опьянении от победы и верили в светлое будущее человечества. Все было, как им казалась, так прекрасно, что им просто не хотелось выслушивать длинные рассказы о каком-то Власове, о его солдатах, о добровольческих частях в немецкой армии, о тех русских, которые боролись на немецкой стороне во имя свободы и против коммунистов, и которые дальше были готовы вести эту борьбу.

Только в июне, наконец, соблагоизволил вызвать к себе седого генерала американский полковник, который не счел нужным назвать свою фамилию и допрос вел небрежно и быстро. Конечно, полковник не знал, что перед ним сидит человек большого ума и опыта,

который мог ему точно и подробно рассказать и пояснить проблему русских, советских граждан, которые были противниками советского режима, противниками коммунизма, проблему людей, которые мечтали освободить свою родину и дать ей возможность либо, как единому и неделимому государству, либо как федеральной стране, стать опять равной в свободном мире. Но увы, у полковника не было ни малейшего желания с этим познакомиться. Он гораздо больше желал узнать более формальные подробности относительно служебного положения Кестринга. Повидимому, во время высадки союзников во Франции ему пришлось бороться против добровольческих батальонов и он признался, что они сражались с буквально невероятной храбростью. Он хотел знать какими средствами принуждения, сколькими пулеметами и автоматами "в спину" Кестрингу удалось погнать этих иностранцев на борьбу в пользу Германии.

Старый генерал понял, что этому американцу все равно не объяснить, какая причина и какая огромная духовная сила двигала этими людьми, но все же, стремясь к цели, он воспользовался моментом и сказал:

- Мы не употребляли ни пулеметов, ни бомбометов для того, чтобы эти люди шли на смерть. Они шли во имя идеи...

Голос престарелого джентлемена окреп и стал прочувственно глубоким.

- МЫ, НЕМЦЫ, БЛАГОДАря НАШЕЙ ГЛУПОСТИ, УПРЯМСТВУ, ЖАДНОСТИ И НЕ ЖЕЛАНИЮ ЗАДУМАТЬСЯ И ПОНЯТЬ, ПРОИГРАЛИ ТОТ КАПИТАЛ, КОТОРЫЙ НАМ ДОБРОВОЛЬНО ДАЛСЯ В РУКИ ДЛя БОРЬБЫ ПРОТИВ КОММУНИЗМА. В ГЛАЗАХ МНОЖЕСТВА РУС-

СКИХ МЫ УРОНИЛИ В ГРЯЗЬ ПОНЯТИЕ ОБ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ЦИВИЛИЗАЦИИ. ОДНАКО, ПРОИГРАВ ВОЙНУ, МЫ ВСЕ ЖЕ ОСТАВЛЯЕМ ПОСЛЕ СЕБЯ В НАСЛЕДСТВО ПОБЕДИТЕЛЯМ ХОТЯ БЫ ЧАСТЬ ЭТОГО КАПИТАЛА, КОТОРЫЙ БУДЕТ ЧРЕЗВЫЧАЙНО ПОЛЕЗЕН В БУДУЩЕМ. ВЕРОЯТНО, ВЫ МЕНЯ СЕЙЧАС НЕ ПОЙМЕТЕ, ЕСЛИ Я ВАМ СКАЖУ, ЧТО ТЕПЕРЬ ВЫ, ЗАПАДНЫЕ СИЛЫ, УПОДОБИВШИСЬ НЕМЦАМ, РАСТРАТИЛИ ЭТОТ КАПИТАЛ НЕ ТОЛЬКО В ФИЗИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ, НО, ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ, И МОРАЛЬНО, ОТОЛКНУВ ОТ СЕБЯ И ПРЕДАВ ТЕХ, КТО К ВАМ СТРЕМИЛСЯ ЗА ПОМОЩЬЮ, ЗА СПАСЕНИЕМ, КТО В ВАС ВЕРИЛ, КТО В СЕБЕ ВСЕ ЕЩЕ ИМЕЛ ВЕРУ В ЧЕЛОВЕЧЕСТВО, НЕСМОТРЯ НА ГЛУБОКОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ, ПЕРЕЖИТОЕ С НЕМЦАМИ, Я ДУМАЮ, Я ВЕРЮ, ЧТО ПРИДЕТ ВРЕМЯ, КОГДА ВЫ СХВАТИТЕСЬ ЗА ГОЛОВУ, ВСПОМИНАЯ О ТОМ, ЧТО ВЫ СДЕЛАЛИ В 1945 ГОДУ - КАКОГО СОЮЗНИКА, КАКУЮ СИЛУ ВЫ ОТОЛКНУЛИ ОТ СЕБЯ... Я ВЕРЮ, ЧТО ЭТО СЛУЧИТСЯ!

Полковник равнодушным взглядом скользнул по бледному лицу старого рыцаря.

- Возможно, - сказал он рассеянно.

Он даже не вдумался в слова немецкого пленного генерала. Ему просто не хотелось обидеть этого старика. Но даже, если бы он тогда задумался, он бы не поверил в это предсказание...

Jürgen Thorwald, Wen sie verderben
willen, Steinguben-Verlag,
Stuttgart, 1952.

Перевод с немецкого.

Ниже приводятся выдержки из книги Николаса Беттела - "Последняя тайна", напечатанной в журнале "Континент".

Бетелл Николас - английский журналист, член Палаты лордов и Европейского парламента. Родился в 1938 году, окончил Кембриджский университет по специальности востоковедения. Параллельно изучал русский и другие славянские языки. Занимался переводами русской и польской литературы, в частности в Англии вышли в его переводах произведения А.Солженицына - "Раковый корпус" и "Олень и шалашовка" И.Бродского, С.Мрожека.

В 1969 году в Англии была опубликована, написанная им, биография Владислава Гомулки, в 1972 году вышло в свет его историческое исследование: "Война, которую выиграл Гитлер" - история политики союзников и разгром Польши в первый месяцы мировой войны. Его книга: - "Последняя тайна" была опубликована в 1974 году английским издательством Андре Дейч.

"... 10 февраля на Юсуповской даче состоялся разговор между Сталиным и Черчеллем, при котором присутствовал только Иден, Молотов и два переводчика: Павлов и Вирзе. Отчет гласил:

Премьер министр говорил о трудностях, связанных с большим числом русских военнопленных на Западе.

- У нас их около 100 тысяч. 11 тысяч уже отправлено домой и в следующем меся-

це будет отправлено еще 7 тысяч.

Он хотел знать, что думает маршал об остальных. Маршал Сталин выразил надежду, что они будут отправлены, как можно скорее - с теми, кто воевал на стороне немцев разберутся в России.

Надо полагать, что Иден и Черчилль прекрасно понимали, что подразумевает Сталин под словом "разберутся", но они уже связали себя обязательством и не спорили.

На другой день были подписаны соглашения на двух языках: английское - Иденом и Молотовым, американское - военным атташе при посольстве Соединенных Штатов в Москве генерал-майором Джоном Динэм и советским генерал-лейтенантом Грызловым. За исключением деталей, они были сходны по содержанию."

ooOoo

"... Дэвису объяснили, что именно потому, что ему удалось завоевать доверие казаков, он должен продолжать выполнять свою работу и передавать им все распоряжения англичан. Операцию можно будет провести быстро и эффектно только в том случае, если военнопленные будут оставаться в блаженном неведении относительно своего будущего. А они будут продолжать верить в свою безопасность только, если Дэвис уверит их в этом. Исходя из этого, он должен тушить их страхи благодушными заверениями. Отныне он становится лжецом. Таков был приказ."

ooOoo

"... Утром 27 мая английские солдаты прочитали приказ бригадира Массона о всеобщем разоружении казаков, которое должно было состояться в два часа этого дня. Приказ был написан в таком угрожающем тоне, что стало ясно, что либеральное отношение к военнопленным окончилось. Теперь они стали врагами - это подтверждалось текстом приказа, содержащим ряд важных предупреждений:

"Дело, которое вам предстоит, потребует огромной выдержки и такта, но я уверен, что вы справитесь со многими трудностями, с которыми столкнетесь. Помните, что действия, проведенные быстро и согласованно, помогут спасти много жизней и избавят вас от несчастных случаев. Если необходимо стрелять - стреляйте и рассматривайте это задание, как военную операцию." (Выделанно мной - К.Ч.)

Если принять во внимание, что речь шла о такой операции, как обычное разоружение военнопленных, то подобный язык вызывал тревогу. Кроме того, с самого начала англичане оставили казакам оружие только ради собственной выгоды. Имей они достаточно сил, они провели бы разоружение в момент капитуляции. Приказ Массона выдавал чувство тревоги:

"Если лицо или группа лиц попытаются бежать, прикажите им остановиться под угрозой открыть огонь. Если они преднамеренно не подчинятся вашему приказу и побегут, открывайте огонь и цельтесь в ноги, если сочтете, что этого будет достаточ-

но для предотвращения бегства. Если нет - убивайте! (Выделенно мной - К.Ч.). Если на вас будет надвигаться, вышедшая из повиновения толпа, убивайте руководителя. Не следует стрелять по верх головы или в воздух, ибо в таком случае вы можете убить или ранить невинного."

Массон приказывал также своим солдатам и офицерам всегда иметь при себе оружие и не ходить поодиночке. В конце говорилось, что каждый военнопленный, уличенный в хранении оружия, после двух часов дня 27 мая, будет подвергнут наказанию вплоть до смертной казни.

Но ни намек на эти тревожные слова не дошли до казаков. Все, как они думали, шло своим чередом, чтобы подготовить им место вне Советского Союза."

N.Bethell, The Last Secret.

Х Х Х

Только через год после выдачи руководителей Освободительного движения народов России в советской печати появилось официальное сообщение ТАСС от 2 августа 1946 года:

"На днях Военная Коллегия Верховного Суда СССР рассмотрело дело Власова А.А., Малышкина В.Ф., Жиленкова Г.Н., Трухина Ф.И., Закутного Д.Е., Благовещенского И.А., Меандрова М.А., Мальцева В.И., Буняченко С.К., Зве-

рева Г.А., Корбукова В.Д., Шатова Н.С. по обвинению в измене Родине и в том, что они, будучи агентами германской разведки, проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против Советского Союза, то есть в преступлениях, предусмотренных статьями 58-1, 58-8, 58-1- и 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР.

Все обвиняемые признали себя виновными в смысле предъявленных им обвинений...

... Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила обвиняемых...

... к смертной казни через повешение. Приговор приведен в исполнение."

Еще через год 17 января 1947 года в "Правде" было напечатано следующее:

"СООБЩЕНИЕ:

Военная Коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела дело по обвинению арестованных агентов германской разведки, главарей вооруженных белогвардейских частей в период гражданской войны: атамана Краснова П.Н., генерал-лейтенанта белой армии Шкуро А.Г., командира "Дикой дивизии" генерал-майора белой армии князя Султан-Гирей Клыч, генерал-майора белой армии Краснова С.Н. и генерал-майора белой армии Доманова Т.И., а также генерала германской армии фон-Панниц Гельмута в том, что по заданию германской разведки, они

в период Отечественной войны вели, посредством сформированных ими белогвардейских отрядов, вооруженную борьбу против Советского Союза и проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против СССР.

Все обвиняемые признали себя виновными в предъявленных им обвинениях. В соответствии с §1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года, Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила обвиняемых: Краснова П.Н., Шкуро А.Г. Султан-Гирей, Краснова С.Н., Доманова Т.И. и фон Паннвиц к смертной казни через повешание. Приговор приведен в исполнение.

"Правда" №15 от 17 января 1947 г.

Х Х Х

Какие муки приняли в застенках НКВД руководители Освободительного движения, прежде чем их умертвили?!

Можно себе представить, как издевались над ними сталинские чекисты-садисты!

Х Х Х

Когда В.Штрик-Штрифельдта, как немецкого капитана, отделили от русских генералов Малышкина, Жиленкова и других русских офицеров, он был помещен в тюрьму вместе с другими немецкими офицерами. Штрикфельдт наблюдал, как некоторые американские солдаты грубо и издевательски относились к пленным немецким генералам и офицерам. Он видел, как какой-то американский солдат вел старого фельдмаршала Вейхса. Старый фельдмаршал был очень болен и еле двигался. Американец пинком ноги втолкнул его в камеру, Старик рухнул на пол.

Штрикфельдта ввели в камеру №97 и закрыли дверь. Зарешеченная камера была узка, нельзя было вытянуть руки по сторонам. Он морально страдал, его допрашивали, бросали незаслуженные упреки и грубо кричали:

"- Вы видели это? Фотографии из Дахау! Посмотрите-ка!

Сержант не поверил мне, что я не знал о страшных жестокостях, творившихся в немецких концлагерях. Он не верил мне также, как и мы, немцы и русские, не могли поверить в измену свободе со стороны свободной Америки..."

Однажды со мной случилось то же, что со старым Вейхсом. Когда меня привели от лагерного врача к моей камере, я не мог быстро сориентироваться в полутьме и не заметил открытой двери камеры. Пинком ноги солдат втолкнул меня в камеру. Я растянулся на полу. Когда я поднялся, мне казалось, что я не смогу и не должен пережить это унижение. Я сел на край нар, вынул спрятанное мною лезвие безопасной

бритвы, чтобы вскрыть себе вены. Тут взгляд мой упал на томик Нового Завета. Я открыл его наугад и прочел в Евангелии от Иоанна: "... без Меня не можете делать ничего."

Да, вы можете калечить меня, мое тело - я посмотрел на мои ободранные пальцы - но меня, мою честь, Божий лик во мне вы не можете затронуть. Тело лишь оболочка, не я сам. Без Него, без Господа, моего Господа, вы не можете творить ничего.

Я почувствовал прилив душевных сил. Я сидел и прислушивался к совершающемуся во мне чуду душевного перелома. Вдруг повернулся тяжелый ключ в дверном замке. Вошел молоденький американский солдат. Приложив палец к губам, он прошептал: - "Я видел все. Вот вам печеная картошка." Он вынул несколько картофелин из кармана брюк и протянул мне. Затем быстро вышел и запер дверь..."

"Кончая мои записки, я хотел бы вспомнить капитана Дэвида. Может быть, это было и не настоящее его имя. Капитана Дэвида мы узнали в лагере Мангейм - там отношения между победителями и побежденными носили отпечаток человечности. Дэвид был евреем, германского происхождения, вероятно, пострадал от нацистов. Но чувство мести было ему чуждо. Это он, вместе с пленными, оборудовал в Мангейме помещение для богослужений; это он, незаметно, но очень настойчиво, добивался различных облегчений для нас.

Я уже месяц сидел в одиночной камере, не имея представления, где я нахожусь и почему меня так держат. Однажды, совершенно неожиданно, в темном коридоре, когда меня вели от лагерного врача, я встретил капита-

на Дэвида. Дэвид узнал меня и спросил номер моей камеры. Через несколько минут он пришел ко мне и спросил:

- Как дела? Впрочем, что за глупый вопрос! Я вижу, что вам нехорошо. Но будьте довольны, что вы здесь, в американской тюрьме - на свободе тоже нехорошо. Хотя вы и не советский подданный, но вы были так тесно связаны с русскими, что лучше, если вы посидите здесь.

(Лишь позже я понял, что означали эти слова: понял, когда узнал, что союзники обязались в Ялте выдать Советскому Союзу всех бывших советских граждан; под действием этого соглашения, при определенных условиях, попадали и немцы. В Декларации Объединенных наций о правах человека заявляется, что каждый имеет право искать политического убежища в чужой стране. Но в "освобожденной Германии" русских людей выдавали, против их воли, советским палачам, при этом, в некоторых случаях, американские солдаты с автоматами выгоняли русских даже из церквей.

С отказом от прав человека наступил конец Освободительному движению народов России.)

Капитан Дэвид подробно расспросил обо всем, что меня волновало, но заметил при этом, что в нашем лагере он лишь временно заменяет товарища. (Из этого я сделал вывод, что наш лагерь размещен недалеко от Мангейма.)

Совсем неожиданно для меня он вспомнил, что в Мангейме я декламировал свои стихи, и сказал:

- Я пришлю вам бумагу и карандаш... и

что-нибудь почитать... и табак для вашей трубки, и спички...

Он сам принес все это мне в камеру. Для чтения - Гульбрандсена "И вечно поют леса".

Капитану Дэвиду обязан я и тем, что в последние недели заключения я уже не страдал от, ставшего почти невыносимым, одиночества: в мою камеру поместили образованного и симпатичного молодого русского эмигранта. Игорь - как звали моего нового друга - декламировал стихи Пушкина и Лермонтова, а я переводил их на немецкий язык. За те несколько недель, что мы провели вместе, мы стали настоящими друзьями.

Капитану Дэвиду я обязан и первым настоящим допросом за все месяцы сидения в камере и, наконец, моим освобождением.

Эти вспоминая - не запись моих переживаний. И я не хочу вызывать в памяти своего отчаяния и своих страхов. Но и выстрадавший мною опыт, и память о выпавшей на мою долю милости Божьей останутся со мной всю мою жизнь.

В.Штрик-Штрикфельдт, Против Сталина и Гитлера, Изд."Посев" Франкфурт, 1975, стр.403-408.

Английский лорд Николас Бетелл и немецкий капитан Вильфрид Штрик-Штрикфельдт в своих книгах описавшие действия неизвестного английского солдата, спасшего жизнь русского ребенка; американского капитана Донахю, прилагавшего все усилия для спасения от выдачи Власова; американского капитана Дэвида, прилагавшего все старания, чтобы

помочь пленным врагам - немцам, позволяет сделать правильный и неопровержимый вывод: рядовые офицеры и солдаты английской и американской армий, которых, очевидно, было много и много, вопреки приказов свыше, не отвергли подобающую человеку гуманность и милосердие, чем спасли честь английского и американского флагов, тогда как государственные мужи их правительств были верными ретивыми соратниками ужасного узурпатора и убийцы миллионов и миллионов невинных людей Иосифа Сталина и его палачей!

"Если необходимо стрелять, - стреляйте и рассматривайте это задание, как военную операцию."

писал в своем приказе бригадный английский генерал Массон.

В кого же приказывал стрелять своим солдатам и рассматривать это задание, как военную операцию английский бригадный генерал Массон? В обезоруженных, лишенных обманым образом своих офицеров, казаков? В обессилившую, растерявшуюся от страха толпу больных стариков, старух, в беременных женщин, в женщин-матерей, в малых детей?! В казаков, ставших друзьями английских солдат?!

Быть может, здесь какое-либо недоразумение, какой-либо подвох? Быть может, этот ужасающий приказ исходил от какого-нибудь гитлеровского садиста из Гестапо?! Или от сталинского вожака-палача Лаврентия Берия?! Или же это не недоразумение и не подвох, а на самом деле ужасный приказ, на удивление всему человечеству, отдал английский бригадный генерал Массон?! Или, быть может, генерал Массон не знал, что представляет

собой военная операция?!

В таком случае необходимо было бы генералу Массону, до отдачи его позорного приказа, столкнуться с вооруженным Казачьим корпусом, возглавляемым казачьими офицерами, быть может, вооруженные казаки научили бы генерала Массона разбираться - что из себя представляет военная операция, а что преступление!

х Х х

Пургой занесены бараки, на крышах гнезятся сизо-белые, обледеневшие снежные глыбы. Высоченный забор из колючей проволоки тянется далече - как не присматривайся, а конца не увидишь, где-то в дали чернеющего леса теряется. На вышках день и ночь стоят у пулеметов часовые. Утром, еще до рассвета, слышится топот тысячи человеческих ног, болезненный с надрывом кашель, окрики чекистов - "зверей" цоканье затворами автоматов да повизгивание злых овчарок - гонят на лесные работы колонны заключенных. 58-ая, ОСОБлаг - один из многочисленных концентрационных лагерей полонённой, изнемогающей в муках России... Из лесу, где работают заключенные, иногда слышатся отдельные выстрелы - это "звери" тешатся. От безделья этакий зверюга с автоматом посылает выбранную им жертву за запретную зону - запретная зона не обозначена и заключенные не знают, где линия проходит - принести полено или еще что-либо и пускают по жертве очередь из автомата... Оправдание для зверя есть - побег! Тело пристреленного раба лежит за линией зоны, да оно, и оправдание-то не требуется - Сталин и его "большие звери" в красном Кремле все равно с "малыми зверями" заодно!

X

X

X

В ненастную зимнюю погоду гудит, волком голодным воет, свистит соловьем-рабочником, гнет, ломает ветви, а то и с корнем выворачивает столетние высоченные деревья расхолодившийся злющий ледяной ветер. Несет снежные мутные стены сыпучего снега во все стороны, наматывает чудовищно-огромные сугробы, а в иных местах вылизывает до самой глубоко промерзшей земли серо-черные прогалыны...

В один из ненастных, холодных дней к ОСОБЛагу подъехали сани, запряженные парой малорослых, лохматых сибирских лошадок. Из саней, отряхивая снег, вылез человек и смело зашагал к воротам.

- Мы... да-да, доктор... Я имею распоряжение передать вам сына умирающей заключенной Рудаковой, - рассматривая документ и, поглядывая на хорошо знакомую ему подпись известного сталинского зверя, с деланной любезностью, заговорил начальник ОСОБЛага генерал МВД Серов.

Улыбаясь одними мутными, бесцветными глазами, он даже предложил профессору Иванову сесть.

- Я имею разрешение усыновить ребенка, товарищ начальник.

- Да-да, знаю... Садитесь, садитель, пожалуйста, доктор.

- Благодарю вас.. Я бы хотел просить вас, товарищ начальник...

Иванов немного замялся, а потом решительно проговорил:

- Будьте так любезны, генерал, разрешите мне посетить умирающую, если это, конечно, можно?

- О да, конечно.

Серов нажал на кнопку и сейчас же вошел и вытянулся, строго держа руки по швам, один из двух дежуривших у его кабинета чекистов.

- Проводите товарища в отделение туберкулезников, - коротко приказал он.

- Благодарю вас, товарищ начальник.

Очень благодарен вам.

- Пожалуйста, пожалуйста, доктор.

Серов слегка поклонился и, что ему не всегда удавалось, изобразил на лице любезную улыбку...

Светлана лежала с закрытыми глазами.

На бледном, безжизненном лице больной воспаленный румянец. Черные шнурочками брови строго сходятся у переносицы. Длинные черные ресницы иногда вздрагивают. Она спала. Иванов долго смотрел на свою питомицу, тяжело скорбил...

Как бы почувствовав его присутствие, Светлана проснулась. Она некоторое время, сосредотачиваясь, пытливо смотрела на сидящего у ее постели человека - не узнавала. Но вот, в синих, широко открывшихся глазах, засветились живые искры. Она улыбнулась. Иванов взял ее слабую руку, наклонился к ней.

- Николай Иванович, это вы? - тихо проговорила Светлана, пытаясь приподняться.

- Это я! Лежите спокойно... не нужно подниматься.

- Как вы попали сюда? Так далеко... далеко от всего мира! Не сон ли это опять? Я вас видела часто во сне... но вот... кажется, это не сон! Но, как вы уцелели?

Она касалась его одежды, стараясь убе-

даться, что перед ней на самом деле бывший доктор Первой дивизии Русской Освободительной армии.

- Где мой муж? Где все наши? Что вам о них известно?

- Они все разбросаны по разным лагерям. Я искал вас... и, наконец, нашел. Я прибыл из Москвы... Меня нашли чекисты в лагере заключенных и по приказу... знаете... реабилитировали... Это знаете... да, здесь об этом неуместно говорить.

- Да, конечно... я понимаю. Я думаю, Николай Иванович, мой муж, если только его не расстреляли, он жив. Он такой крепкий от рождения... Лагерный режим ужасен, но он выдержит... А я... вот, как видите. Я в заключении проповедовала христианскую православную религию, за что меня избивали, сожали в карцер и вот, разболелась я. Вот там лежит девушка... Она также проповедовала Православие и много раз была брошена в карцер, а теперь умирает.

Светлана умолкла, закрыла глаза, а потом, встrepенувшись, сказала:

- У меня есть сын, Николай Иванович, ему уже три годика!

Светлана улыбнулась, светя синими глазами.

- Я знаю! Я был очень тронут, узнав об этом вашем счастье, Светлана Николаевна!

- Я дала ему имя дедушки - Иван! Самое, что ни есть, русское. Да, я думаю мой муж хотел бы, чтобы его сын носил имя его отца! Наверняка! Я в этом уверена.

Помолчав, Светлана подалась в сторону Иванова. С трудом ей удалось приподняться.

Она лихорадочно быстро заговорила:

- Николай Иванович, я знаю насколько меня поразила болезнь... Мои часы сочтены. Я хочу вас... вас, мой благодетель... хочу просить вас...

Она остановилась, тяжело дыша, молчала. И опять, напрягая все свои слабые оставшиеся силы, заговорила:

- Меня волнует судьба моего сына. Мне удалось умолить начальство не отправлять его в детдом пока я жива... Врачи здесь из заключенных, знают горе... сочувствуют... и показывают сыночка моего мне каждый день через стекла дверей. А вас, Николай Иванович, я хочу просить позаботиться о моем сыне. Я думаю, быть может, вам удастся упрямить там... в Москве и... забрать Ваню... Мой муж повелел мне... если я останусь жива и если родится ребенок отправить его к родным на Дон. В станице Синявской живет двоюродная сестра моего мужа Мария Алексеевна Рудакова. По мужу она Щиглова. Скажите ей, что мой муж и я просим ее ради Бога принять и воспитать нашего сына. Она возьмет! Я уверена!

Светлана умолкла. Капли пота проступили на восковом лице.

- Я сделаю все, что только будет в моих силах, Светлана Николаевна. Я исполню вашу просьбу, не сомневайтесь, дочь моя!

Светлана схватила его за руку. Синие глаза лихорадочно горели...

- Успокойтесь, Светлана Николаевна.

Иванов взял ее руки, заботливо уложил ее в более удобное положение.

В палату вошел дежурный врач.

- Простите, доктор. Начальник лагеря приказал. Вы понимаете. Вас уже ждут с ребенком в коридоре.

- Да, я понимаю. Я сейчас иду. Прощайте, Светлана Николаевна! Прощайте доктор Рудакова!

- Прощайте, Николай Иванович. Да, чуть не забыла! Ваня не крещенный... здесь невозможно было... Понимаете?

- Я позабучусь, не волнуйтесь.

Иванов взялся за ручку двери.

- Николай Иванович! Ваню...

Спазм сковал ей горло. Она указала глазами на стекла дверей.

В коридоре ожидавшая медсестра подала Иванову ребенка. Он поднес мальчика к двери.

- Смотри, Ваня, там мама!

- Мама! Мама!

У мальчика засияли радостью глазенки. Он тянулся к смотревшей на него с любовью и скорбью матери... Рученки натыкались на стеклянную преграду... С трудом, теряя самообладание, Иванов двинулся с места... Прижимая к груди, ставшего плакать ребенка, шатаясь, пошел к выходу...

Дежурный врач подошел к Светлане, вспрыснул снотворное.

К вечеру у Светланы поднялась высокая температура. Она бредила... говорила с матерью, с отцом, с бабушкой... говорила с Власовым, звала мужа... шептала молитвы... говорила самые нежные, наполненные материнской любовью, слова к сыну...

Х Х Х

Душный летний день. Тысяча девятьсот пятьдесят первый год.

В операционной кабине московской больницы полная тишина. Над операционным столом, сосредоточенно следя за работой, склонились головы хирургов — профессор Иванов делает сложную операцию сердца.

Вдруг оглушительный треск распахнутых дверей — толпа вооруженных чекистов ворвались в кабинет.

— Вы арестованы! — прогремел приговор над головой Иванова.

Его схватили, скрутили, скомкали... Поволокли из кабинета... Лязгнул о пол, выпавший из рук, ланцет. Иванов пытался заговорить, дать какое-то важное указание докторам, чтобы спасти оперируемого пациента, но рука чекиста крепко сжимала ему горло. Его выволокли на улицу, бросили в "черный ворон", помчали на Лубянку...

Расстреляли...

Больше в Москве никто не решался за него вступить, не смел даже спросить, куда он делся!

В тот же день расстреляли и много других приговоренных, подобно профессору Иванову, за "шпионаж"... Только разница была в том, что уже приговаривали не за шпионаж в пользу Гитлера — нет! Приговаривали теперь за "шпионаж" в пользу английских, американских и прочих, и прочих капиталистов!

Обычная, ставшая неувидительной, сталинская, советско-коммунистическая действительность!...

Х Х Х

Пожимают руки, учтиво низко кланяются сталинским посланникам - министрам американские, британские, французские и прочие, и прочие президенты и министры. Почтенно, любезно им улыбаются... и опять, и опять стучат бакалами!

Демократы восторженно радуются, пьют шампанское за здоровье и успехи вождей коммунизма. А за здоровье "вождя мирового коммунизма - доброго дядю Джо, за отца народов, товарища Сталина"- особо.

Да, как же им не радоваться, да, как же не чтить этих вождей?!

ВЕДЬ ОНИ ЖЕ подлинные ретивые соратники вождей западных демократий!

ВЕДЬ ОНИ ЖЕ своей коммунистической системой превратили Россию из богатой и могущественной страны, в страну нищую и голодную - в рынок сбыта хлеба бизнесменов сытого капиталистического Запада!

ВЕДЬ ЭТО ОНИ - вожди коммунизма убили миллионы и миллионы самых трудоспособных, самых трудолюбивых людей России!

ВЕДЬ ЭТО ОНИ - вожди коммунизма во главе со Сталиным дали возможность Гитлеру убить 20 миллионов россиян!

ВЕДЬ ЭТО ОНИ - вожди коммунизма сделали Россию полностью экономически зависимой, именно от них - бизнесменов!

ВЕДЬ ЭТО ОНИ - вожди коммунизма старательно продолжают убивать и убивать подлинных патриотов - верных сынов и дочерей Великой России! Зачем? Для чего? Кому в угоду?

ВЕДЬ ЭТО ОНИ! ДА, ИМЕННО ОНИ - вожди коммунизма - богоборцы устранили страх у вождей западных демократий перед, когда-то могучей Великой Российской империей.

Как же не радоваться успехам в великих преступлениях коммунистических вождей?! Как же не кланяться им, не любить их?! Вот и кланяются любезно, вот и пожимают им крепко руки, вот и любят, вот и стучат бакалами!

Это уже демократическая действительность

А по всей измученной, страждущей России разбросал свои колючие сети, сосущий из людей кровь -

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ!

"Но, подобно тому, как мы ощущаем себя с вами союзниками, существует и другой союз.

На первый взгляд странный, удивительный, а если вдуматься, так очень даже обоснованный и понятный. Это союз наших коммунистических вождей и ваших капиталистов..."

Из речи А.Солженицына, произнесенной в Вашингтон-Хальтоне 30 июня 1975 года, и напечатанной в брошюре Издательства Новостей Свободных Профсоюзов на русском языке.

Х Х Х

Обратный перевод с английского.

СИНОД РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ЗАГРАНИЦЕЙ

Мюнхен 25 августа 1945 г.
№318

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ГЕНЕРАЛУ ДВАЙТУ Д.АЙЗЕНХАУРУ,
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ США
ЗАГРАНИЦЕЙ,

После семи лет ужасной войны - солнце мира взошло над страждущей землей. Этот мир завоеван героизмом Союзных войск и мудростью отвагой и самоотверженной доблестью их вождей. Среди их имен - Ваше имя стоит на первом месте. Эти имена будут благославляться теми народами, которым победа союзных войск вернула свободу.

С чувством глубокого удовлетворения эта победа была встречена беженцами из разных стран, которые сейчас проживают в Германии. Некоторые из этих беженцев были вывезены из стран, оккупированных немцами, насильственным путем. Чем труднее была их жизнь на чужбине, чем тяжелее ежедневный труд и лишения, тем больше они стремились вернуться домой, к своим родным.

Только одни русские, которых в Германии было больше, чем представителей любой другой нации, были лишены этой радости. Они бы-

ли принуждены оставаться на чужбине потому, что между ними и их Домом - стена, переступить которую не позволяет им их совесть и здравый смысл. Психологически, многим людям их трудно понять. Трудно понять людей, которые предпочитают тяжелую жизнь на чужбине возвращению к себе домой. Да, это вопрос, который уже давно требует самого тщательного рассмотрения друзьями русского народа и всеми интересующимися судьбами русского народа и России.

Русские, конечно, любят свою родину не менее, чем французы, бельгийцы или итальянцы любят свою. Русские тоскуют по родине. Если, несмотря на это, они все же предпочитают оставаться на чужбине, не имея жилища, часто будучи голодными и не имея юридической защиты, то это только по одной причине: они хотят сохранить самую большую драгоценность на этой земле - свободу, свободу совести, свободу слова, право на собственность и личную безопасность. Многие из них уже состарились и хотели бы умереть на родине, но это невозможно, куда там господствует власть, которая основана на терроре и подавлении человеческой личности.

Я должен со скорбью свидетельствовать, что это продолжается и сейчас, после окончания войны. Этот факт засвидетельствован теми из наших соотечественников, которые поехали туда по своей собственной воле или же в результате пропаганды - и в ужасе вновь бежали оттуда. Замечателен тот факт, что не только интеллигенция, но и крестьяне и простые рабочие, которые покинули Россию после 1941 года, когда она вступила в войну, и которые были воспитаны в условиях

советской жизни - не желают возвращаться в Советскую Россию. Когда попробовали их депортировать силой, они взывали в отчаянии и молили о милосердии. Они даже иногда кончали самоубийством, предпочитая смерть на чужой земле, чем возвращение на родину, где их ожидают одни страдания.

Такое трагическое происшествие имело место 12 августа в Кемптене. В этом месте, в лагере Ди-Пи, - большое скопление русских эмигрантов, т.е. людей, которые покинули Россию вскоре после революции, а также бывших советских граждан, которые несколько позднее выразили желание остаться за границей. Когда американские солдаты явились в лагерь с целью разделить этих эмигрантов на две категории и выдать бывших советских граждан в советские руки, то они нашли всех эмигрантов в церкви, горячо молящихся Богу, дабы Он их спас от депортации. Будучи крайне незащитными и покинутыми, они считали церковь своим последним и единственным убежищем.

Никакого активного сопротивления не было оказано. Люди, стоя на коленях, только молили о помиловании, стараясь, в полном отчаянии, целовать руки и даже ноги офицеров. Невзирая на это, они были силой изгнаны из церкви. Женщин и детей солдаты волокли за волосы и били. Даже священников не оставили в покое. Священники всячески старались защитить свою павству, но без успешно. Одного из них, старого и уважаемого священника, волокли за бороду. У другого священника изо рта сочилась кровь, после того как один из солдат, стараясь вырвать из его рук крест, ударил его в лицо. Сол-

даты, преследуя людей, ворвались в алтарь. Иконостас, который отделяет алтарь от храма, был сломан в двух местах, престол был перевернут, несколько икон были брошены на землю. Несколько человек было ранено, двое пытались отравиться; одна женщина, пытаясь спасти своего ребенка, бросила его в окно но мужчина, который на улице, подхватил на руки этого ребенка, был ранен пулей в живот.

Можно себе легко представить, какое огромное впечатление произвел этот случай на всех свидетелей. Особенно он потряс русских, которые никак не ожидали такого обращения со стороны американских солдат. До сих пор они видели от них лишь помощь и поддержку. Американские власти всегда оказывали уважение и доброжелательство русским церквям и церковным организациям. Надежда на защиту доблестной американской армии и побудила так много русских стремиться попасть в американскую зону оккупации.

Считая трагедию в Кемптене единичным случаем, имевшее место по недоразумению, русские люди твердо верят, что ничего подобного никогда больше не повторится. Они надеются, что им, как и раньше, будет оказана благожелательная помощь. Они уверены, что победоносная Американская армия, Армия страны, которая славится своей любовью к свободе и человечеству, поймет их желание отстаивать свои наилучшие национальные и религиозные идеалы, ради которых они страдают уже более 25 лет.

Мы с радостью отмечаем, что мы, русские эмигранты в Европе, не одиноки в этом отно-

шении. Недавно мы получили сообщение от епископов нашей Церкви в Соединенных Штатах о том, что они не согласились признать новоизбранного патриарха в России. Они считают, что было бы несовместимо с их чувством достоинства и священнической совестью быть в подчинении у учреждения, которое находится под полным контролем Советского правительства, старающегося воспользоваться этим в своих целях. Голос наших собратьев говорит об убеждении их многочисленной паствы в США.

Мы укрепляемся в вере, что стоим на правильном пути, отстаивая свою независимость от Московских церковных и политических властей до времени установления нового порядка в нашей стране, основанного на принципе истинной демократии, т.е. свободы братства и справедливости. Одержав славную победу вместе со своими союзниками, и раздвинув свои границы, Россия могла бы стать самой счастливой страной, если бы она вернулась к здоровой политической и социальной жизни.

Будучи уверенными, что победа вечной правды наконец восторжествует, мы всегда молимся, чтобы настали для нее, - России, как можно скорее лучшие дни, и чтобы мир и благополучие во всем мире установились бы по прошествии дней войны.

Благословение Господне да будет на Вас.

Ваш покорный слуга

МИТРОПОЛИТ АНАСТАСИЙ

Переписка ген.А.И.Деникина с ген. Айзейгауером и сенатором Ванденбергом по поводу - НАСИЛЬСТВЕННОЙ РЕПАТРИАЦИИ.

"В декабре 1945 года ген.Деникин прибыл в Соединенный Штаты. Вскоре в газетах начали появляться сведения о насильственной репатриации б.советских военнопленных - власовцев, казачков и других, и об ужасах, творившихся при этом."

... Я могу себе представить, какие чувства должны испытывать американские офицеры и солдаты - участники таких экзекуций...

Ваше Превосходительство, я знаю, что имеются "Ялтинские параграфы", но ведь существует еще, хотя и попираемая ныне, традиция свободных демократических народов - право убежища.

Существует еще и воинская этика, не допускающая насилий даже над побежденным врагом.

Существует, наконец, христианская мораль, обязывающая к справедливости и милосердию.

Я обращаюсь к Вам, Ваше Превосходительство, как солдат к солдату и надеюсь, что голос мой будет услышан.

Прошу принять уверение в моем искреннем уважении.

Генерал А.Деникин,
б. Главнокомандующий Русской армией
1917-1920 гг.

ОБРАЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА А.И.ДЕНИКИНА К
АМЕРИКАНСКОМУ СЕНАТОРУ - АРТУРУ
ВАНДЕРБЕРГУ

Октябрь 1946 г.

"... Сотни тысяч человек "дисплейсед персонс" сидят в лагерях оккупированной Германии и Италии. Эти люди лишены самых элементарных человеческих прав на свободу и вольный труд, т.е. на то, что столетиями боролось человечество.

И среди этих обездоленных самые несчастные - русские, ибо грозит выдача советской власти, с необыкновенным, зловещим упорством добывающейся этой "репатриации".

Теперь, когда столь многое из того, что творится за "Железным занавесом", стало явным, когда явилось уже столько живых свидетелей неопишуемой жестокости, с которой коммунистическая диктатура обращается с человеком, общественному мнению США должно быть понятно, почему эти русские люди больше всего боятся - возвращения на родину. Знала ли история подобное явление, чтобы десятки, сотни тысяч людей, вывезенных из родной страны, где протекала вся их жизнь, и где, следовательно, сосредоточились все их интересы, где остались их семьи и близкие, - не только всеми силами противились бы возвращению, но одна возможность его доводила бы их до сумасшествия, до самоубийства.

Пресса касалась этого вопроса не раз, в официальных докладах он освещен вполне. И Вы знаете, конечно, о тех кошмарных дра-

мах, которые разыгрались в лагерях Дахау и Платтлинге, когда американские солдаты силою волокли упиравшихся, обезумевших от ужаса, обливающихся кровью русских пленных, которые бросались под колеса грузовиков, перерезывали себе горло и вены, старались воткнуть себе в грудь штык американского солдата - только бы избежать "возврата на родину"... Эти страшные страницы стали уже достоянием истории и, думаю, их никогда не забудут участники - ветераны США.

Я знаю, что оправданием у творивших это дело служат Ялтинские договоры... Но подобный торг человеческими душами не может быть оправдан никакими политическими договорами. Ибо есть нечто превыше политики - христианская мораль, достоинство и честь человека.

Массовые выдачи в последнее время прекратились, но в небольшом числе советской власти все еще удается добывать свои жертвы. Как они с ними поступают, также хорошо известно. Путем невероятных усилий отдельным репартированным удалось вырваться обратно из лагерей СССР, и они поведали о всем пережитом на страницах печати. Эта была так страшна, что иностранцам все еще трудно в нее поверить. А тем временем русские люди, сидящие за проволокой лагерей, в приютах Красного Креста или на частных квартирах в зоне американской оккупации, живут в постоянном смертельном страхе, ожидая выдач их Советам.

Все эти люди - мужчины, женщины, дети, старики - чувствующие себя как на краю пропасти, перенесли такие лишения, такие страдания, что, если бы описать все ими пережитое, получилось бы небывало жуткая книга

человеческой скорби.

Они стучатся во все сердца, они шлют повсюду свое тревожное SOS, не переставая верить, что и за ними будет признано право на жизнь. Они ждут решения правительства свобододолюбивого народа.

Господин Вандерберг, помогите своим влиянием и авторитетным словом этим замученным людям, никакого преступления не совершившим, желающим работать на любом поприще, только бы жить, мыслить и умереть свободными.

Один русский религиозный мыслитель сказал недавно, что "человеческая совесть больна". От болезни можно, ведь, выздороветь, только смерть безнадежна.

Помогите же тем, кто верит в человеческую совесть!

Искренне Ваш

А.И.Деникин

б.Главнокомандующий Русской армией
1917-1920 гг.

(Архив К.В.Деникиной)

Перевод с английского

"Так как ген. Айзенгауер в это время отсутствовал из Вашингтона - он отбыл в Европу - то письмо вскрыл и ответил на него ген. Thos. I. Handy, который следующим образом объяснил причины и основания насильственных репатриаций: "

"Политика С.Ш. в отношении СССР требует от военных властей С.Штатов содействия репатриации советских граждан, которые пожелают быть репатрируемы. В отношении тех, кто не желает возвращаться в Советский Союз, политика нашего правительства состоит в том, чтобы не употреблять силы в принуждении к репатриации, за исключением тех случаев, когда данный индивидуум был одновременно фактическим гражданином в границах Советского Союза к 1 сентября 1939 года и подходит под одну из следующих категорий:

1. Был взят в плен в германской форме.
2. Был чином советских вооруженных сил к 22 июня 1941 года и не был ими от службы освобожден.
3. Был, на основании серьезных доказательств, сотрудником врага, добровольно ему помогавшим и его поддерживавшим.

Политика нашего правительства установлена после долгого и тщательного взвешивания всех этих факторов и Армия должна выполнять ее как можно лучше."

Thos. I. Handy, general Acting Chief
of Staff. 18 февраля 1946 г.

Цитированные письма в ПРИЛОЖЕНИИ К
ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ взяты из книги прот.
Александра Киселева - ОБЛИК ГЕНЕРАЛА
А.А.ВЛАСОВА, изданной Put' Zhizni,
St.Seraphim Foundation, Inc., N.Y.

Не вызвали у лидеров западных демокра-
тий обращение Первоиерарха Православной
Церкви за рубежом митрополита Анастасия -
не говоря уже о письмах ген. А.И.Деникина -
ни милосердия, ни сожаления, никакого сни-
схождения к их жертвам. Они даже после окон-
чания первых кровавых побоищ, еще долго про-
должали дружно и ревностно вместе со Стали-
ным, вылавливать и душить участников Осво-
бодительного движения народов России.

Х   Х   Х

Андрей стал забывать сколько лет прошло с тех пор, как он, преследуемый чекистами, бежал и бежал, и бежал и упал, потеряв сознание. Иногда ему казалось, что это было совсем недавно - год, два назад. Часто ночами ему снились страшные сны. Как наяву, слышал он остервенелый лай овчарок, выкрики озверелых чекистов, резкий треск выстрелов и свист пуль. В холодном поту вскакивал он, тяжело дыша, в полусознании шептал, заученную с детства, молитву: - "Живой в помощи Вышнего" и, лишь придя в себя, потрясенный страхом, потный, обессиленный, истово крестясь, опускался на землю.

Обычно Андрей на рассвете, помолившись Богу, двигался дальше, ища пищи и воды. Однажды он забрел в одну захолустную деревушку, состоявшую из двух десятков избушек. Подойдя к крайней у самого леса избушке, Андрей постучал в приоткрытую дверь и окликнул хозяина. Ему никто не отвечал. Заглянув во внутрь, Андрей увидел, лежащего на кровати, старца, манившего его пальцем и что-то, не долетающего до слуха Андрея, ему говорившего. Подойдя к старцу, Андрей поздоровался.

- Здравствуй, добрый человек, - отозвался старец едва слышимым голосом и, забрав в ладонь седую, пожелтевшую от старости, бороду, устремил на Андрея приветливый, доброжелательный взгляд, - Откель идешь? - спросил он.

- Сам не знаю, папаша, откуда и куда иду я. Слоняюсь по Руси-матушке, нет у меня ни дома, ни пристанища, - тяжело вздохнув, ответил Андрей.

Старец понимающе закивал головой и указал рукой на ковригу кукурузного хлеба.

- Закуси маленько да испей водицы с до-
роги, а потом и поговорить можно будет, -
предложил он.

Отломив кусок кукурузного хлеба, Андрей обратил взор на икону Богородицы, зашептал молитву. Глаза старца внимательно смотрели на Андрея. Съев хлеб и запив зачерпнутой из ведра водой, Андрей помолился, а потом поблагодарил хозяина.

- На здоровье, добрый человек, - добро-
душно закивал головой старец, - Тебя-то зо-
вут как? - спросил он Андрея, приглашая гла-
зами сесть у кровати.

- Андрей.

- Ась?

- Андрей!

- Вижу и ты, Андрей, не из молодых ми-
ра сего. А?

- Семьдесят шесть, папаша.

- Семьдесят шесть, говоришь, а мне сто
второй пошел! Пора на покой, да на все воля
Божья. Старуха моя на прошлой неделе померла.
Царство ей небесное! - помолчав сказал ста-
рец, - Схоронить ее помогли мне старики на-
шего захолустья. Дай им Бог здоровья! Моло-
дых-то у нас вовсе нет. Одних на войне уби-
ли, другие здесь по городам, думаю, разо-
шлись. Жизнь у нас туточки скучная для моло-
дежи-то. Да молодежь-то теперь пошла такая,
что больше веселья ищет. Да не то беда, что
веселья ищет, а беда в том, что ведет себя
непристойно, родителей не слушает.

Андрей, соглашаясь, кивал головой.

- Ты, Андрей, я вижу, из верующих?

- Верующий, папаша.

- Ну-ну, это хорошо. Чай, в первую мировую войну воевал?

- Воевал, папаша.

- А в революцию - эту смуту всероссийскую - на чей стороне воевал? Чай, не на красной?

- Нет, папаша, белый я офицер, казак донской.

- Спаси Христос тебя, Андрей. Оно против антихриста и жизнь свою в борьбе щадить нельзя. Беда наша, Андрей, что народ наш докатился до такой низости, что допустил царя убить нашего. Прозевал народ наш самого великодушного, самого милосердного, доброго царя. Вот в чем, я думаю, грешен народ наш. Правда, лукавый помутил разум народу нашему. Многие обманутые мужики пошли за антихристами - Советами этими - и наделали делов страшных. Чай сам знаешь?

- Знаю, папаша, знаю все это. Наделал наш народ грехов множество и искупать грехи эти со смирением, не ропща на Бога, нужно. Все мы грешные. Вот за грехи наши и страдаем теперь.

- Рад за тебя, сын мой! Вот как рад! Разумеешь ты то, что многим теперича и в голову не приходит. Но придет время, Андрей, когда Господь изгонит из России богоборцев, тогда вся Россия вспомнит своего царя-мученика Николая Александровича, царицу Александру Федоровну и деток их. На коленях вся Россия стоять будет, слезами горькими плакать будет... Знаю, что не увижу этих светлых дней, но Россия увидит! - с твердой уверенностью сказал старец и, помолчав, продолжал: - Хворобы никакой не чувствую я, но чувствую, что приходит конец жизни моей на

этом свете. Моя стара - покойная Евдакия Ивановна перед смертью тоже так чувствовала и все просила меня, чтобы я ей Святое Писание читал. Читал я ей кажен день, да что там читал, что на память знаю, то и читал. Глаза мои совсем слабо видят. Вот, попрошу я и тебя, Андрей, почитай и ты мне Святое Писание.

Старец взял с полочки, приделанной у кровати, Евангелие и протянул Андрею.

- Читай как было Рождество Иисуса Христа. Гляди от Матфея.

- Открыл от Матфея, папаша.

- Читай от стиха восемнадцатого.

18 "Рождество Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде нежели сочетались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святаго.

19 Иосиф же муж Ея, будучи праведен и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее.

20 Но когда он помыслил это, - се Ангел Господен явился ему во сне и сказал: Иосиф сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою; ибо родившееся в Ней есть от Духа Святаго;

21 Родит же Сына, и наречешь Ему имя: Иисус; ибо Он спасет людей Своих от грехов их.

22 А все сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит:

23 "Се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог" (Исаия 7,14).

- 24 Встав от сна, Иосиф поступил, как повелел ему Ангел Господен, и принял жену свою,
25 И не знал Ея, как наконец Она родила Сына Своего первенца, и он нарек Ему имя: Иисус."

- Конец главы, папаша.

- Да, знаю. А знаешь ли ты, Андрей, что значит слово обрученная?

- Знаю, папаша. По закону Моисея обручение имело значение - венчания.

- Правильно, Андрей, знаешь. А знаешь ли ты что еще пишут о Христе Спасителе и о Богородице святые евангелисты, и как ты разумеешь написанное?

- Знаю, папаша, и расскажу, как я разумею. Но лучше еще я прочту и главу вторую от Матфея.

- Читай!

1 "Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы* с востока и говорят:

2 Где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему.

3 Услышав это, Ирод царь встревожился, и весь Иерусалим с ним.

4 И собрав всех первосвященников и книжников народных, спрашивал у них: где должно родиться Христу?

5 Они же сказали ему: в Вифлееме Иудейском, ибо так написано чрез пророка:

6 "И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных; ибо из

---

* Мудрецы

- тебя произойдет Вождь, который упадет народ Мой Израель" (Мих.5,2).
- 7 Тогда Ирод, тайно призвав волхвов, выведал от них время появления звезды
- 8 И, послав их в Вифлеем, сказал: пойдите, тщательно разведайте о Младенце, и когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему.
- 9 Они, выслушавши царя, пошли. И се звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец.
- 10 Увидевши же звезду, они возрадовались радостью великою,
- 11 И вошедши в дом, увидели Младенца с Мариєю, Матерью Его, и падши поклонились Ему; и, открывши сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну.
- 12 И, получивши во сне откровение не возвращаться к Ироду, иным путем отошли в страну свою.
- 13 Когда же они отошли, - се, Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его, и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе; ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его.
- 14 Он встал, взял Младенца и Матерь Его ночью и пошел в Египет.
- 15 И там был до смерти Ирода, да сбудется реченное Господом чрез пророка, который говорит: "из Египта воз-

- звал Я Сына Моего" (Осия 11,1)
- 16 Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов.
- 17 Тогда сбылось реченное чрез пророка Иеремию, который говорит:
- 18 "Глас в Раме слышен, плач и рыдание, и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет" (Иерем. 31,15)
- 19 По смерти же Ирода, - се Ангел Господень во сне явился Иосифу в Египте
- 20 И говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его и иди в землю Израилеву, ибо умерли искавшие души Младенца.
- 21 Он встал, взял Младенца и Матерь Его и пришел в землю Израилеву.
- 22 Услышав же, что Архелай царствует в Иудее вместо Ирода, отца своего, убоился туда идти; но, получив во сне откровение, пошел в пределы Галилейские.
- 23 И пришед поселился в городе, называемом Назарет, да сбудется реченное чрез пророков, что Он Назореем наречется (Суд.13,5).

- Ну вот, конец второй главы, папаша. Теперь спрашивайте меня и я скажу что я знаю из Святого Писания.

- Вот видишь, Андрей, из прочитанного из Матфея мы знаем, что Ангел Господень говорил Иосифу, а теперь прочти, что сказа-

ла Дева Мария Ангелу, когда Он сказал Ей, что Она родит Сына?

- Сейчас найду, папаша. Это от Луки, святые евангелисты дополняют один другого, папаша.

- Я знаю, Андрей.

- Вот, нашел - это в главе первой, стих тридцать четвертый.

- Читай, Андрей!

34 "Мария же сказала Ангелу: как будет это, когда Я мужа не знаю?" - прочел Андрей.

- А теперь прочти, что сказал Ангел Деве Марии на ее вопрос.

35 "Ангел сказал Ей в ответ: Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим" - прочел Андрей.

- А что ответила Дева Мария Ангелу? Гляди тридцать восьмой стих, Андрей!

38 "Тогда Мария сказала: се раба Господня; да будет Мне по слову твоему. И отошел от Нея Ангел" - прочел Андрей.

- А теперь хочу слышать, как Богородица, родив Сына, спеленала Его и уложила в ясли. Гляди главу вторую и читай, Андрей!

1 "В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле.

2 Эта перепись была первая в правлении Квириния Сирию.

3 И пошли все записываться, каждый в свой город.

4 Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлием,

- потому что он был из дома и рода
Давидова,
- 5 Записаться с Мариєю, обрученною
ему женою, которая была беременна.
- 6 Когда же они были там, наступило
время родить Ей;
- 7 И родила Сына Своего первенца, и
спеленала Его, и положила Его в
ясли, потому что не было им места
в гостинице." -

прочел Андрей.

- Я часто размышляю, Андрей, - заговорил старец, - какую службу служил человек праведный Иосиф. Ведь он переносил все тяжести вместе с Присно-Девой с самого начала, как Она была ему обручена женой.

- Да, папаша, Иосиф был охранителем и попечителем Присно-Деве Марии. В те времена иудеи, если узнавали, что незамужняя девица имеет во чреве, то ее камнями забивали. Соседи Иосифа, видя, что Присно-Дева Мария имеет во чреве, думали что Она имеет во чреве от мужа Иосифа и все было спокойно, никто Ее не трогал. А потом еще же Иосиф должен был трудиться, чтобы заработать на пропитание. В общем Иосиф был охранителем и попечителем Присно-Девы Марии, которая, родив Сына Христа Спасителя, осталась Девой навсегда. Это таинство Божие, папаша. Много позже, когда Спаситель был распят, Он с креста поручил смотреть за Его Матерью своему Апостолу, которого любил - Иоанну.

- Я это знаю, Андрей. Я теперь хочу услышать слова Господа, сказанные Им на Тайной Вечере. Открой-ка от Матфея или от Марка.

- От Матфея, папаша, открыл.

- Гляди главу двадцать шестую. Нашел?

- Нашел.

- Читай от стиха двадцать шестого!

26 "И когда они ели, Иисус взял хлеб и благословив преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое.

27 И взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нея все;

28. Ибо сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов."

- Стой-ка, Андрей! Открой-ка теперь от Иоанна и гляди главу шестую.

- Нашел, папаша.

- Читай от стиха пятьдесят третьего, четыре стиха!

53 "Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни;

54 Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день;

55 Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье;

56 Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне и Я в нем;" -

прочел Андрей.

- Так-то, сын мой, Господь говорит! Ты, наверное, знаешь, Андрей, что на свете этом грешном есть секты разные. Их учение не от Бога, но от людей и, конечно, им неоткуда взять Святое Причастие, ибо у них, в сектах этих, нет епископов, а по сему и священников нет. Православным людям нужно остерегаться блуда всякого, держаться Православия, испол-

нять заповеди Господни и когда кому придет время, Господь заберет его к Себе. Меня, сын мой, многому и крепко научил один священник, отец Иоанн имя ему. Божий такой человек, скрывался в захалустьи нашем от советских. У меня жил он два года. Исповедовал и причащал всех силян наших вестимо. По праздникам молились мы все в избе моей. И вот беда стряслась страшная: нагрянул контроль ихней, советов этих к нам неожиданно. На паре добрых коней лиходеи, вооруженные до зубов, прикатили. Звезды на шапках, известно, красные. Отец Иоанн как раз зачал службу — день воскресный был. А они по хатам шарили. Я со старой своей у окна стоял. Видели, как звери эти к нашей избе направились. Я хотел было сказать батюшке, да вижу, что он тоже видит их, но продолжает службу, а мы все молимся. Звери распахнули двери и схватили отца Иоанна, свалили на пол и бить зачали. Я кинулся было оборонять батюшку, да меня один зверь так долбанул ногой в живот, что стара моя только к вечеру мне на кровать помогла взобраться — лежал весь день на полу без движения. Звери выволокли батюшку на двор, привязали за руки до подводы и коней шибко тронули. Батюшка бежать должен был. Падал он, а они его били, подымали и опять коней шибко трогали. Люди наши смотрели и плакали... Да, Андрей, страшные дела у нас на Руси творятся.

Старец, помолчав, сказал:

— Молиться, Андрей, нужно всему народу нашему крестителю Руси нашей святому князю Владимиру. Да знаешь ты, Андрей, крестил он Русь, когда она еще языческой была, в темноте прибывала, стало быть, не знала правды

Христа Спасителя. Владимир Красное Солнышко зовет народ наш с истории его. Аль так, Андрей?

- Истинно, папаша!

- Спаси Христос тебя, сын мой! Святой князь Владимир - он отец наш, отец всей России нашей. Ты на своем пути поведай это народу нашему, особливо молодежи. Каждого научай, Андрей, что святой князь Владимир много потрудился для народа своего, ему и молиться нужно, и благодарить его. А он за народ свой возносит молитвы свои горячие к Богу. Царица Небесная, святой равноапостольный княже Владимире и все святые в земле русской просиявшие испросят у Бога свободу для России нашей и Господь сокрушит богоборцев и зазвонят тогда колокола по всей Святой Руси, и правда вечная, Христова правда, восторжествует в России нашей. Верь в это, Андрей!

- Верю, папаша!

- Спаси Христос, сын мой!

Старец опять помолчал, а потом спросил:

- Аль ты, Андрей, знаешь правило рукоположения священников?

- Знаю, папаша.

- Говори!

- Источник священства достиг епископов, а потом и священников через апостолов от Главы Церкви - Господа Иисуса Христа, что передано в Церкви епископам. Они приемники апостолов и только они, в свою очередь, рукополагают священников. Тысячи священников не могут "создать" еще одного священника. Повторяю, только епископы! Священники совершают все таинства, как бы по поручению епископа, как его - епископа удлиненные руки. Это то, что я знаю и это истина, папаша.

- Слышу, сын мой, истину сказал ты!

Старец приподнял голову и восхищенно смотрел на Андрея.

- И еще скажу, папаша, вот что: об литургическом таинстве Тела и Крови Христовых священники и, конечно, знающие люди говорят - ПРЕ-ЛО-ЖЕ-НИ-Е. Незнающие этого люди говорят в простоте: хлеб и вино становятся Телом и Кровью Христовыми. В простоте так сказать можно, но очень грешно применять слово - перевоплощение хлеба. Это философский термин говорящий, что каждый человек превоплощается многократно. В религиозном употреблении этот термин - превоплощение - ложен еще и потому, что хлеб не плоть.

- И это знаешь, Андрей? Спаси тебя Христос, сын мой! Этому поучал меня дорогой наш батюшка отец Иоанн. Ты, я вижу, гдесъ тоже учился, Андрей? Ась?

- Учился, учился, папаша, я. Вначале учил Закон Божий в приходской школе. А позднее у нас на Дону один молодой священник организовал библейские уроки. Вот на этих занятиях я и подучился и кое-что знаю. Благодарю Господа за знание, которое я обрел.

Андрей истово перекрестился на икону.

- Да, забыл я, папаша, чтобы рукоположить епископа, то тут нужно два епископа.

- Я знаю, Андрей, я знаю.

- Спаси Христос, папаша.

- Гляди, Андрей, на дворе почти что темно, ночь наступает, а лучину у меня нечем зажечь. Давай-ка Евангелие я положу на место, вот тут у меня на полочке.

Старец положил Евангелие на полочку, поудобнее улегся, а потом сказал:

- Да, царь Ирод был особенно страшным человеком, но с тех пор, как Ирода не стало, только советская сталинская власть стала учить, как убивать людей до младенцев. Страшный зверь Сталин оказался!

- Ой-ей, папаша! Да какой страшный. Сталин с его сотрапами убили огромное количество людей. Во время так называемого "раскулачивания" когда миллионы тружеников земледельцев, гнали с их грудными детьми, да и с подростками в лютые морозы. Гнали их в Нарымские болота, чтобы все они там умерли, а дети околевали еще раньше - по дороге. Сколько Сталин убил детей всех возрастов? А? Что скажете, папаша?

- Страшный вопрос задал ты, Андрей, и думать страшно.

- Да, папаша, и думать страшно! А сталинов этих создала коммунистическая система - система марксизма-ленинизма. И впредь так будет пока не откажутся советские заправилы от марксизма-ленинизма. Да сами они откажутся ли? В прошлую войну гитлеровцы еще больше укрепляли власть тирана Сталина, то же самое делали и западные демократии. Как можно свернуть власть этого изверга, папаша?

- Не турбуйся, Андрей. Придет время и Господь сокрушит этот самый богоборческий марксизм-ленинизм и не будет от больше извергов создавать. Проходили через наше захолустье беглые из заключения власовцы, рассказывали мне идею их, это значит, генерала русского Андрея Андреевича Власова и объясняли мне, что во всей трагедии нашего народа виновна коммунистическая система - система марксизма-ленинизма. Ой, как правы эти люди власовцы, Андрей!

- Да я же из них, папаша! Я тоже из них.

- Стало быть, ты Андрей власовец?

- Да, я участник Освободительного движения народов России, которое возглавлял генерал Андрей Андреевич Власов! Я сам монархист и видел, что дорога к восстановлению монархии у нас в России идет через идею генерала Власова. На Движение Власова дружно навалились злые враги нашей России, несметные силы врагов навалились на нас. Мы проиграли, хотя и временно, но проиграли, папаша.

Андрей опустил голову, тяжело скорбя. Старец долго смотрел на Андрея, а потом сказал:

- Не скорби, сын мой, ибо придет время рано или поздно, но дай Бог нашему народу поскорее услышать как над Россией прозвучит имя Андрея Андреевича с великой похвалой. Верь в это, Андрей!

- Верю, папаша!

Старец помолчал, что-то размышляя, а потом сказал:

- Ты, Андрей, коль я помру, может и этой ночью, возьми и сохрани Святое Писание. В подарок это тебе от меня. У нас тут есть еще у наших стариков местных, а в других местах и одного, быть может, нету. Стало быть, нужно будет тебе Слово Божье в пути твоём.

- Спасибо, папаша, возьму и сохранию.

- Спаси Христос, сын мой. Коль доведется тебе встретить на пути твоём отца Иоанна Макарова, передай ему от селян наших и от меня, Ивана Столяра, поклон земной. Его не раз ловили звери красные, да Господь освобождал его. Так и опять он, батюшка наш, здесь объявится и опять будет люд наш Христовой правде учить. Скажи отцу Иоанну, что стара моя померла, ра-

ба Божья Евдокия, батюшка отслужит заочно отпевание.

- Все передам отцу Иоанну, коль встречу с ним, папаша.

- Спаси Христос, сын мой, благодарствую! Помолившись на сон грядущий, старец пожелал Андрею спокойной ночи...

Утром хоронили почетного старца...

Оглядываясь и крестясь на сосновый крест, Андрей побрел дальше. Долго еще колесил Андрей по всем дальним, упрятым куткам бездорожными лесами похищенной России, куда не всегда достигала власть красных властителей.

В одном месте встретился с пожилым священником, отцом Андрианом. Батюшка тоже был из беглых. При побеге поранили его и заметно прихрамывал он на одну ногу, а прошел он сотни и сотни километров, тайно службы служил, крестил детей России на пути своем. С этой целью и побег совершил отчаянный. Сопровождали отца Андриана бывший преподаватель советского ВУЗа (высшее учебное заведение), Николай Николаевич Морозов и отрок Мишутка. Морозов из беглых был, а отрок из беспризорников.

Уже поздно ночью, улегшись спать на полу в одной из бедных саманных хатенок, Колосов и Морозов разговорились. Морозов рассказывал о жизни в Москве, а затем о неожиданном аресте, бегстве из лагеря заключенных и как он подвязался прислуживать отцу Андриану.

- Крепкий духом дорогой наш батюшка, да и физически не из слабых. Сколько сел, деревень, хуторов мы прошли с ним уж теперь и не сосчитать - не помню, Андрей Тимофеевич.

- А Мишутка ваш, где же он подвязался? Гляжу на него и вижу - умница парень.

- В одном захолустном селе. Из беспризорных детей он. Ему тогда всего десять лет было. Славный хлопец, и правду сказали вы - умница он прибольшой. Учится прилежно у ба-тюшки как толковать Святое Писание.

Морозов подтолкнул под голову побольше соломы, поудобнее улегся.

- А вот расскажу, Андрей Тимофеевич, - снова заговорил он, - как однажды пришлось нам встретиться в одном селе с двумя парнями - тоже беглыми из заключения. Оба молодые и оба очень милые люди, да сектантами оказались. Один баптист, а другой еговист. И вот однажды разгорелся между ними спор горячий. Вижу, что они уже руками размахивать стали, жестикуляция страшная. Я стал прислушиваться к их спору и подошел к ним. Ребята, говорю, ненужно так громко, потише говорите. Из спора выявляется - у одного и другого поддельные Евангелия. У еговиста изъята Святая Троица. Там, где написано: "Бог пришел к нам во плоти" - написано: "Он пришел к нам во плоти". Креста нет. Спаситель по их учению был распят не на кресте, а на каком-то столбе. А главное, Христос Спаситель у них не Бог. Я был крайне удивлен, когда баптист, выкрикивая все подделки еговистов, выхватив из рук еговиста Евангелие, стал показывать подделки в Евангелие еговиста. Когда же я взял Евангелие баптиста, то и в нем нашел подделку, и вот такую: - в Первом Послании Апостола Павла, эта глава четвертая, стих пятнадцатый к Коринфянам. Так вот в том месте, где святой Апостол Павел написал: "Ибо, хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов:". Ясно, что Апостол Павел имеет в виду

отцов духовных - священников. Так вот баптисты заменили текст об отцах так: "вы имеете только одного Отца". Ясно, что Отца Бога. Так что отцы - священники изъяты из Евангелия у баптистов. На другой день рассказал я все отцу Андриану и попросил дать мне Евангелие, не помню какой давности, в котором написано, что Евангелие переведено с оригинального греческого языка. Вы, наверное, знаете, Андрей Тимофеевич, что в те времена не было ни баптистов, ни еговистов, ни вообще никаких сект, называющих себя христианскими. В те времена была во всем свете одна Церковь Христова - Христианская Православная Апостольская и Соборная Церковь, до откола от нея через почти тысячу лет римских католиков в тысяча пятьдесят четвертом году (1054).

- Да, да я знаю это, Николай Николаевич, - отозвался быстро Колосов, - ну, так что же произошло с сектантами этими?

- Так вот же хочу рассказать. Прихожу это я в хатенку, хозяева которой приютили этих сектантов беглецов из-за проволоки лагеря заключенных, и вижу сидят оба и кушают картофель, отваренный в мундире с кукурузным хлебом. Едят и сопят, а не смотрят друг на друга. Не стану рассказывать подробности, а скажу только, что после почти часового разговора, на котором выявилась вся хитрость в подделки Евангелия. Собравшиеся селяне, а их пришло немало, только руками всплескивали, дивясь хитрости поддельщиков. И вот еговист, которого все это время бросало в дрожь и пот, поднявшись и выйдя на середину горницы, громко сказал:

- Понял я, люди добрые, - кто-то боится креста, кому-то хочется доказать, что Христос Спаситель не Бог, - не получится!

Круто повернувшись, он крестясь упал в земном поклоне перед иконами и, слезно молясь, стал просить прощение у Господа.

- Кому-то хочется отделаться от священников - не получится! - сказал баптист и тоже упал перед иконами.

- Представляю, как радовались все присутствующие, Николай Николаевич. А?

- Радовались, да слов не хватает выразить эту радость. На другой же день отец Андриан обеих ребят исповедовал и причастил.

Морозов помолчал, а потом спросил:

- А вы как Андрей Тимофеевич думаете с нами оставаться?

- О нет, Николай Николаевич, о нет, дорогой мой! Вот уж как долго одолевают меня думки мои, думки волнующие. И уж решил я направить свои стопы к родной реке - к Дону Ивановичу. Стар я уж и здоровье сильно подорвано, а умереть вдалеке от родного Дона нежелательно. Вчера отслужил отец Андриан благодарственный молебен Господу за спасение меня бессчетное количество раз на войне, а потом вот при побеге из лагеря заключенных. Отслужил заочное отпевание по одному почетному старцу и его покойной супруге и панихиду по покойной моей супруге. Старец-то тот столетний был, да уж и перевалило за сто. Подарил старец этот мне святой подарок и сказал, чтобы сохранил, я, говорит, помру и может этой ночью. Так и случилось. Царствие ему небесное!

Андрей вынул, запрятанное на груди Евангелие и показал Морозову.

- Два столетия прошло, как это Евангелие печаталось у нас на Руси, - молвил Морозов, рассматривая Евангелие.

- Да, это так. Приспособился я - вот у меня тут под лохмотьями моими карман внутренний я пристроил. Вот в нем и скрываю и берегу Слово Божье.

- У нас тут затишье, быть может, временное, но затишье, - сказал хозяин хатенки и, войдя в горницу, сел на солому рядом с Колосовым.

- Никадор Иванович, вот тут Андрей Тимофеевич рассказал мне путь свой тернистый и о решении своем неотклонным путь держать к родному дому - казацкому Дону.

- Помогай Бог, помогай Бог, Андрей Тимофеевич, я приветствую!

- Благодарю вас, Никадор Иванович, благодарю, родной мой!

Колосов пожал крепко руку хозяину избушки, и поблагодарил его за хлеб-соль.

На другой день отец Андриан, выслушав решение Колосова отнести святой подарок - Евангелие на Дон в родную станицу, очень тронут был и тут же отслужил напутственный молебен. Прощаясь, подарил маленькую иконку Донской Богородицы. Увидя икону в руках отца Андриана, Андрей, обливаясь слезами, упал в земном поклоне перед иконой Донской Богородицы.

- Идите, Андрей Тимофеевич, идите, родной мой, без страха и с бодростью, с моим благословением, да хранит вас Господь Бог, - сказал отец Андриан.

Местные жители, прощаясь, желали Андрею успешно достичь казацкий Дон. Морозов проводил Колосова до края села. Прощаясь, сказал:

- Храни Святое Евангелие, Андрей Тимофеевич, храни, родной мой! Я долго размышлял и понял, что Евангелие дает знания превыше всех других, ибо оно от Бога.

Хранил Андрей святые подарки на груди своей. Шел бодро, уверенно, без страха, как повелел отец Андриан...

Длинный и долгий путь остался позади и вот у границы Войска Донского подул Андрею в лицо ветер оживительный. Пряный запах степных цветов всю его душу наполнил и ободрил его. Каждая травинка приветливо кланилась ему, зная узнала степь донская своего сына родного. В тишине ночной прислушивался Андрей к звукам степным и казалось ему, что колосики ковыли донской ласково прислоняются к нему, наперебой рассказывают ему о славе Войска Донского: о князе сибирском Ермаке Тимофеевиче, о грозе Елисейских полей графе Платове, о генерале Закланове и о многих и многих других героях, своей кровью и потом всех врагов из Руси-матушки изгнавших и в мощную империю ее сколотивших...

Просыпался Андрей на заре с улыбкой радостной, набирал в легкие побольше воздуха оживительного и, помолившись, дальше двигался...

Наконец, завиднелись вдали в степи места с детства памятные и устремился он к ним что было силушки. К полдню, когда солнца уже высоко над самой станицей стоит, достиг он высоты, заленным бархатом и полевыми цветами украшенной. Ползком взобрался он на самую вершину ее, устремил взгляд на родную реку. По-прежнему плавно катился древний Тананс, по-прежнему нес свои воды в Азовское море...

- До-нуш-ка, Дона милеханькой, До-нуш-ка, Дона роднеханькой! Господи, слава Тебе! Слава Тебе! - истово крестясь, зашептал Андрей пере-сохшими, потрескавшими губами.

И тут же почувствовал не болезнь, но час свой смертный. Он спокойно, смиренно принял чувство это и умиленно смотрел на родной ка-зацкий Дон-батюшку. Видел родную станицу. Ви-дел на леваде казаков с косами. Весна была - все красовалось озаренным ярким солнцем. Ви-дел Андрей, как по улицам станицы ходят моло-дые казаки, казачки, старики, старухи, бегают малые дети - казачата. Чувствуя биение сердца, затаив дыхание, не шевелясь смотрел Андрей на всю развернувшуюся перед ним живую картину, умиленно радостно лаская взглядом всех и вся.

Андрей хотел было двинуться дальше, но неожиданно последние силы покинули его. Не мог двинуться с места. Заволновался Андрей, трево-га всю его душу охватила, волнующие мысли про-низали мозг: - Не донесу до казаков! Не вручу им в руки Святое Евангелие и икону Донской Бо-городицы!

Как вдруг, невдалеке от себя Андрей уви-дел мальчугана лет семи, восьми с виду. Маль-чуган держал в руках букет тюльпанов. У него из-под ног выскочил кузнечик и он смотрел вслед, сверкавшему нежно-розовыми крылышками летевшему кузнечичу. Глаза мальчугана встре-тились с, пристально смотрящими на него, гла-зами Андрея. Мальчуган спокойно стоял и с лю-бопытством рассматривал человека в лохмотьях, обросшего с нечесанной бородой Василькового цвета глаза, темно каштановый густой чуб, бе-лое с ямочками на румяных щеках лицо и черные шнурочками брови напоминали Андрею кого-то

знакомого, очень хорошо знакомого.

- Казак? - слабым голосом спросил Андрей.

- Казак.

- Как зовут-то тебя?

- Иван.

Андрей со вниманием продолжал рассматривать лицо мальчугана. Помолчав, не отрывая глаз, спросил еще:

- А чей ты?

- Рудаков.

- А как маманю зовут-то твою?

- Маманя, - едва слышно произнес казачек, бросив растерянный взгляд на Андрея.

А потом, опустив голову, потупясь, сказал:

- Светланой Николаевной звали маманю мою.

И еще ниже опустив голову, опустив длинные черные ресницы, приглушено, подавлено сказал:

- Нету у меня мамани. Маманя моя умерла далеко, далеко от Дона, в лагере заключенных, там, где я родился. А папаня мой...

Казачек потупился и умолк. Помолчав, сказал:

- Меня один хороший дядя привез на Дон к тете Маше. Моя маманя любила тюльпаны, - опять помолчав, сказал казачек и, засияв васильковыми глазами, нежно прижал цветы к лицу. - Моя маманя была врач. Она лечила даже хворых людей. Она проповедовала Евангелие - Слово Божье среди заключенных. Маманю били, крепко били за это и она расхворалась и померла. Так казаки у нас в станице гуторят, - опять потупясь, приглушено, подавлено сказал казачек.

- Иван, я знал твоего прадеда, деда и отца. Я знал твою маманю, - напрягая силы,

громче заговорил Андрей.

Казачек быстро поднял голову и подошел вплотную к Андрею, Присев на корточки, с восторгом, любопытством и с заметным волнением выжидательно смотрел ему в глаза.

- Я, Иван, старый друг семьи Рудаковых и крестный отец твоего папани. Я подарил твоему папане шашку. Это обычное казацкое оружие, но у меня есть другое Оружие, Оружие Всесильное, которое приносит жизнь вечную!

Слабой костлявой, старческой рукой Андрей вытащил из-под лохмотьев, покрывающих его тело, запрятанное на груди Евангелие и протянул его казачку.

- На бери, казак, это Евангелие, изучай и проповедай Дону правду вечную, Христову правду!

- Спасибо, дедушка.

Казачек взял Евангелие и, отсегнув воротник голубой косоворотки, тщательно запрягал подарок. Андрей заметил, блеснувший на солнце, на груди казачка нательный крестик.

- Есть ли церковь в станице, Иван?

- Нету, дедушка. Мы в одном доме тайно собираемся и молимся.

- Стало быть, казаки приходят молиться?

- Полно! Дядя Дима тоже с нами молится.

Он уже не комиссар, он демобилизовался, верующим стал и вместе с нами Богу молится.

Помолчав, казачек добавил:

- И меня любит, учит меня как через барьер на коне прыгать.

- Это радость, Иван. А батюшка станичный?

- Нет. Кубыть с Ростова гутарят. У нас

наездами только бывает. Вчерась вечером, как темно стало, прибыл - от властей хоронится. Он тетю Машу и дядю Диму очень любит. А я батюшке всегда прислуживаю.

Казачек радостно засиял васильковыми глазами.

- Как зовут-то батюшку?

- Отец Василий.

- Его слушай, Иван. Он тебя научит Святое Евангелие уразуметь.

Казачек утвердительно кивнул головой.

- Ну, а теперь беги, Иван, в станицу и скажи казакам, чтобы пришли меня схоронить. Я зараз помирать стану, ибо мой час пришел. Передай, Иван, отцу Василию от меня поклон земной. Скажи батюшке, что просил его раб Божий Андрей Колосов, чтобы батюшка меня и жену мою покойную рабу Божию Екатерину в молитвах своих поминал. Скажи, скажи, Иван, ему - отец Василий будет знать от кого поклон и просьба эта к нему. Знает он меня с самой юности моей. Беги, казак, в станицу, беги чадо казацкого Дона, зови батюшку и казаков схоронить меня...

Казачек бросил на Андрея понимающий, осмысляющий взгляд, быстро спрятав в своих лучистых васильковых глазах, охватившую его скорбь, и сказал:

- Папаня мой надьсь был у нас. Он с дядей Ваней Саркисьяном в подпольи за свободу России борится. Жив папаня мой! Жив крестный сын ваш, дедушка!

- Слава Богу, Иван!

Колосов истово перекрестился. Собрав последние силы, Андрей сказал:

- Скажи, Иван, казакам, чтобы постоянно молились крестителю Руси нашей святому

князю Владимиру - нашему Красному Солнышке! Он за всех нас, за Россию нашу с Царицей Небесной усердно Богу молится. Скажи это, Иван, казакам!

- Скажу, дедушка! - громко воскликнул казачек и, повернувшись, быстро побежал к станице.

"Ах, забыл!" - с досадой подумал, смотря вслед бегущему казачку, Андрей, нащупывая на груди, запрятанную иконку...

Уходя в небытье, Андрей все еще слышал, как перешептывается ковыль донская с седыми волнами древнего Танаиса, душой чувствовал, как по-прежнему над Доном витает и разносится по всей вселенной неугосимая слава казачья...

Когда уже стало совсем темнеть, двое казаков, поддерживая под руки маленького, сухощавого, старенького священника, подошли к телу Андрея. За ними поспешая подошли еще несколько казаков и казачек.

- Он! - сказал один, склонившись над лежащим с протянутыми руками Андрея.

- Да, это он - Андрей Тимофеевич колосов. Добрый был казак, - медленно с глубокой грустью проговорил другой казак и, ниже склоняясь над покойником, вдруг увидел, что в протянутых руках он держит небольшую иконку Донской Богородицы.

Покойник держал икону лицом к Дону, в сторону Азова-города, как бы желая напомнить казакам об Азовском сидении, как бы просил и указывал им, чтобы казаки, подобно казакам - защитникам Азова, усердно молились Заступнице ВОЙСКА ДОНСКОГО столь усердно, столь долго, не щадя жизнью своих

сынов, оберегавшего ДОМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ - РУСЬ-МАТУШКУ БОГОМОЛЬНУЮ от всех врагов ее злоумышленных.

Похоронив новопредставленного, казаки, бережно держа под руки глубокого старичка священника, скользя, оставляя за собой на траве изгибистой, неровной стежкой темнеющие пятна следов, побрели к станице. Казак, взявший из рук покойного икону, с искаженным от боли лицом, тихо молился:

- Заступись, Владычица, заступись за нас многогрешных, освободи Русь Святую от коммунистов, как освободила от бусурманов, прикрой нас всех Своим причистым Омофором, Царица Небесная!

С лица казака падали горячие слезы на густой, едва заметно колышимый теплым южным ветром, ковыль.

В ночной темноте замолкал и вновь резко взрывался назойливый треск сверчков. Над ставком у кургана серозеленой тучей неугомонно гудели камары. В яркозеленой куге изредка вскрикивал синеглавый селезень, что-то наставительно борматала, хлюпаясь в воде, толкавшимся вокруг ее молодому выводку, утка. Где-то вдаль вскрикивала сова. В роще, захлебываясь, заливались нескончаемыми трелями голосистые соловьи.

А за, незаренными еще солнцем, курганами, растелалась, врагами Бога полоненная, в Архрпелаг ГУЛаг обращенная, сталинским террором истерзанная, страхом скованная, страдающая Русь...

Не успела еще потухнуть на небе последняя звездочка, как в синем поднебесье, высоко, высоко забился, затрепетал звонкий

жаворонок. Прибежавший еще до восхода солнца, казачек принялся заботливо укладывать могилу тюльпанами. Лишь первые брызги солнца осветили зеленым бархатом и полевыми цветами украшенную высотку, стал виден, одиноко стоящий, могильный крест.

А вокруг скатертью нарядною покрытая, под весенним солнцем сияла, цвела донская беспредельная, Диким полем встарь прозванная, казацкая степь...

Х   Х   Х

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Читатель, прочитав роман МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ, нашел в нем Манифест КОНР и другие исторические документы, однако, во всей книге преобладает роман.

Цель способа такого написания книги - как можно ярче нарисовать, понятнее осветить Великую трагедию Освободительного движения народов России 1941-1945 годов.

Насколько это автору удалось - пусть судит об этом сам читатель.

Мной неволью, по незнанию, были допущены в книге досадные ошибки на религиозную тему.

Первая из читателей сообщила мне об ошибках псаломщица Св.Покровского собора в Мельбурне Анастасия Ивановна Павлова - сердечно благодарю ее.

Очень взволнованный, я обратился с просьбой к бывшему военному священнику Русской Освободительной армии - власовской - протопресвитеру отцу Александру Киселеву проверить третью книгу, где я особо касаюсь религиозной темы. Я знаю, что наши местные священники не в состоянии физически проверить книгу в полторы тысячи страниц - на это нужно время, которого у них нет. Я не знаю, как смог отец Александр в его возрасте, при его занятости прочесть третью книгу и обнаружить три досадных ошибки.

Дорогой батюшка не только указал на ошибки, но и дал мне нужное пояснение. Позднее я звонил в Бризбан протоиерею отцу Михаилу Клебанскому и спросил его - что значат слова: в Евангелие от Матфея: "... по обручению Матери Его Марии с Иосифом..." - глава I, ст. 18.

Дорогой батюшка отец Михаил объяснил мне, что в те времена по закону Моисея обручение имело значение законного брака. Это то, чего я не знал и был уверен, что тогда, как и теперь, по обручению становятся только женихом и невестой, и только после венчания - мужем и женой. Вот незнание этого и привело к столь страшно досадной ошибке.

Поскольку евангелист Матфей называет Присно-Деву Марию женой Иосифа, я был уверен, что после обручения было венчание т.е. слова: "... прежде нежели они сочтались...", счел за - прежде нежели они венчались. (Смотри III-ю книгу, стр.104).

Я опустил строки, начиная с 14 строки до 18 включительно, соединив текст:

"... прочла Светлана.

- ..... А вот теперь прочти что сказал Ангел Богородице."

Таким образом, я исправил ошибку, о чем прошу и читателей. Следует обвести карандашом ошибочный текст и зачеркнуть его весь.

Вторая ошибка - о Святом Причастии - (См. страницу 103).

На строке 9 следует зачеркнуть слово священников и заменить его словом епископов. На строке 20 следует зачеркнуть слово перевоплощение и заменить его словом преложение.

Третья ошибка - о рукоположении священников (на стр.103, а также стр.119).

На странице 119, в 7 строке следует зачеркнуть слово священниками и заменить его словом епископами. На строке 9 следует зачеркнуть слово священники и заменить его словом епископы. На строке 13 следует зачер-

кнуть слова священники с архирейским священным саном и заменить эти слова словом епископом.

В эпилоге в разговоре Колосова я процитировал пояснения отца Александра Киселева из его письма ко мне. Надеюсь, читателю стало все понятно.

На странице 116 я опустил пять строчек, начиная с 8 строки до 12 включительно, соединив текст словами:

" - я уже поняла, Надюша... Тут опять-таки подтверждается единосущность и неразделимость Святой Троицы."

На странице 120 я опустил 5 нижних строчек и на странице 121 6 верхних строчек, соединив текст словами:

"Будучи Богочеловеком Он также сказал:

30 "Я и Отец - одно."

И еще на странице 124 я опустил 7 строчек от строки 16 до страницы 22 включительно, соединив текст словами:

"- Да, знаю.

- А скажи-ка, Света,..."

Все три исправления я сделал по слову отца Николая Карыпова. Благодарю очень дорогого батюшку.

Моя убедительная просьба к читателям исправить ошибки в своих книгах в указанных местах. Я приношу свое глубокое извинение читателям за сделанные мной ошибки. И впредь, так как ошибки еще могут обнаружиться, прошу читателей извинить меня.

Книгу я писал будучи на инвалидной пенсии (искривление позвоночника, а также болезнь шейного позвонка), и издать книгу на свои средства я не имел никакой возможности.

Тяжело болея, мне было нелегко работать над книгой. И если мне, при всех моих немощах, удалось справиться с работой над книгой, то прежде всего я благодарю Господа Бога Христа Спасителя, Богородицу и всех святых, которым я молился.

Благодарю отца нашей Австралийской-Новозеландской епархии, архиепископа Павла за проповедь, благодаря которой я обрел очень важные духовные знания. Эти знания я применил в содержании настоящей книги.

Благодарю протоиерея отца Михаила Протопопова и отца Николая Карыпова, оказывающих мне духовную помощь в тяжкие моменты, когда моя жестокая болезнь останавливала работу над книгой.

Эту же помощь оказывали мне, ушедшие в лучший мир, владыка Феодосий и отец Владимир Евсюков. Благодарю их молитвой, о чем прошу и читателей.

Благодарю матушек - они, принимая мои телефонные звонки к батюшкам, тоже помогали мне добрым словом.

Хочу сказать о Лидии Сергеевне Зеленой. Будучи старой женщиной, она печатала мою рукопись - каракули, (да, именно каракули - почерк у меня скверный), да дело еще в том, что печатала она в долг, так как платить ей за работу мне было нечем. Лидия Сергеевна напечатала всю мою рукопись, как она говорила: "настукала". Но вот, случилось несчастье - Лидия Сергеевна, с плохим здоровьем, поехала навестить родных в Советский Союз - в плененную Россию - и неожиданно там умерла. Благодарю добрую русскую женщину молитвой за ее душу, о чем прошу и

читателей.

Благодарю всех, кто помог мне в написании, издании и продаже книги чем и как смог.

Благодарю художника Сергея Анатолиевича Зезина за оформление обложки книги.

Благодарю Виктора Яковлевича Винокурова, напечатавшего всю книгу начисто и изготовившего ее для передачи в типографию Г.А.Павлова.

Я благодарю дорогого Григория Алексеевича Павлова, напечатавшего в своей типографии настоящую книгу.

Благодарю протопресвитера отца Александра Киселева и протоиерея отца Михаила Клебанского за их хорошие отзывы о книге. Еще раз благодарю всех, кто помог мне как смог — всем мое сердечное русское спасибо!

В книге много грамматических и стилистических ошибок. Исторические ошибки тоже есть, например: в первой книге на первой странице я написал:

"Еще до наступления летней жары улетели куда-то на север стаи пудовых пернатых донских дудаков..."

Быть может найдется читатель, который подумает, что автор запроторил дудаков к белым медведям. Я же мыслил, что раз степь выжженная солнцем, следовательно этим самым дудакам, чтобы чем-то питаться, нужно улетать с выжженной полосы и лететь севернее до полосы, где невыжженная трава и не пересохла ставки (пруды). Но так ли это — я не знаю.

Лет тридцать назад, я читал Исторические очерки Дона ген. П.Н.Краснова. Петр Николаевич пишет именно о выжженной летним солнцем Донской степи, но пишет ли он что-

либо о донских дудаках - я не помню. Прошу уточнить этот исторический вопрос правильно.

Х Х Х

Вторая историческая ошибка также в первой книге на странице 105-106, где я пишу:

"Миновав пригород города, они вышли в степь. Светлана бежала впереди, собирала тюльпаны.

- Тюльпанная радость моя! - сказала она, глядя в степную даль..."

Это имело место в августе месяце, когда тюльпаны уже отцвели. Возможно будет правильно если ошибочный текст заменить следующими словами:

"Светлана бежала впереди, стараясь найти хоть какие оставшиеся полевые цветы.

- Степь моя! Тюльпанная радость моя! Тюльпанная радость моя!, - сияя синевой глаз, восторженно громко проговорила Светлана, а затем, понутив голову, тихо сказала:

- Да, где мои тюльпаны? Нет их - отцвели они вместе с весной!"

Х Х Х

В первой книге на странице 375, строка двенадцатая - Лида Петрова говорит:

"- Немцы убили мою мать! Слышишь?
Мою мать! Моя мать еврейка и я тоже
еврейка!

- Ты, еврейка? - меняясь в лице, зло
и в тоже время испуганно, спросил он.

- Да, я еврейка! Я уже сказала!..."

Этот текст следует исправить и вот как:

" Немцы убили мою мать! Слышишь?

Мою мать! Моя мать еврейка и я по
матери еврейка, а по отцу я русская.

Моя мать православная христианка и
я тоже, и папа тоже!

- Ты, еврейка? - меняясь в лице
спросил он, как бы не слышав все дру-
гое, что сказала Лида.

- Я уже сказала все!"

Х Х Х

И еще во второй книге на странице 210 я
написал:

"... казак размашисто истово пере-
крестился..."

Следует слово "размашисто" опустить.

Х Х Х

В книге третьей на странице 98 следует
опустить семь нижних строчек, а на странице
99 опустить восемь верхних строчек, продол-

жая текст со слов:

"А вот я задам тебе еще такой вопрос..."

И вот такая еще ошибка: - я пишу об Алексее Гавриловиче Рудакове, как о боцмане дальнего плавания, тогда как такого звания боцман не имеет. Звание дальнего плавания имеют только капитан и штурман. О боцмане нужно писать: - Боцман, бывший в дальнем плавании.

И еще: - автор нисколько не верит, что вышенапечатанное открытое письмо генералу П.Н.Краснову было написано Главным управлением Казачьих Войск при КОНР, так как ни Донской Войсковой атаман генерал Татаркин, ни кубанский генерал Науменко ни за что не стали бы критиковать царскую Россию.

При встрече с генералом И.Н.Кононовым, я спросил его об этом. По мнению генерала Кононова, ответ генералу Краснову написал генерал Жиленков. Мне думается, что откуда и слова в письме: "... противны всякие помыслы о реставрации старого социального порядка неравенства!"

Если читатель понимает насколько сложным и тяжким было положение для Освободительного движения, то поймет и генерала Жиленкова и казачьих атаманов. Ответ генералу Краснову должен был быть именно таким, каким его написал генерал Жиленков, а казачьи атаманы не смели это сделать. ПОЛОЖЕНИЕ, несомненно, составили казачьи атаманы они и подписали его, а генерал Власов утвердил.

Что касается "союза" с Германией, то тут мне думается, что это слово "союз"

нужно понимать как условное, так как Власов и КОНР никакого союза с Германией не заключали. Был договор о принятии помощи от Германии, так как неоткуда было больше ее ожидать. В Манифесте КОНР говорится только о почетном мире с Германией.

Историки-исследователи установят насколько автор прав в своих доводах.

И вот еще ошибки, найденные протоиереем отцом Михаилом Клебанским. В первой книге на странице 433 последняя строка, на странице 434 последняя строка и на странице 435 первая и третья строка слово "животное" следует опустить. Отец Михаил мне пояснил, что животные имеют ум, но не имеют разума и творить не могут. Во второй книге на странице 88 строка 10 слова: "Народ хранитель Церкви Христовой - народ Богатырь" следует заменить следующим текстом: "Народ имеющий Христа в недрах сердца своего - народ Богоносец, народ Богатырь." Сердечно благодарю батюшку.

Автор забыл о человеке, первым указавшим на излишния повторения в книге, Валерий Карасике. Валерий, возможно не все, но частично исправил. Благодарю его теперь молитвой о чем прошу и читателей. Умер Валерий, будучи совсем молодым человеком.

Хочу поблагодарить авторов стихотворений, напечатанных в Приложении настоящей книги.

Еще раз благодарю всех, кто помог мне как и чем смог - всем мое сердечное русское спасибо!

С особой сердечной просьбой обращаюсь к священникам богословам исправить религиозные ошибки, если они еще имеются в книге.

На этом я заканчиваю свою корректуру. Предоставляю это сделать профессиональному корректору, который найдется, если не за рубежом, то в будущей свободной России наверняка.

Издавать книгу на иностранные языки и переиздавать на русском без моего разрешения - запрещаю!

Конечно, отзывы о книге будут разные, однако, каждый отзыв приму с благодарностью.

К.Черкасов

ПРИМЕЧАНИЕ

Фотографии памятника казакам в Лиенце взяты из книги ген.В.Г.Науменко - Великое Предательство, Всеславянское изд. New York, Том II, 1970.

И еще неправильности в III книге:

На стр.337 - Советский летчик выражение:

"Товарищи господа" произнес только один раз.

На стр.333 - На съезде представителей иностранной прессы - журналистов не было - автор "запустился"! Должно быть был редактор официоза Каз.Кав.Корпуса КАЗАЧИЙ КЛИЧ. Возможно был фотограф, но автор его не видел.

На стр.345 - Автор видел одного священника, а священников могло быть больше. Буду благодарен дополнительным сведениям.

На стр.316 - Под открытым письмом ГУКВ при КОНР ген.П.Н.Краснову, слово "Подписи" следует убрать - личных подписей не было. Здесь автор прилепил нелепую "приставку" - прошу прощения за все допущенные мной неправильности, особенно в местах, где они никак не должны быть. Быть может читатель скажет, что это пустяковые неправильности, о которых можно умолчать. Автор предпочитает о них сказать. Автор надеется, что новое издание книги будет дополнительно исправленно, а после нескольких переизданий, книга освободится от, по крайней мере, серьезных неправильностей и стилистических и грамматических ошибок.

Слово за историками, исследователями и профессиональными корректорами -(К.Ч.)

РУССКИЙ НАРОД

Народ-страстотерпец, ты духом великий,
В страданьях и битвах проходят века...
Икон твоих древних священные лица,
Путем твоим правит Господня рука.

Тебя не сломило татарское иго,
Тевтонская мощь не согнула тебя.
Князь Невский бил шведов, бил половцев Игорь -
Сыны твои гибли, отчизну любя.

От старой Рязани до Черного моря,
От синих Карпат до Уральской гряды,
Ты принял немало жестокого горя
От зверств и разгула татарской орды.

Твоих дочерей угоняли в неволю,
Европу ты телом своим защитил,
Но срок наступил Куликовскому полю -
И ханскую мощь ты навек укротил!

Потом потекли европейские орды:
Их вел на убой корсиканский капрал,
Пришел он на Русь победителем гордым,
Но в страхе разбитый и жалкий бежал.

Народ-страстотерпец, тяжка твоя доля!
Ты землю родную от горя берег...
И снова твое перетоптано поле,
И снова враг лютый ступил на порог!

И снова ты встал на борьбу - исполином!
В крови захлебнулась фашистов орда...
В порыве сыновнем, в порыве едином,
Когда над Россией нависла беда!

Народ-страстотерпец, пришли твои сроки
Тебе предначертан Мессии приход...
Навечно в скрижалях запишутся строки
О том, что свершил ты, ВЕЛИКИЙ НАРОД!

Игорь Смолянинов

Посвящается русским
эмигрантам борцам.

* * *

Мы те, кто именем России
Не позволяют торговать!
И нас, как некогда Мессию,
Спешат убийцы распинать.

Но мы стоим на твердых гранях,
Нас не пугают рубежи,
Мы знаем, что в бандитских дланях
Сверкают острые ножи!

Врага мы чуем, видим, знаем,
И он не дремлет и следит...
Нас бьют, но мы не умираем,
Нас жгут, но правда не горит!

Пусть сатана закрыл дороги,
Пусть осквернил родной порог,
Но Русь ему обломит роги
Ведь с нами правда, а в правде Бог!

Игорь Смоленинов

"Кто на землю Русскую
с мечом ступит – тот
от меча и погибнет!"

князь
Александр Невский

Примечание:

Рассказ деда Черкаса о найденной греческими учеными надписи / см. 3-ю книгу стр. 252/ в одной из пещер в Греции, в которой говорится об уничтожении людей, живущих на реке Танаис – Дон и о их возрождении это является подлинной истиной. Греческие археологи нашли эту надпись сделанную святым отцом Греции. Об этой надписи святого отца известно в Греции с давних времен.

Предсказание святого отца уже начало исполняться: на Дону уже теперь в 1991 году собирают Круги, избирают Атаманов, учреждают Союзы, Землячества, красуется Вознесенский Кафедральный Собор Воиска Донского в Новочеркасске - третий по величине во всей России - 5.000 вместительность

Происки коммунистов помешать возрождению казачества глупы и бессильны перед волей Божьей.

Слава тебе Господи!

Благодарим Тя Царице Небесная!

К. Ч.

ПОУЧИТЕЛЬНО ДЛЯ БЕЗБОЖНИКОВ

ГОЛГОФА РОССИИ

Стихотворение неизвестного автора из, плененной коммунистами, России.

Где стеснили простор
Груды каменных гор,
Среди черной уральской стихии,
На вершине горы,
Где летают орлы,
Есть голгофа великой России.

В восемнадцатый год,
Обезумев народ,
Допустил то кошмарное дело.
Он царя своего
И семью всю его
Палачам передал для расстрела.

Днем там ветер шумит,
Вещий ворон кричит,
И под кедры в прохладные тени,
На полуденный зной,
В безопасный покой
Отдохнуть прибегают олени.

Но, как ночь настает,
Император встает
Из могилы выходит с семьей,
И идут по камням,
По корням и по пням
На голгофу тернистой тропею.

И с поникшей главой
Цесаревич больной
Сам не может взойти на вершину,
Император в пути
Помогает взойти
На голгофу любимому сыну.

Там, подняв к небу взор,
На коленях среди гор -
За Россию молитву возносят,
И за русских, за всех,
За тяжелый их грех
Перед Богом прощения просят.

И над их головой,
    Как венец золотой,
        Как лампада на небе сияет,
И из ярких лучей
    Семь зажженных свечей
        На голгофу с небес посылает.

У царицы из глаз,
    Как уральский алмаз,
        Льются крупные горькие слезы,
И, где слезы текли,
    Там из жесткой земли
        Прорастают прекрасные розы.

У царевен глаза,
    Как небес бирюза,
        Заливаются горькой слезою,
Как цветок голубой
    Незабудки лесной,
        Смят безжалостной бурной грозою.

И всю ночь там они
    На молитве одни
        Напрягают последние силы...
Но, как солнца восход
    Озарит небосвод,
        Все обратно уходят в могилы.

И опять у скалы
    Лишь летают орлы
        И шумят старых кедров вершины,
И о звонкий гранит
    Горный ветер гудит
        И сметает он пыль на долины.

Но давно уж молва
По России пошла,
Что окончатся наши мученья,
Когда вместе с царем
На голгофу пойдем
И испросим у Бога прощенья.

И очистит Господь
Нашу душу и плоть
И изгонит все беды лихие,
И над нами, как встарь,
Будет вера и царь
И воскреснет былая Россия!

Ц А Р Ь

Осенний день, седые тучи,
Просветы мглистого утра
И крик свободный и могучий
Родного Русского - "УРА"!
Штыки сверкнули и застыли,
Лишь сердце рвется из груди
И наш свидетель бранной были
Склонилось знамя впереди.
И звуки "встречи" тонут глухо
В ревушем море голосов
И различить не может ухо
Его незримых берегов.
Но где же Он? - кричат соседи,
В руке зажат дрожит эфес!
И шум рядов и звуки меди,
И эхом вторит дальний лес.

Он на коне. Его улыбка
Скользит любовью по рядам!..
К ним поворачиваясь гибко,
Как бы читает по глазам.
И вмиг затихнув, онемели
Они, увидев пред собой,
В походной серенькой шинели
Царя земли своей родной!

И сколько в нем любви светилось,
Глубокой грусти и добра,
Что миг прошел - и разразилось,
Как буря новое "Ура!"
Его уж нет - Его убили,
И не щадя в Нем ничего,
Вся сила мерзости и гнили
Играла именем Его!
Но места нет теперь злословью -
И пусть воскреснет вновь,
Его доказанная кровью,
К народу русскому любовь.

М.Н.Шереметьев

ЦАРИЦЕ - ШЕФУ

Не пышным торжеством встречаем годовщину
Столь памятной главе истории полковой,
Но мысленно стоим с молитвой у всех единой
Мы в этот светлый день, Царица, пред Тобой.

К Твоим стопам несем сомненья и печали
Во вражеских руках, средь величайших бед,
Ты думала о нас и из сибирской дали
К нам доходил не раз Твой царственный привет.

Когда спускалась ночь и Ты вверяла Богу
Весь ужас на душе и не посильный гнет,
Ты верила - Полк найдет к Тебе дорогу
И смелою рукой угрозу отведет.

Перед врагом в полях мы не знали страха,
Штандарты двух веков нам говорят о том,
И вензеля царей под Шапкой Мономаха,
И белый Крест побед под золотым Орлом.

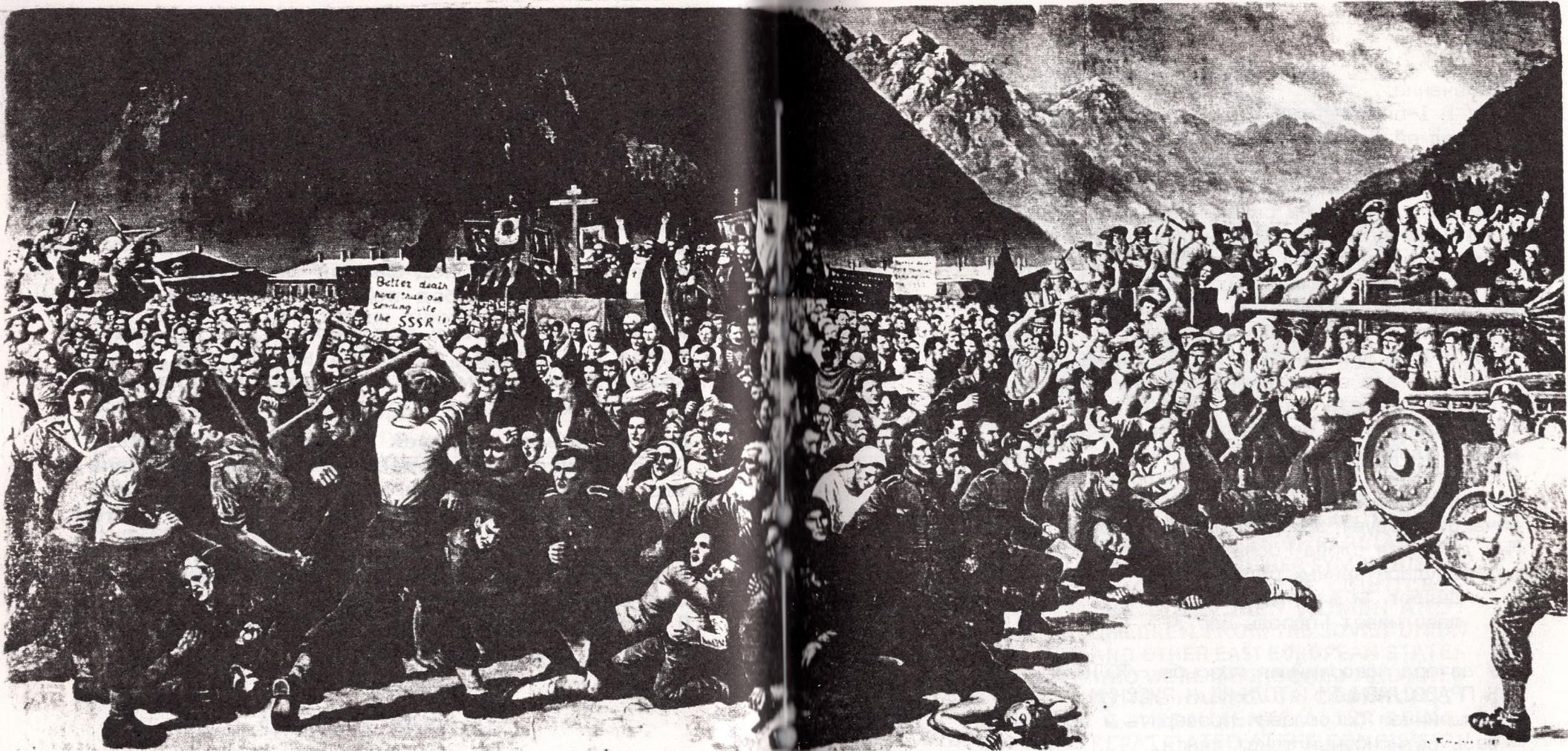
Но золотых орлов в тот черный год не стало,
Труба из серебра не звала нас на бой,
Когда таилась смерть и призраком витала
В глуши уральских гор над Царскою Семейей.

Прости невольный грех Твоих улан, Царица,
Прости, что полк родной от зла не сберегли,
Что не легли костями с девизом Аустерлица,
Что свой священный долг исполнить не смогли.

Не блещет Царский день в России, как бывало,
И полковой собор в наш праздник нелюдим...
Без сменных часовых стоит утес Урала
И кружится метель над ПРАХОМ ДОРОГИМ...

Старый улан

Х   Х   Х

ВЫДАЧА НАЗКОВ В ЛИЕНЦЕ

АВСТРИЯ — ИЮНЬ 1945

BETRAYAL OF COSSACKS AT LIENZ

AUSTRIA, JUNE 1945

LA TRAHISON DES COSAQUES A LIENZ

AUTRICHE, JUIN 1945

DIE AUSLIEFERUNG DER KOSAKEN IN LIENZ

OESTERRICH JUNI 1945

Права собственности закреплены за:

Нью Йоркской Обще-Казачьей Станицей
Нью Йорк, США.

Copyrighted by:

THE ALL COSSAKS STANITZA, Inc.
51 East 121st Street, New York 35, N. Y., U.S.A.

Работа художника С. Г. Королькова

Painting by: S. G. Korolkoff

Фотография Н. Телятникова

Photo by N. Teliatnikow

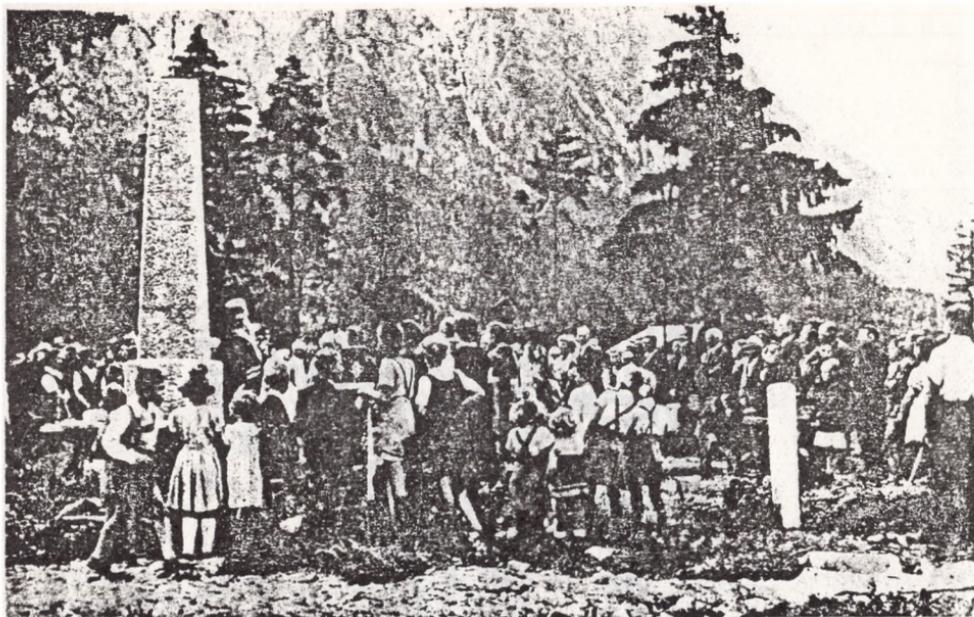

THIS MEMORIAL WAS PLACED
HERE BY MEMBERS OF ALL PARTIES
IN BOTH HOUSES OF PARLIAMENT
AND BY MANY OTHER SYMPATHISERS
IN MEMORY OF THE COUNTLESS
INNOCENT MEN WOMEN AND
CHILDREN FROM THE SOVIET UNION
AND OTHER EAST EUROPEAN STATES
WHO WERE IMPRISONED AND DIED
AT THE HANDS OF COMMUNIST
GOVERNMENTS AFTER BEING
REPATRIATED AT THE CONCLUSION
OF THE SECOND WORLD WAR

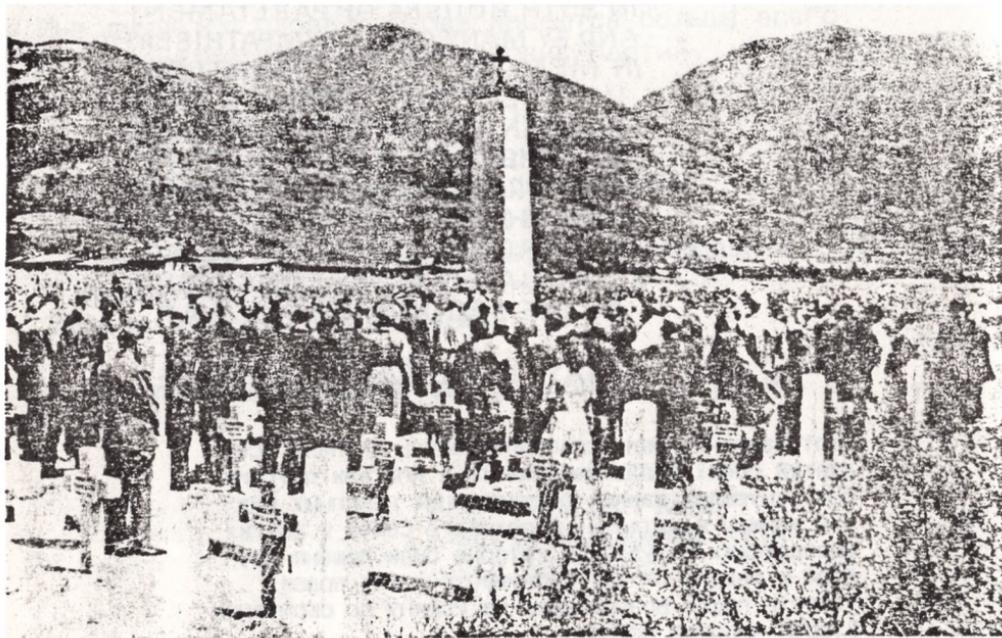
MAY THEY REST IN PEACE

Этот памятник был установлен здесь членами всех партий обеих палат парламента и многими другими сочувствующими памяти бесчисленных невинных мужчин, женщин и детей из Советского Союза и других европейских государств, которые были лишены свободы и умерли от рук коммунистических правительств после возвращения на Родину по окончании Второй мировой войны.

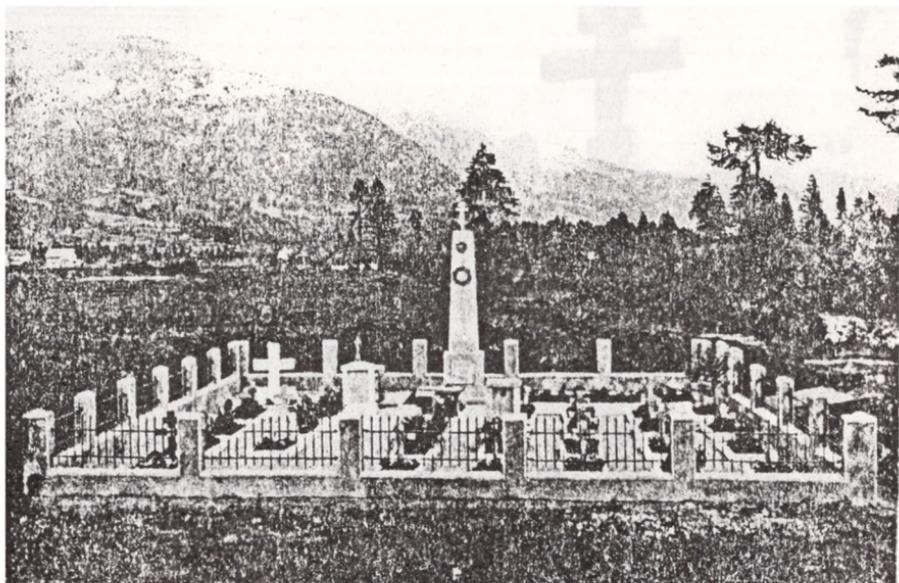
Мир праху их!

Панихида на Братском кладбище 15 августа
1950 г. Лиенц, Австрия.

Панихида на Братском кладбище 15 августа
1950 г. Лиенц, Австрия.

Окончательный вид кладбища с памятником -
обелиском и с железобетонною оградю.
Лиенц, Австрия.

Мельбурн, Австралия, 1954 год.

Казаци у памятника жертвам коммунизма,
Мельбурн, Австралия.

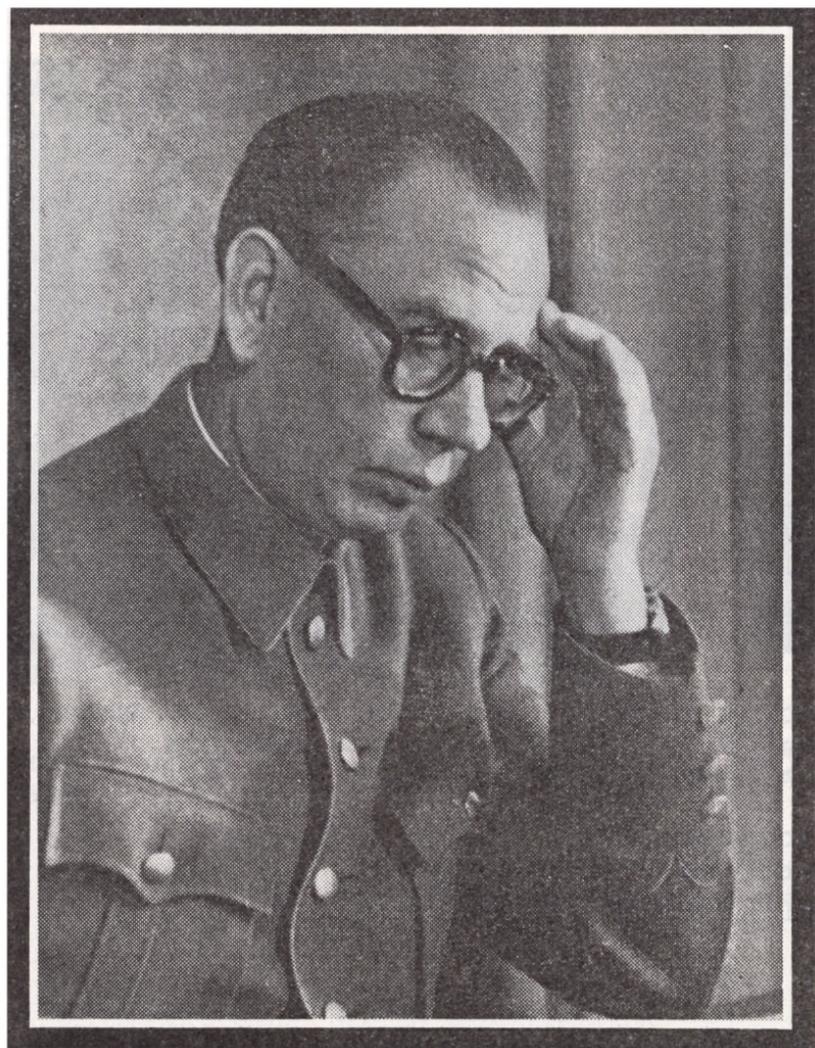

Казаци у памятника жертвам комунизма,
Мельбурн, Австралија.

Прот. А. Киселев произносит слово во время
ежегодной панихиды у памятника ген.
А. А. Власову, США.

Фотография взята из книги прото-
пресвитера отца Александра Киселева:
ОБЛИК генерала ВЛАСОВА.

А. А. Власов

*«Больши сия любве никто же имать, так кто
душу свою положит за други своя»*

(От Иоанна, Гл. 15, стих 13)

«Правда» от 2-го августа 1946 года сообщила, что Военная Коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела дело по обвинению **Власова А. А., Малышкина В. Ф., Жиленкова Г. Н., Трухина ф. И., Закутного Д. Е., Благовещенского И. А., Меандрова М. А., Мальцева В. И., Буняченко С. К., Зверева Г. А., Карбукова В. Д. и Шатова Н. С.** в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1 «Б», 58-8, 58-9, 58-10 и 58-11 УК РСФСР.

В соответствии с пунктом 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года, Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила всех к смертной казни через повешение...

ПАНИХИДА

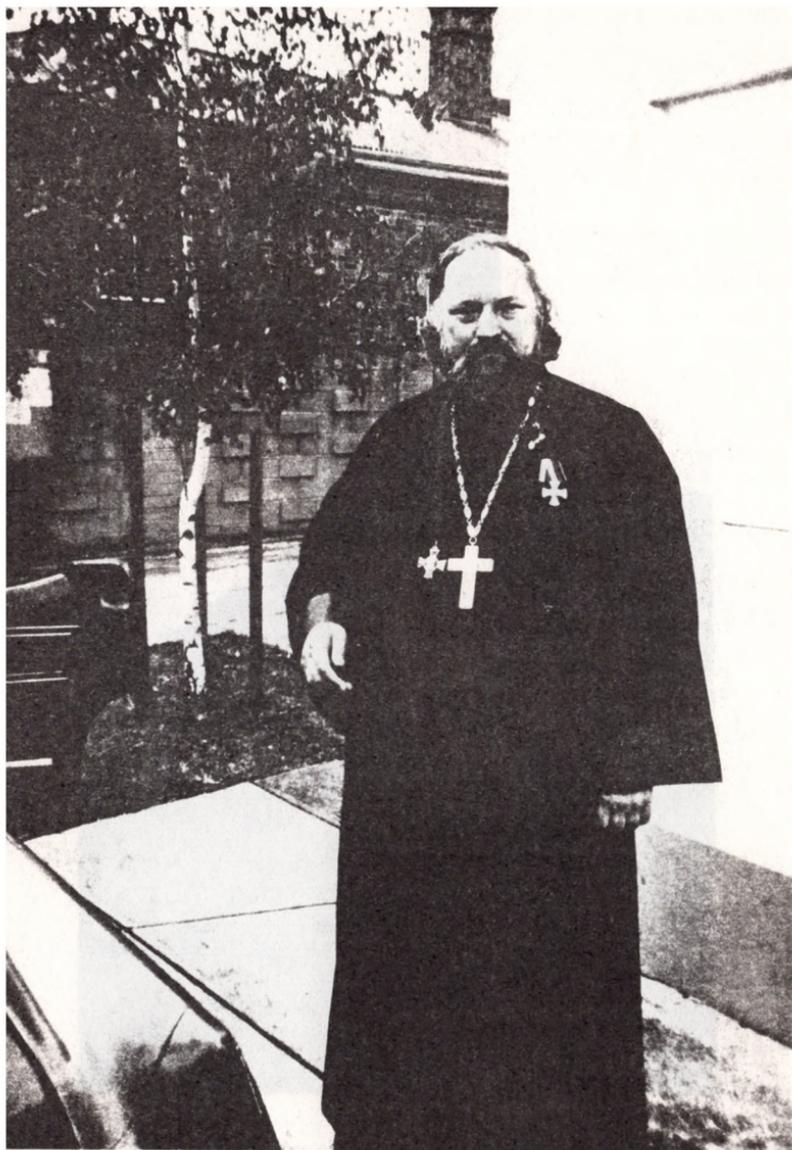
ПО КАЗНЕННЫМ И ОКЛЕВЕТАННЫМ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ДИКТАТУРОЙ
РУКОВОДИТЕЛЯМ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ
НАРОДОВ РОССИИ

6-го августа

в Соборе Св. Николая (Сальватор плац)
после литургии

СБОНР и СВОД

Мюнхен, август 1961 г.

Протоиерей Михаил Протопопов
духовник автора

Автор

" Р О С С И Я - Н А Ш А !

П Р О Ш Л О Е   Р О С С И И - Н А Ш Е !

Б У Д У Щ Е Е   Р О С С И И -

Т О Ж Е   Н А Ш Е ! "

А.А.Власов

"... без Меня не можете
делать ничего."

Евангелие от Иоанна
Гл.15, стих 5.

Примечание

1/ В I-ой книге на стр. 348 в речи Васильевны перед её словами /5 строка сверху/...„ А кому же эти секты то исповедуют грехи то свои?.. - следует вставить следующее: „ Конечно лич исповедуем грехи наши Богу, но через священников.. - А потом уже: „ А кому же эти секты?.. - и т.д. Иначе у читателя - может быть неправильное понятие об исповеди. Тут же Васильевна говорит: „ .. Вестимо нам тоже из Евангелия..”, тогда как об этом говорится в Деяниях св. Апостолов - следует исправить.

2/ В I-ой книге на стр. 358 / вконец стр./ ...„ А это соответствует словам Господа: „ Без меня не можете творить ничего.” И на стр. 359 продолжает: „ .. Господь сказал, что без него ничего творить неможно”..

В Евангелии на русском языке от Иоанна глава 15 стих 5 сказано: ...„ без меня не можете делать ничего.” Следует заменить слово творить словом делать. Мне думается слова Господа касаются больше всего дел государственных политических партий.

Делают ли эти люди так как повелевает Господь Бог ?!

x x x

У автора покорнейшая просьба - ТОЛЬКО К ПРАВОСЛАВНЫМ И ТОЛЬКО К РУССКИМ священникам богословам проверить и исправить весь религиозный текст книги.

Заранее сердечно благодарю!

К. Ч.

Прошу читателей писать мне в адрес типографии Г.А.Павлова.

Mr. G.A.PAVLOV
158 KIRKHAM ROAD
SOUTH DANDENONG 3175
VIC AUSTRALIA.

МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ

К. ЧЕРКАССОВ.